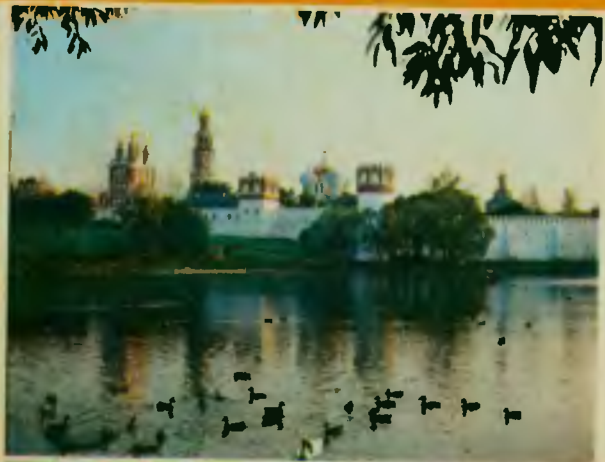
80 коп.

Индекс 70544

МОСКВА.
НОВОДЕВИЧИЙ
МОНАСТЫРЬ.

Общий вид.

Надвратная Преображенская церковь.

Собор Смоленской Божьей матери.

СССР

Молодая гвардия

1989

ISSN 0131—2251

8

«...Должно исполнять звание свое так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь нимало о воздаянии почести, превознесении к славе...»

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ

К 240-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

8 · 1989

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Рис. В. Завьялова. Фото Б. Раскина.
Четвертая страница обложки журнала: Фото Б. Раскина.

«Молодая гвардия». 1989. № 8. 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

Подписка на журнал «Молодая гвардия» на 1989 год принимается повсеместно с любого месяца без ограничения. Обо всех случаях отказа в подписке просим сообщать редакции журнала.

Валентин РАСПУТИН
писатель, народный депутат СССР

«ВАМ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ, НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ СТРАНА»

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Уважаемые товарищи депутаты! Здесь у нас невольно выявилось противопоставление между нами, между теми, кто прошел конкурентные многомандатные бои, и теми, кто пришел от общественных организаций. Не раз за эти дни приходилось слышать, что одни — это избранники народа, а другие — подсажены, чтобы тормозить активность перестройки. Я тоже считаю, что Закон о выборах несовершенен и со временем должен быть изменен в пользу только окружной системы. Разве это нормально, когда один человек голосует дважды или даже трижды, а бывает и четырежды: у себя в округе, где-нибудь в Фонде культуры, в Союзе писателей, а потом еще и в Академии наук? Такого, естественно, не должно быть. Однако чем дальше заходят наши дискуссии, тем больше убеждаюсь я в том, что на начальном этапе демократических выборов предста-

вительство от общественных организаций было необходимо. Во имя плюрализма, о котором мы много говорим как об условии демократического существования, потому что перестройка вступила сейчас в такую стадию общественного развития и поднялась на ту вершину, где обитают ястребы, которые пытаются монопольно стать ее хозяевами. А всякого, кто не согласен с ними, объявляют врагом перестройки.

Самое употребительное выражение на съезде — антиперестроечные силы. Мы слышим, что если перестройка — это революция, то должна быть и контрреволюция. С контрреволюцией, как сами понимаете, разговор бывает особый, без всякого плюрализма. Когда ястребы придут к власти, они постараются создать и государственную систему подавления контрреволюции, а пока на пути к власти вводится, и вводится довольно успешно, система общественного подавления.

Дело не в расхождениях, которые неизбежно появляются в процессе развития и которые по мере развития могут быть сближены или устранены. Дело куда как в большем: в судьбе перестройки и демократии. Мне понравилась прозвучавшая здесь мысль Олжаса Сулейменова: если все время загребать слева, непременно пристанешь вправо. Это не просто образ, а закон действия всякого поворотного механизма, в том числе и общественного. У Платона, древнегреческого философа, есть по этому поводу замечательные слова. Цитирую: «Тирания возникает, конечно, не из какого другого строя, как из демократии. Иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство». Так вот, чтобы этого не произошло, чтобы демократия в нашей стране утвердилась раз и навсегда, нет ничего предосудительного в том, если в обществе является необходимость сдерживания «безумства храбрых». Пропетая ему, этому безумству, песнь привела в свое время к трагическим результатам. Теперь из одной пропасти оно способно толкнуть нас в другую. Так что поосторожнее с антиперестроечными силами. К ним по всей логике вещей в первую очередь вас и следует отнести.

Плюрализм возможен как разность и многообразие общественных и политических мнений. Вы навязали стране плюрализм нравственности. Вот это поопаснее всяких бомб. Общество или поддерживает нравственность, или не поддерживает ее. Третьего пути не бывает. Раздавшиеся здесь робкие голоса о главенствующем значении в любой цивилизованной стране культуры и духовности, как мне показалось, были пропущены мимо ушей. Нас больше занимает различное законодательное крючкотворчество. Упаси меня боже быть против разумных поправок к Конституции и законам. Я только был бы удивлен, если бы новая Конституция вслед за сталинской и брежневской стала евтушенковской. Повторяю, я не против всяких разумных поправок... Для того мы здесь и собрались. Только во имя души, достоинства, культурного и нравственного облика народа их пока не было. Хлеба и зрелищ — вот что исподтишка записали сейчас на знаменах перестройки.

В зрелищах мы уже преуспели, притом в зрелищах самого сомнительного свойства. Идет почти открытая пропаганда секса, насилия, освобождения от всяких нравственных норм. Сейчас время трагедий, которые следуют почему-то одна за другой. Но заметили ли вы одну закономерность? Только смолкнет голос диктора, объявляющий о человеческих несчастьях и жертвах, как экранный

эфир заполняет какофония бесноватой музыки. Но нам все трын-трава, мы свободны от морали и от сопереживания. Куда дальше? Орган Детского фонда имени Ленина еженедельник «Семья» из номера в номер печатает детскую сексуальную энциклопедию в картинках, от которых даже взрослому становится не по себе. Вероятно, в таком воспитании председатель фонда и редактор журнала видят свою миссию спасения обездоленных детей. «Злу не положено предела», — говорили древние, и истина эта подтверждается все более и более. Не знаю, как грузинской депутации, а мне не по себе стало, и я счел это святотатством, когда красотки в плавках, участницы очередного конкурса красоты, кокетливо застыли в минуте молчания в память о погибших в апрельских событиях. Неужели подобный цирк не оскорбляет ваши национальные чувства?

Со зрелищами, как видите, все в порядке. А если добудем еще хлеб, замешанный не на поте и нравственности, а приобретенный в полном ассортименте распродажи национальных богатств, недалеко будет и до повторения судьбы Римской империи. Здесь, помнится, кто-то строго взыскивал с товарища Лукьянова за рост преступности. Причин много, что и говорить. Но одна из главных, может быть, самая главная — нравственная разнузданность и похотливость, неразборчивость и сквернолюбие средств массовой информации, особенно молодежных изданий и программ. Все это мутным потоком хлынуло в книги, кино и театры и принялось обслуживать индустрию развлечений, паразитирующую на человеческих пороках. Наша молодежь бессмысленно гибла в Афганистане, столь же бессмысленно она калечится в необъявленной войне против нравственности. Призывов стать лучше в таких случаях недостаточно, нам необходим закон, который бы закрепил и взял под охрану нравственность и запрещал пропаганду зла, насилия и пороков. Когда-нибудь мы пожалеем, что пренебрегли столь важной наукой в это переломное время, как социальная психология. Знание этой науки, позволяющей учитывать настроение людей, способно принести самые неожиданные и удивительные результаты.

У нас в обществе вместе со здоровой создается в последнее время активность, из которой изымается гражданское патриотическое содержание и которая переводится в русло нигилизма и высокомерных притязаний. Неправое, как известно, всегда активнее и организованнее. В ходе предвыборной кампании настроение определенных групп улавливалось некоторыми кандидатами с чуткостью барометра. Стоило кому-нибудь из них выложить партбилет, как популярность его взмывала сразу будто на крыльях. Я не член партии и сознательно не вступал в нее, наблюдая, как много пробивается туда разного рода корыстолюбцев. Состоять в партии было выгодно. Потому она и потеряла свой авторитет. Сейчас состоять в партии стало невыгодно, более того, опасно. И оставлять ее в такой момент отнюдь не мужество, как преподносится неискушенным людям, а тот же самый расчет, который прежде вел в партию. Мужеством это было бы десять или даже пять лет назад, только не рано ли побежали вы с корабля, не подводит ли чутье тех, кто считает корабль обреченным? Юристы не однажды объясняли нам здесь такие тонкости своего предмета и показывали столь ювелирное знание законов, что сердце радовалось. Есть такие специалисты, недалеко и до правового государ-

ства, но как быть, товарищи юристы, с такой закавыкой, отнюдь не тонкого свойства, когда ваш коллега в интересах избрания в депутаты подбрасывает сенсацию, связывая с преступностью имя из самого верхнего эшелона власти? Разве тайны следствия уже не существует, разве презумпция невиновности, или как это у вас называется, отменена уже?

В неправовом государстве, в котором мы долго пребывали, генерал и член Политбюро могли чувствовать себя в безопасности, а в том правовом, к которому, судя по всему, вы нас ведете, ни высокопоставленные особы, ни тем более самый простой человек, если он высказал инакомыслие или не угодил кому-то, не свободен будет коль не от физического, так от морального уничтожения. От клеветы и машиношельмования, которые ничем не лучше машины четвертования и которые, похоже, уже пущены в ход. А не все ли равно, от чего погибать приговоренному — от государственного террора или от террора среды в государстве, где, возможно, формально станут соблюдаться писаные законы.

К сожалению, Вы не ответили, Михаил Сергеевич, на заявление депутата Роя Медведева, будто всякий раз, когда Вы отлучались из Москвы, да если Ваше отсутствие совпадало с отсутствием Александра Николаевича Яковлева, то создавалась обстановка, близкая к государственному перевороту. В связи с этим я хочу спросить Вас: так ли это? И была ли очередная опасность государственного переворота в период последнего Вашего визита в Китай, где Вы находились одновременно с Александром Николаевичем? Если таковой злоумышленник в Политбюро существует, то почему Политбюро с ним мирится? А если обвинения депутата Медведева беспочвенны, почему Вы об этом не скажете? Разве не видно, что в борьбе за власть, которая ни для кого здесь не является тайной, намечена к устранению первая фигура, против которой давно ведется организованная кампания. Нет нужды напоминать Вам, кто станет следующим. Все это, уважаемые товарищи депутаты, увы, уже было.

Слишком много в атмосфере нашего съезда узнаваемо. Появляются у нас свои керенские, Милюков, Гучков, Чхеидзе — я надеюсь, что грузинская делегация грузинскую фамилию не свяжет с собой. Со временем обозначатся и другие. Слышны порой призывы Государственной думы, те же пляски на процедурных вопросах, срывающих обсуждение важных дел, то же стремление навязать свою позицию, та же страсть к сильным выражениям. Помните, обвинили в государственной измене сначала военного министра, а когда это сошло с рук, обвинили в том же императрицу, остальное было делом техники. Не мною сказано, но кстати повторить здесь в небольшой редакции знаменитые слова: «Вам, господа, нужны великие потрясения — нам нужна великая страна».

О стране. Никогда еще со времен войны ее державная прочность не подвергалась таким испытаниям и потрясениям, как сегодня. Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими. Эмиссары из Литвы и Эстонии едут с ними, создавая единый фронт, в Грузию. Оттуда местные агитаторы направляются в Армению и Азербайджан. Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное. Здесь, на съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но, по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. Кое-какие ресурсы природные и человеческие у нас еще остались, руки не отсохли. Без боязни оказаться в националистах мы могли бы тогда произносить слово «русский», говорить о национальном самосознании. Отменилось бы, глядишь, массовое растление душ молодежи. Создали бы наконец свою Академию наук, которая радела бы российским интересам, занялись нравственностью. Помогли народу собраться в единое духовное тело.

Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки. Нам говорят: это ваш крест. Однако крест этот становится все больше неподъемен. Мы очень благодарны Борису Олейнику, Иону Друцэ и другим делегатам из республик, кто сказал здесь добрые слова о русском языке и России. Им это позволяется, нам — не прощается.

Нет возможности сейчас подробно объяснять, да вы это и сами должны знать, что не Россия виновата в ваших бедах, а тот общий гнет административно-промышленной машины, который оказался для всех для нас пострашней монгольского ига и который и Россию тоже унизил и разграбил так, что она едва дышит. Нет нужды в подобных разъяснениях, но мы просили бы вас: жить нам вместе или не жить, но не ведите по отношению к нам себя высокомерно, не держите зла на того, кто его, право же, не заслужил. А лучше всего вместе было бы нам поправлять положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности.

Верно и то, что в межнациональных сложностях сейчас виновата во многом вот эта промышленная машина, уничтожающая природу. Я согласен с теми, кто предлагал здесь не запугивать без особой нужды депутатов, а значит, и всю страну, которая не отрывается от телевизоров, тяжестями нашего положения. Запугивать не нужно. Но есть одна самая главная, изначальная сторона нашего существования, где, что бы вы ни сказали, как бы ни пытались преувеличить картину, все будет мало. Речь идет об экологии. Слово это самой природой давно уже начертано не зеленой, а черной краской. Мы пытаемся строить новое, справедливое государство. А для чего его строить, если годы наши при таком отношении к природе сочтены? Госкомприроды не справляется со своими функциями, и при его подчиненности не может справиться. Пока не поздно, необходимо вывести его из бесправного положения и передать Верховному Совету.

Все широкомасштабные природопреобразующие проекты нуж-

но обсуждать в комиссии Верховного Совета и выносить на окончательное утверждение съезда. Иначе — пропадешь, иначе снова и снова будут появляться у нас правительственные постановления, принятые тайно от народа, как, например, постановление о строительстве в Тюменской области пяти нефтегазохимических комплексов, разорительных для страны, чрезвычайно губительных для природы, но, вероятно, выгодных иностранным фирмам. Иначе нельзя будет покончить с практикой принятия проектов без экологической экспертизы.

И под конец я бы хотел обратиться к Николаю Ивановичу Рыжкову. Будучи в Алтайском крае, Вы, Николай Иванович, как нам кажется, введены в заблуждение толкачами строительства Катунской ГЭС, публично на всю страну согласились, что да, строить надо. Затем на встрече в крайкоме партии Вы оговорились: при условии положительной экологической экспертизы. Однако эти Ваши слова слышали лишь те, кто не хотел их услышать, а первые — прозвучавшие по телевидению — были приняты руководством к действию. Нас, многих депутатов, потому и забрасывают телеграммами и письмами с тысячами подписей коренного алтайского населения и десятками тысяч — тех, кто болеет за Алтай, потому и забрасывают, что именно в эти дни экспертная комиссия Сибирского отделения Академии наук и Госплан РСФСР принимают решение об одобрении строительства и, таким образом, об уничтожении последнего уникального природного комплекса Сибири. Мы просим Вас: разберитесь внимательно с катунским делом. Нам, нескольким депутатам, участвовавшим в создании байкальского движения по сохранению пресной воды, пришлось на два дня оставить съезд, чтобы провести очередное заседание этого международного движения. Мы посмотрели там фильм, переведенный японцами, — о болезни, вызванной органической ртутью. Фильм жуткий, волосы становятся дыбом от страшных картин, показывающих мучения и масштабы бедствия. В районе Катунской ГЭС есть месторождения ртути. Они до сих пор вызывали у ученых сомнения, которые, боюсь, исчезли после Вашего, Николай Иванович, невольного вмешательства.

У нас на Ангаре вот уже несколько лет на гидростанциях спускается вода. Некуда девать электроэнергию. Может быть, вместо того, чтобы губить Катунь, передать эту энергию на Алтай? Да есть ведь и другие способы.

Закончить я хотел бы тем, что если уж мы вводим практику всенародных референдумов, то первый референдум хорошо бы провести по вопросу существования атомных станций.

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция журнала «Молодая гвардия», многочисленный читательский актив журнала горячо поддерживают гражданское беспокойство В. Распутина и разделяют его тревогу о судьбе социалистического Отечества, о судьбе перестройки в стране, прозвучавшие в страстном выступлении писателя на Съезде народных депутатов СССР.

ПОЭЗИЯ

СТИХИ УЧАСТНИКОВ IX ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Недавно в Москве состоялось IX Всесоюзное совещание молодых писателей, организованное Союзом писателей СССР и ЦК ВЛКСМ. Молодые литераторы страны собрались в столице, чтобы вести открытый, заинтересованный разговор о современных проблемах, поучиться и поделиться своими достижениями со сверстниками и старшими собратьями по перу.

Занятия проходили в 35 семинарах, которыми руководили известные прозаики, поэты, критики, публицисты, переводчики и драматурги. Но, очевидно, и этого количества было недостаточно, поскольку, кроме официальных участников, на совещании присутствовало примерно такое же количество гостей, молодых литераторов, не прошедших строгий творческий конкурс, но, несомненно, тоже заслуживающих внимания.

Предлагаем читателям познакомиться с несколькими молодыми поэтами, разными по стилистической манере, уровню и характеру поэтического темперамента, но одинаково устремленными в осознании своего места в жизни. Надеемся, их стихи не оставят читателей равнодушными.

Андрей НОВИКОВ
(г. Липецк)

* * *

Гроза подходит стороной.
Плетни овиты хмелем пыльным.
Еще не сломлен птичий строй
над синим лесом, далью синей.

Но все темнее за окном,
и сорвана с петель калитка.
Бревенчатый заброшен дом.
Чан с дождевой водой, неслитый.

Лесная бабочка летит,
сквозь паутину в стекла бьется,
День не кончается, стоит,
а в небе — и луна, и солнце.

НАБЕРЕЖНАЯ

Был светел день, но краски скупы,
и воздух влажен — в легких резь.
Исакия ребристый купол
в прозрачной изморози весь.
Кричали чайки в мокром сквере
под плавный, редкий листопад.
Был в инее гранитный берег,
тяжел, обветрен, ноздреват.
Вода Невы с отливом черным.
И ветер кстати, как нельзя...
И так свежо, и так просторно,
что увлажняются глаза.
Какой-то зыбкости и тверди
дворцы и площади полны.
И всадник из зеленой меди
на гребне каменной волны.
И, отражаясь в окнах, стынет,
соперничая с небом лишь,
изысканность каналов, линий,
и крутизна голландских крыш.

Юрий ЩЕРБАКОВ
(г. Астрахань)

* * *

Я очень много не успел
За эти тридцать лет.
И до сих пор на пальцах мел —
Школярства долгий след.
И хоть учиться не грешно
И до седых волос,
Я не ответил все равно
На главный на вопрос.
Что хрестоматий кирпичи,
Где пыль былых проблем?
Меня ты, совесть, научи:
Зачем живу, зачем?
Бездумно веровать в любовь,
Которая одна

Нас в братство всех в конце концов
Соединить должна?
И все же только эта нить
Нас держит на плаву...
Люблю людей и, может быть,
Для этого живу.

* * *

Нас у Курил настиг циклон —
Крутой характер у погодки!
И практикант из мореходки
Страдать от качки обречен.

А мы, привычные к таким
Морским отчаянным болтанкам,
В душе жалея практиканта,
Его ругаем по-мужски.

За словом слово хлестко бьет,
Ругаем крепко, не для виду —
Пусть парень встанет от обиды,
Пусть от обиды, но встает!

...Дрожат мальчишеские руки,
И первый шаг — как на костер.
Морская горькая наука —
Вставать штормам наперекор!

Наталья ХАТКИНА

(г. Донецк)

* * *

Упаду,
как река — в песок,
и уйду,
как река — в песок.

И тогда вам придется
рыть колодцы.
Когда стоило лишь наклониться,
чтобы напиться.

Замир ВАЛИЕВ
(г. Джума)

ЛИЦА

У резной двери,
сработанной так искусно,
лицо ее мастера.

У деревьев,
посаженных моим дедом,
лицо покойного деда.

Ученики моей мамы
чем-то похожи на нее.

На стенах дома,
который я строю,
свои узнаю черты...

РАВНОВЕСИЕ

Мать крепко держит
Свое крошечное дитя.

Она мгновенно
Потеряет равновесие,
Если эту опору
Выпустит из рук...

Алексей БЕЛЬМАСОВ
(г. Ленинск-Кузнецкий)

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА

Когда ветра тоскуют и безумствуют,
когда дожди шумят в его стихах —
зажму глаза ладонью
и почувствую,
как слезы проступают на щеках...

Поверить было дико,
и пристыть
сознанье к страшной мысли не хотело...

Но в мертвые бумажные цветы
легло его безжизненное тело.

Ах, Родина! — земля богатырей,
земля детей, тебя воспеть сумевших,
ах, Русь! Россия! — в горнице твоей
на одного ребенка стало меньше.

...Последний путь... процессия... взахлеб
над горем голос аккомпанемента...

И тени от берез на красный гроб
легли,
как будто
траурные ленты.

Наталья БОГАТОВА
(г. Москва)

* * *

Иногда зовут —
Зная, что приду.
Иногда зовут —
Чтобы не пришла.

Иногда зовут
Просто потому,
Чтобы не забыть
Человечью речь.

Владимир ХОМЯКОВ
(Рязанская область)

ЛИСТОЦВЕТ

Листоцвет кружит по озеру,
в лужах —
черствая вода.

Рановато этой осенью
подступают холода.

Все сполна природой отдано.
Ты, душа, не отставай:
не ищи в успехе отдыха
и в беде не остывай.

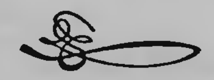
Глубина районной родины.
Грусть любимого лица.
И рябины,
словно доноры,
у больничного крыльца...

Виктор КАЗАК
(Московская область)

* * *

...И, как всегда, летели птицы
На юг, в минувшие года.
И сквозь последние зарницы
Дожди летели в холода.

Чего душа с надеждой просит?
Кому ответствует она?
Не птицы ль души наши носят,
Уже не помня имена?!

Александр Шеянов родился в Оренбурге.
Окончил Мордовский государственный университет и отделение журналистики ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Работал на заводе, воспитателем в рабочем общежитии, в редакции республиканской молодежной газеты и в «Комсомольской правде».
Рассказы печатались в «Нашем современнике», «Литературной России», «Неделе», «Смене», «Москве», «Крестьянке».

Александр ШЕЯНОВ

БЕСЦЕННЫЙ СУВЕНИР

Рассказ

В субботу вечером, за чаем, деда Пантелея Сидоровича взбаламутила внучка Анжелика.

— Чего это, — говорит, — у вас, дедуля, самовар без толку пылится в кладовке, продали бы, что ли...

— Да кому он, поди, нужен, — вяло поддержал разговор Пантелей Сидорович, — теперь электрические в моде...

— А ничего вы не понимаете, — с важным видом и как будто даже с удовольствием сказала деду внучка, — сейчас старинным самоварам сто рублей цена...

— Сто?! — не поверил Пантелей Сидорович.

— Сто! — и глазом не моргнула Анжелика, как бы призывая в свидетели сидящих рядом маму, папу и бабушку.

«Мать честная, — Пантелей Сидорович, недоумевая, поскреб затылок, — в те времена корова три рубля стоила», — и озадаченно буркнул:

— Так это, поди, какие другие самовары?
— Какие еще другие! — в голосе внучки появились нотки, не терпящие возражения. — На нашем вон сколько медалей!
— Да-а, медалей хватает, — согласился дед и как-то по инерции продолжил: — А где же такого богатого покупателя-то сыщешь?
— А вот и знаю где! — Анжелика гордым взором окинула всех присутствующих.
«Экая пигалица, — недовольно подумал Пантелей Сидорович, — в восьмой класс перешла, а поди ты», — и не без испуга выдавил:
— Где же?
— Да вон в восемьдесят вторую квартиру родственник из Москвы приехал, — выпалила внучка, точно боясь, что ей не поверят, — он самоварами-то и интересовался...
— В восемьдесят вторую, говоришь? — переспросил дед. — Это к Михеевым, что ли?
— К ним... — вместо замявшейся внучки ответила бабушка.
— А что, старуха, может, нам и вправду продать самовар? — с какой-то преувеличенной бодростью молвил вдруг Пантелей Сидорович. На что та лишь удивленно пожала плечами:
— Смотри, дело твое...
Пантелей Сидорович перевел растерянный взгляд с супруги на зятя, а с зятя — на дочку.
— А что, папа, может, действительно продадим самовар? — неожиданно поддержала дочка.
— Конечно, продадим! — безапелляционно заявила Анжелика.
— Да зачем нам вообще нужен этот допотопный керогаз? — зять на секунду оторвался от газеты и вновь в нее погрузился.
Пантелей Сидорович крякнул и внезапно полюбопытствовал:
— А откуда у этого столичного гуся такие деньги? А-а?! — и торжествующе глянул на всех.
— А он артистом работает! — победоносно заключила Анжелика.
На это Пантелей Сидорович не нашелся, что ответить, и, бурча под нос: «Артистом-артистом», начал бродить по квартире. Потом уединился на балконе. Постоял. Подышал. Посмотрел на роящиеся в темноте окна соседних

многоэтажных домов. Тайком искурил зятеву малосильную сигаретку и решил завалиться спать.
Лег. Долго не мог заснуть. Да и во сне кряхтел и ворочался, а как только проснулся, первым делом вытащил из кладовки самовар.
— Ты чего это, старый, удумал? — подозрительно спросила жена.
— Да так, — отмахнулся он, — навесть глянец вот решил...
Вышел на улицу и удобно устроился на лавке, поставив самовар перед собой между ног.
Ведерный самовар тускло блестел в первых утренних лучах.
— Да-а, постарел ты, сударик, — обращаясь к нему, как к живому, задумчиво сказал Пантелей Сидорович, — подраить тебя надо...
Ветер дунул в трубу, и старику почудилось, что самовар согласно пробурчал в ответ: «У-гу-у...»
— Ну вот и хорошо, ну вот и славно, — заторопился Пантелей Сидорович, — мы это теперь мигом...
Он сбегал домой, принес пачку «Гигиены» и мокрую тряпку. Сунул тряпку в порошок и принялся за дело.
Тряпка ходила туда-сюда, туда-сюда, а самовар будто и не думал расставаться с тусклой одеждой.
Пантелей Сидорович аж вспотел. С трудом разогнувшись, он отложил тряпку и потер затекшую поясницу. Посмотрел на самоварный бок. Тот разве лишь чуть посветлел.
Пантелей Сидорович взял в руки пачку порошка, повертел ее и недовольно передразнил:
— Ах ты, гигиена — чертова пена... — После чего поставил пачку обратно и беспокойно покрутил головой по сторонам, не зная, что предпринять. Наконец на глаза ему попалась детская песочница, и он, обрадованно подхватив самовар, затрусил к ней.
Под воздействием песка самовар стал отчищаться значительно лучше, бока его заметно посветлели, а впереди, над краником, отчетливо проявилась надпись «ТОРГОВЫЙ ДОМ АЛЕНЧИКОВЪ И ЗИМИНЪ» и целая гирлянда различных медалей. Чуть ниже — «ПРЕЕМНИКИ ЛЮБИМОВОЙ».
Повеселевший Пантелей Сидорович решил передохнуть и полазил по карманам в поисках завалявшейся папироски или, на худой случай, зятевой сигаретки. Но в карма-

нах курева не оказалось. И он начал рассматривать медали на самоваре. На одних что-то было написано не по-нашему. На других — все можно было разобрать.

Сам не зная зачем, Пантелей Сидорович пересчитал медали, тыкая в них указательным пальцем, и вздрогнул: медалей было тринадцать — чертова дюжина...

— Поди ж ты... — пробормотал Пантелей Сидорович и пересчитал медали вновь — не сбился ли, но так и есть, ровно тринадцать...

Подумав, он три раза неуверенно сплюнул через левое плечо, а потом повернул к себе самовар другой стороной и взял в руки тряпку.

Постепенно тусклого налета нигде не осталось, и на пузатых самоварных боках начало поигрывать солнышко, а вместе с самоваром, и сам того не замечая, посветлел Пантелей Сидорович.

Спроси его, о чем он думал в эти минуты, — он вряд ли бы ответил. Просто на душе было покойно и хорошо. Неожиданно пальцы его наткнулись под тряпкой на какую-то неровность... Он невольно отнял руку — и увидел на самоваре маленькую металлическую заклепку...

Странно: до этого он не обращал на нее внимания, а сейчас вдруг точно впервые увидел — и прошлое грянуло выстрелом из обреза...

...Со звоном хлюпнуло оконное стекло, из самовара ударила струйка шипящей воды, а все как сидели, так и остались, не шелохнувшись, сидеть за столом. За окном кто-то поспешно прошлепал по лужам, и тут только отец пришел в себя — мигом задул свечу, схватил со стены старенькую берданку, выданную ему как председателю комитета бедноты, и ринулся на улицу. Мать, заголосив, попыталась его удержать, а к ней, как цыплята к наседке, испуганно прижались они, дети. Всего шесть душ. Пантюха, Пантелей, был самым старшим, ему шел одиннадцатый год...

«Да, всех потом прибрала костлявая», — Пантелей Сидорович тяжело вздохнул и окинул самовар долгим отсутствующим взглядом. И перед глазами пронеслась вся его жизнь...

«Как перед смертью», — подумал он и не испугался: вспомнилось ему, как вернулся с гражданской отец — худой и заросший щетиной, как мать счастливо плакала,

растапливая самовар, как они все вместе пили чай с невозможно сладким сахарином — для каждого был припрятан в вещевом солдатском мешке маленький замызганный кулечек; вспомнилось, как отец учил их пахать, плести лапти; вспомнилось, как он вдруг слег в один день — и больше не встал, как его хоронили, как натужно чавкала глина по дороге на кладбище, как долгие годы бедствовали...

А потом вспомнилось Пантелею Сидоровичу, как его вместе с другими мужиками и парнями провожали на фронт, на Великую Отечественную, как бабы надрывно голосили, а девки украдкой стряхивали первые слезы; как плясали, смеялись и рыдали, встречая тех, кто уцелел на той войне...

И еще вспомнилось ему, как готовился он к своей свадьбе и как до одурения драил бузиной этот самый отцовский самовар, и как самоварные бока разгорались золотым огнем...

— Э-эх, неплохо бы тебя и теперь бузинкой подраить, — Пантелей Сидорович ласково провел по самовару рукавом пиджака и сожалеюще посмотрел по сторонам — поди сыщи бузину, коль на месте деревни целый город вымахал...

Пантелей Сидорович вновь взглянул на самовар и все же остался доволен его видом — самовар блестел почти как новый...

— Ничего самоварчик! — неожиданно раздался из-за спины Пантелея Сидоровича незнакомый мужской голос...

— А я что говорила! — торжествующе отозвалась внучка.

Пантелей Сидорович обернулся и увидел Анжелику, а за ней парня лет двадцати пяти: кожаный пиджак, длинные, аккуратно причесанные волосы.

Парень ему не понравился, и он, с неудовольствием посмотрев на внучку, глухо обронил:

— Самовар как самовар...

— Да уж не скажите, не скажите! — парень по-хозяйски ухватил самовар в охапку.

Пантелей Сидорович досадливо крякнул, но на парня это не произвело никакого впечатления — он уже внимательно рассматривал на самоваре медали, а внучка с подобострастной улыбкой крутилась рядом...

— Ну, что ты все егозишь! — раздраженно буркнул Пантелей Сидорович.

— Ничего не егожу! — надулась Анжелика и отошла в сторону, а парень, похлопав по самовару ладонью, как по своей собственности, небрежно поинтересовался:

— И сколько хочешь, дед?

— Чего хочешь? — не понял Пантелей Сидорович.

— Ну, за сколько продаешь эту вышедшую из употребления утварь? — с ухмылкой, но вместе с тем деловым тоном пояснил парень и взял самовар в руки.

— ...Вышедшую из употребления утварь, — точно плохо расслышав, повторил Пантелей Сидорович и насупился: — А не продается!

— Так уж прямо? — по-свойски подмигнул парень.

— Да уж так! — Пантелей Сидорович тоже попробовал подмигнуть, но это у него плохо получилось.

На некоторое время воцарилась неловкая тишина, после чего парень, недоумевая, выдавил:

— Да на что вам сдался этот музейный экспонат?

— А вот и сдался! — угрюмо стоял на своем Пантелей Сидорович.

— Ладно был бы электрический... — недоумевал парень.

«А и вправду, зачем он мне? — вдруг подумал Пантелей Сидорович. — Все равно ведь который год без дела в кладовке пылится, это раньше не было дня, чтобы самовар не ставили, не говоря уж там про масленицу или Первомайские праздники...»

Парень, словно прочитав мысли старика, быстро добавил:

— Заплачу сколько скажете!

— А тебе... тебе-то зачем этот музейный экспонат? — медленно спросил Пантелей Сидорович.

— А мне... А я их собираю... — парень даже запнулся.

— Собираешь? — не понял Пантелей Сидорович.

— Собираю, — терпеливо повторил парень и разъяснил более популярно: — Ну, хобби... коллекция для красоты.

Старик озадаченно потер затылок:

— Ишь ты, для красоты... — и было не очень ясно, что он этим хотел сказать.

— Для красоты, — парень недовольно поморщился и

уже с раздражением поинтересовался: — Ну, так сколько?

— Что сколько? — опять не захотел понять Пантелей Сидорович.

— Рублей, — криво улыбнулся парень.

— Сто! — то ли шутя, то ли нет внезапно брякнул Пантелей Сидорович.

— Сто? — опешил парень.

— Сто! — неумолимым голосом подтвердил Пантелей Сидорович.

— Ну, ты, батя, загнул... — Парень присвистнул. — Даю двадцать пять!

Пантелей Сидорович покачал головой.

— Сто.

— Пятьдесят! — с повышенной интонацией, как на аукционе, произнес парень.

— Сто, — сказал Пантелей Сидорович, но как будто менее уверенно.

— Семьдесят пять! — парень повысил голос и выразительно постучал себя ладонью по пиджаку, что, вероятно, означало — деньги при себе.

Пантелей Сидорович аж вздрогнул, но тем не менее с трудом выдавил:

— Сто.

— Как знаешь, дед... — парень неожиданно беззаботно присвистнул и сделал вид, что уходит.

— Постой... — нерешительно промолвил Пантелей Сидорович.

— Че-го? — парень лениво обернулся.

— А... А откуда у тебя такие деньги? — Пантелей Сидорович поспешил отвести глаза в сторону.

— Он артист! — вывернулась из-за спины внучка Анжелика.

— А вот я тебя! — не на шутку рассердился дед и хотел поддать внучке, но она с независимым видом отскочила на безопасное расстояние.

— А самовар-то к тому же с дефектом... — невозмутимо, хотя и не без доли укоризны, сказал парень и уставился на металлическую заклепку.

— Сам ты... с дефектом! — обиделся Пантелей Сидорович.

— Да ладно, ладно, — примирительно обронил парень, перестав изучать заклепку, и внезапно взглянул Панте-

лею Сидоровичу прямо в глаза: — Так что, пятьдесят — и по рукам?..

— Сто пятьдесят! — с неожиданной злостью буркнул Пантелей Сидорович и вырвал самовар из рук парня. И снова как наяву он слышал, как со звоном вылетает оконное стекло и сипит вырывающаяся из пробитого бока самовара струйка кипятка. «Хрен тебе, а не самовар... — подумал старик, — я тебе его и за тыщу не отдам!»

— Сто пятьдесят! — взорвался кожаный пиджак. — Ты это... папаша, не того? — и крупными шагами направился через двор.

— Гипнотизер! Глазастик! — осмелев, прокричал вдогонку Пантелей Сидорович и устало опустился на бортик детской песочницы. Огляделся. Внучки не было, словно ветром сдуло. Он поставил самовар на землю, и тут его точно обожгло изнутри: что со мной случилось, ведь чуть не продал... чуть самого себя, свое прошлое не продал... жизнь свою...

Пантелей Сидорович поспешно подхватил самовар на руки, погладил его, будто прося у него прощения, и через некоторое время на душе у Пантелея Сидоровича стало покойно и хорошо, словно он встретился со старым добрым другом, с которым, кажется, не виделся целую вечность...

Ветер вытягивал в самоварной трубе знакомую давнишнюю песню...

●

ПОЭЗИЯ

Валентин УСТИНОВ

НА ПОДВИГ СЕБЯ ПОДНИМАТЬ

ПОСЛУШАЙ, БРАТ

Широкий, широкий, широкий простор!
Где ты, где еще видел распахнутость такую?
Вот он — до севера мшары простер.
В них доныне сквозь веки веков глухари токуют.

Если любишь, то что же молчишь про туман?
Что не расскажешь, как веселым мороком морит
этот синью плещущий лиловый дурман,
именуемый Ильмень-морем?

Что ж ты, что не поведаешь про старину?
Древо памяти плещет картинами-звуками.
Глубокий-глубокий, глубокий полет в глубину.
Твой — в отцово и дедово,
а их — во твое и во внуково.

А скажи про Софию, еще покажи высоту.
Купол солнца возносит к душе мироздания
красоту ли, святую твою простоту —
сотворение счастья из песен страдания.

Что же ты родину — такую родину! — не хранишь?
Что ж ты, околдованный научным подъемом,

продал лес, продал нефть и зазывно манишь
всех охочих — до чистой воды с черноземом?

Полно, дурень, родимой землей торговать!
Разучился пахать? Так учись! Даже с муками.
Помни: время на подвиг себя поднимать,
ибо здесь твоя жизнь,
ибо здесь твоя жизнь —
меж дедами и внуками.

* * *

Как просто: во Вселенную шагнуть,
над родиною голову нагнуть
и на припеках солнечных бугров
увидеть землянику — сок и кровь
земли.
Земле покланяться молчком,
долить из фляги кружку молоком —
и пить взахлеб и молоко, и сок!..
Отныне ты — как свет луча — высок.
Земно тяжел и нежен, как роса.
Хохочут в горле птичьи голоса.
Ликуют,
щеки полымем залив, —
кровь с молоком
кормилицы-земли.

Казалось бы, что душу опалит?
Но сердце от любви навзрыд болит.
Отныне —
лишь заботы обнимать,
поскольку начинаешь понимать:
отец нам — солнце, а земля нам — мать.

* * *

Этой рекою — широкой, как Белое море,
этой тайгою — зеленой, как юность земли,
этой погодой — в березовом яре и оре,
этой зарею — в серебряной росной пыли, —

вот как я жил!
Как любил, поднимался и верил.
Вот что я видел!
Что знал, обнимал и берег,
что я судьбою, что смертною долей измерил,
словом и делом на поле веков оберег.

Этой рекою я плыл — забирая все круче,
вызнав душою про тайну, про свет и подъем.
Вихорь планет подхватил — и отхлынул колюче.
Начал рекою — продолжил я Млечным Путем.

Этим путем — по спиралям и вихрям Вселенной.
Этой Вселенной — во свет богоравной любви.
Этой любовью — ко всем обреченным и пленным.
Этою верой — в бессмертную тайну в крови.

Вот как живу!
Как иду путеводной дорогой.
Вот как лелею громадину-семя земли.
Начал я рабством — продолжил творением бога.
Что там за тайна — за ним, за Вселенной — вдали?

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ ВОЛОС

И море кипит карнавалами звезд.
И чайка о буре вещает.
Но черное солнце поющих волос
мой утренний сон освещает.

Гремят, пробуждаясь, о счастье стихи —
средь стен из самана и горной ольхи.

Сбегаю с горы по соленой траве.
И море в тритонную глотку
поет про уснувшую как бы навек
смоленую черную лодку.

Но память фелюги от страсти звенит.
Но парус косой — возлетает в зенит.

Мне рад черномор — приазовец седой,
обугленный солнцем и счастьем.

Нам в лодке скользить над бездонной водой
и лить в глубину ее
снасти.

Качает фелюгу волны барабан.
В прозрачные сети заходит лобан.

В червонной дали — загорелой, как медь, —
качаются Крымские горы.
Седой браконьер на широкой корме
жует не спеша помидоры.

И в жаркое горло, на зычное дно
роняет струей молодое вино.

А я — в черно-солнечной вьющейся мгле
властитель, философ и пленный —
я словно внимаю: как жить на земле,
как править в любови вселенной.

И хочется весело жить, и всегда!
Но вихорь шипит — закипает вода.

«К рулю, черномор!» Он смеется: «Потом...»
И спит после солнечной чарки.
Гудит, проходя в Севастополь, понтон.
И мечутся низкие чайки.

Чернеет в грозе угасающий луч.
И солнце качается в копоти туч.

И вот уже лупят в тамтамы валы —
плясать принуждая фелюгу.
Шабаш! Вакханалия! В рокоте мглы
выводит шарманка «Разлуку».

Но черное солнце, но солнце волос —
мне словно маяк сквозь мерцание гроз.

Эгей, черномор! Время сеть поднимать,
тягая добычу под жабры.
Тебе еще свежий улов продавать,
торгуясь легко и нежадно.

Тебе с виноградной смуглянкой шутить —
себя молодить, ус лукавый крутить.

А мне от прибоя шагать по горе,
стучаться в ночное оконце,
смотреть — как влажнеют глаза в серебре
по мне тосковавшего солнца.

Чтоб вновь — бесконечное празднество звезд.
И светлое пение черных волос.

Чтоб — сладость ставрид запекая в золе —
я снова внимал сокровенной,
единственной думе: как жить на земле,
как править в любови вселенной...

ОСИЯННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

(Фрагмент баллады)

Любимая, взгляни, как нынче рощи
плетут в тени из солнца кружева!
Давай сбежим туда, где — синева,
туда —
где от зеленой круглой мощи
раскалывался лес на дерева.

Огромным днем уйдем за свет высокий.
Вольемся в танцы солнца и луны,
во травы,
излучающие соки,
и в долгий шелест гулкой тишины.
Смотри! Все эти чудные творения:
потоки цвета, страстные коренья,
вся эта полуденная трава,
все эти небывалые растенья —
все
осиянные
Вселенной
дерева!
Поверим же в любовь и созидание.
Войдем же в это страстное сияние,
где мысль вселенной
воплотилась в цвет;

где зелень листьев объясняет счастье
дышать как солнцем жизни — так ненастьем,
творя в душе — души золотоцвет;

где из травы так жарко, ярко, грубо
подъемлют маки пламенные губы,
целуют жадно все живое в кровь
и говорят об алом счастье страсти —
земной частицы
той вселенской власти,
что для себя назвали мы любовь;

где вдруг навстречу иам светло запело
прозрачной дымкой невесомо-белой —
то белыми столбами высоты
меж небом и землей взошли березы
и в наши души —
в наши грозы, грезы —
вошли идеей белой чистоты;

где из янтарных жаров поднебесья
упало нам под ноги краснолесье
и выросло мгновенно до небес —
как поясненье красной, кровной связи
земного празднества,
и звездной вязи.

Спасибо же за речи цвета, лес!
Спасибо же за мудрость цвета, лес!

Старинных лип просторные соборы
нас осеняют величавым днем.
Кусты лещии ведут,
как пчелы,
сборы
и — словно соты медом — через поры
питают души золотым огнем.
Когда же радость в нас цвести устала,
и мы сошли по склону с высоты —
то озеро,
объяв нас,
передало
всю глубину и юность чистоты.

Какие грозы нам в лицо сияли!
Дожди пылали — длинные, с версту.
А мы, как дерева,
меж них стояли —
и молнии ловили на лету.

Святые силы шли сквозь нас волною,
соединяя с неземным земное!
И столб огня,
возиикнув из меня,
вращая, засветился надо мною —
и космос пронизал по центру дня.

Лишь мысль сравиима с огненной ездою!
Я солнц касался —
и сквозь них парил.
И сам сиял — и вдаль светил звездою.
И как звезда с звездою говорил.

Любимая! От каменного века
зовет разумный космос человека.
И вот уж скачет рукотворный конь.
А надо бы постичь — всего и дела! —
как дух бессмертный и земное тело
разжечь в единый мыслящий огонь.

Ах, жизнь моя! На звездные паренья
мы предъявим когда-нибудь права.
Тому порукой —
страстные прозренья
и осиянные вселенной дерева!

Рис. Ю. Макарова

Николай КУЗЬМИН

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

Ночные беседы

Популярность Симонова в народе была огромной. Особенно в войну. Даже у нас, на далеком Алтае, ребятня заучивала наизусть знаменитое «Жди меня». Впрочем, его и заучивать-то не приходилось: строки сами собою ложились в память.

Оговорюсь сразу же: мне никак не хочется влезать в напряженные цедэловские распри именно сейчас, когда речь ведется о том, что мне довелось знать, чувствовать, слышать, видеть. Во все эти пересуды, сплетни, «тайны» я окунулся гораздо позднее и, признаюсь, тоже горячился, даже принимал посильное участие. Но в те годы, о коих сегодняшний рассказ, и Симонов, и Эренбург мною воспринимались только в ореоле их военной славы, и никак иначе.

Где-то в конце пятидесятых годов в Алма-Ате пышно справляли юбилей Мухтара Ауэзова.

Надо изрядно пожить в этой республике, чтобы понять, прочувствовать поистине национальную гордость казахов своими славными земляками. Мне довелось довольно близко знать знаменитого Бауржана Момыш-улы, героя романа А. Бека «Волоколамское шоссе», Габидена Мустафина, Сабита Муканова, Габита Мусрепова. Преклонение простого народа перед ними было поистине беспредельным. Что уж говорить об Ауэзове! Его роман «Абай» — классика не только казахской литературы. Недаром еще в «те времена» этому великолепному произведению была присуждена Сталинская премия.

Мухтар Омарханович жил замкнуто, появлялся очень редко. Но впечатления небожителя не производил. Его невысокая, какая-то домашняя фигурка запомнилась мне еще с университетских времен, М. О. Ауэзов читал тогда лекции на казахском отделении филфака. Однажды мы покидали аудиторию и на смену нам туда валила толпа студентов-казахов на лекцию Ауэзова. Лекция однако сорвалась. Староста нашей группы, человек крайне несимпатичный, вывернул в аудитории электрическую лампочку и унес ее с собой. За эту лампочку он оставил у коменданта здания какой-то свой документ (таковы были тогда порядки). Мухтар Омарханович потерянно топтался перед нашим неумолимым старостой и что-то пытался ему втолковать, однако тот, растягивая в улыбке тонкие иезуитские губы, произносил одно свое излюбленное словечко: «Документик'с!» Запомнился мне Ауэзов и в незабываемый день, когда меня принимали в члены Союза писателей. Заседание проходило в новеньком здании на Коммунистическом, которое Союз писателей именно с помощью Ауэзова только что «отбил» для себя у других республиканских ведомств. В комнатах еще было неприбрано, пахло нежилым, Мухтар Омарханович сидел сбоку стола и кутался в пальто. Он оживился, когда услышал, что одним из моих, так сказать, мэтров, является Всеволод Иванов, его старинный друг. Последовало несколько во-

---

Окончание. Начало в № 7.

просов. Затем он произнес что-то вроде: ну, что ж, вопрос ясен... Так что мое отношение к этому человеку исполнено самого высокого пиетета.

На юбилей М. О. Ауэзова в Алма-Ату приехало множество делегатов. Константин Симонов возглавлял московскую писательскую группу.

Стремление увидеться с прославленным литератором, «пообщаться», как теперь говорят, я думаю, вполне понятно. Каким-то образом редактору нашего журнала удалось договориться с Симоновым, что завтра утром в десять часов он приедет к нам в редакцию. Надо ли говорить, что все мы сидели на своих местах уже в девять!

Гостей поселили в горах, в домах отдыха, в резиденциях правительства. Мы расчитывали, что ровно в десять наш знаменитый московский гость, конечно же, не явится. Разница во времени с Москвой, дорóга, да и... с какой вообще-то стати ему быть настолько пунктуальным? Подумаешь!

Примерно без двух минут десять приоткрылась дверь и просунулась голова Симонова — именно просунулась. Скороговоркой, очень буднично он произнес:

— Ребята, я задержусь минут на десяток. Ну, может, на пятнадцать. Уж извините.

Оказывается, его пригласили зачем-то заехать в ЦК партии.

Признаться, мы были поражены. При всем своем, так сказать, «величии» гость все же счел долгом заехать и предупредить о задержке. Вроде бы пустячок, а говорит о многом. Как не хватает подобных мелочей в поведении многих из наших нынешних! Где, когда они все это растеряли? Или — вообще не имели, не находили нужным обзаводиться?

Минут через пятнадцать Симонов появился в редакции. Он вошел свободно, без всякой рисовки, — так ведет себя человек в испытанном дружеском окружении. Поискал глазами, куда бы сесть. Повесил на спинку стула пиджак, положил на стол руки.

Подробности разговора смазались из памяти. Но к концу встречи он спросил, нет ли чего-нибудь «свеженького» в портфеле редакции. И тогда заместитель нашего главного подал ему рукопись моего рассказа «Река».

Небольшое отступление. Вспомним, что это было время появления «Не хлебом единым» В. Дудинцева. После первых восторгов последовала оголтелая разносная критика. Свой Дудинцев требовался и в Казахстане, и его быстренько нашли. В 1957 году у нас в журнале появилась моя повесть «Авария». Что началось! На собрании городского партактива с докладом «о серьезной идеологической ошибке» выступил секретарь ЦК по пропаганде. Проработка автора велась массированно, материалы печатались в «Литературной газете». Бедной моей маме это прибавило немало седых волос... Рассказ «Река» журнал давал как бы с целью реабилитации своего заведующего прозой, но писался он, заверяю честным словом, без малейшего умысла подладиться, понравиться. Через два года он вошел в годовой сборник «Советского писателя». Составитель книги Б. Бедный сумел высмотреть его в скромном провинциальном журнальчике. Таковы были тогдашние литературные нравы, в отличие от нынешних, когда всякого рода сборники составляются в основном в «пестром» зале ЦДЛ.

Получив тоненькую папочку с рукописью рассказа, Симонов вдруг уронил ее на пол. Обычное дело. Однако вместо того, чтобы наклониться и поднять, наш московский гость вскочил со стула и, усевшись на пол, на упавшую рукопись, несколько раз на ней подпрыгнул. Увидев изумление на наших лицах, он, поднимаясь с пола, со снисходительной усмешкой пояснил:

— Это у нас, у театральных, такая традиция...

Некоторые потом уверяли, что весь этот эпизод был проведен по плану, как забавное представление. Мне же кажется, что Симонов едва ли нуждался в подобном оригинальничанье.

На будущий год, весной, в Ашхабаде состоялось совещание редакций русскоязычных журналов из республик нашей страны. Руководил им Симонов, живший тогда в Ташкенте (был такой недолгий период в его жизни). Атмосфера царила самая радостная. Впрочем, быть может, именно так оптимистично воспринимали происходящее лишь мы, молодежь. Однако нам и в самом деле все казалось и значительным, и полезным.

Ашхабад уже оправился от последствий недавнего ужасающего землетрясения. Но развалины еще попадались.

С нами, алмаатинцами, Симонов встретился, как со старыми знакомыми. На предложение выкроить вечерок и встретиться, поговорить, он с понимающей улыбкой покивал:

— Тяпнем, тяпнем...

Жил он в «Доме Неру», рядом с нашей гостиницей. Несколько деловых совещаний он провел в холле этого дворца. На одном из них было решено систематически проводить длительную практику сотрудников провинциальных изданий в редакциях столичных журналов. Кажется, решение так и осталось на бумаге...

Мне это совещание запомнилось неожиданной и очень обидной стычкой с Симоновым.

Положение русских писателей в национальных республиках до сих пор имеет свои, так сказать, специфические особенности. Но сейчас об этом хоть говорят и пишут без стеснения. Но тогда! В речах с трибуны многое недоговаривалось, в каждом сидел свой строгий цензор — такова была многолетняя привычка. Более откровенно народ высказывался в кулуарах. И вот кто-то из москвичей посоветовал мне подняться на трибуну и высказать все, что они сейчас от меня услышали.

Вылезать? Не вылезать? Но уж слишком много накопилось на душе!

Мне кажется, ни для кого уже не секрет, что национальный вопрос в нашей стране сейчас самый запущенный, самый больной. Постепенное обострение этой болезни я испытал на себе. Не сомневаюсь, слова мои подтвердит любой русский человек, живущий в любой из наших республик.

Надо было видеть, что творилось с публикой, если на ринге жребий сводил русского и казаха! Достаточно малейшего жеста, слова, чтобы кипящая лава пролилась на улицы. Как же после этого можно было всерьез восхищаться нерушимой дружбой и даже братством? Довелось мне как-то поехать в командировку в Таллинн. Честное слово, «дружеская» тамошняя атмосфера заставила меня в тот же день вечером, тем же поездом уехать обратно. Вскоре выпала командировка в Тбилиси. В гостинице со мной не захотели даже разговаривать. Ночь я собрался провести в вестибюле, в кресле, однако сразу же после полуночи меня грубо выставили на улицу. Утром через Союз писателей удалось получить номер в гостинице, но после первой же ночи, на рассвете, ровно в пять часов меня подняли по телефону и приказали освободить номер. Причина? Об этом не было сказано ни слова... Так что официальная показуха дружбы и гостеприимства могла ослеплять кого угодно, но только не меня.

Сейчас разворачивается кампания за отмену пятого пункта в наших анкетах. Заметить по этому поводу хочется вот что. Во-первых, мне нет необходимости зачем-либо скрывать свою национальность. Но если даже, во-вторых, мне это и удастся, то что же — я добьюсь такого же **доступа** к разным секретам, как Юлиан Семенов, или же вдруг получу такое же медицинское обслуживание, лечение, как какая-нибудь Елена Боннер? Ерунда же! И уж, конечно же, это никак не избавит меня от унижений, которые пришлось испытать в Таллинне и в Тбилиси! «Инвалидность пятой группы» висит на мне от рождения, и я не думаю, что исчезновение этой графы в документах сразу же уравняет меня со всеми. Одно время я мечтал избавиться от надоевшей «инвалидности», удрав из Алма-Аты, однако и в Москве положение гражданина второго сорта ощущается, пожалуй, еще острее...

Подобно страшному землетрясению страну поразили известия о кровавых декабрьских событиях в Алма-Ате. Однако произошли они отнюдь не сами по себе. Они готовились на моих глазах. Что характерно: национализм в Казахстане насаждался, прививался медленно, но неуклонно, и прививка этой отвратительной прилипчивой болезни происходила исключительно «сверху». Рядовой народ, простые труженики национализмом никогда не страдали.

Появляется, скажем, статья молодого бойкого журналиста. Заговорив о национальном составе республики, он начинает перечислять, кто здесь живет. Первым делом, естественно, называет казахов, хотя в процентном отношении они составляют едва ли четверть населения. Затем следуют немцы, украинцы, уйгуры, дунгане и лишь в самом конце перед «и др.» указывается основная национальность, населяющая просторы Казахстана, — русские. Казалось бы, мелочь, ничего не значащий пустяк. Но надо было видеть, каким ореолом смельчака окутывался этот борзописец! Еще бы: он же отважился поставить русских в самый конец!

С подобных мелочей все и начиналось. Потом стали чиниться препятствия русским при поступлении в вузы, в Алма-Ату чуть ли не насильно переселяются сельские жители, которым, естественно, не находится работы в городских условиях, и они пополняют ряды праздных гуляк, без конца болтающих языком, затем широко известный писатель Габит Мусрепов вдруг заявляет, что русские мешают ему разговаривать со своими товарища-

ми на родном языке, а уж затем Ануар Алимжанов вылезает на трибуну идеологического Пленума ЦК партии и получает восторженную овацию, заявив, что во всем мире снесены памятники колонизаторам, и лишь в Советском Казахстане они стоят до сих пор. При дотошном расспросе он начинает уверять, что имел в виду памятник покорителю Сибири Ермаку (стоит на Иртыше, на месте гибели отважного первопроходца). Но именно в этом умолчании и заключается «смелость» обличителя. Кто же у вас не знает, не видит, кому поставлены памятники в самом центре городов!

С этим Алимжановым меня связывало довольно близкое знакомство. На моих глазах он поднимался от литсотрудника областной газеты до признанного идеолога самого оголтелого национализма. Никогда не мог понять: откуда в нем столько злобы? Во всех бедах казахов он винил одних русских. Помню, когда подплывали к Дакару, столице Сенегала, он в иллюминатор увидел несколько белых зданий на берегу и, не сдержавшись, буквально завизжал:

— Вот, учитесь, как надо колонизировать!

В каюте находилось человек шесть, нас свела случайность путешествия, знакомство самое поверхностное, и, помнится, с каким недоумением смотрели на впавшего в неистовство писателя наши попутчики.

Во всех своих сочинениях Алимжанов проводил собственную теорию, которая заключалась в том, что некогда казахи были великим народом, имевшим великую культуру. Его выводило из себя малейшее напоминание о том, что лишь Великий Октябрь дал казахам самую обыкновенную письменность. Напрасно было доказывать ему, что история не знает случаев, когда великий народ с великой культурой вдруг непонятно по какой причине впадал бы в примитивное кочевое состояние.

На этом мы и разошлись.

Немудрено, что такой человек с таким мировоззрением пришелся по нраву редакции «Литературной газеты», — много лет Алимжанов работал собственным корреспондентом по Казахстану. Он быстро усвоил примитивный, но тем не менее безотказный прием всех националистов: любое, слишком уж явное доказательство растущего национализма не моргнув глазом выдавать за свидетельство расцвета отсталых ранее окраин проклятой царской России.

Алимжанов много носился с затеей национальных школ. И добился: одна или две школы в порядке опыта в Алма-Ате открылись. Однако своих детей он отдал в английскую школу. Ведь им он предназначил жить и работать исключительно за границей («Жизнь дается один раз, и прожить ее надо т а м!»). С казахским языком им в Нью-Йорке или в Женеве делать нечего, там необходим английский. А э т и м, простите, достаточно и казахского, ведь им придется прожить, не выезжая за пределы республики. А что им делать за пределами? Дети Алимжанова возьмут на себя труд все изучить, осмотреть за рубежами нашей Родины, потом они вернутся к своим сверстникам и расскажут им, как т а м плохо.

Примерно таким же «радетелем» за свой народ недавно показал себя и Чингиз Айтматов. Но тому хоть достойно ответил старейший писатель Киргизии Аалы Токомбаев, истинный интеллигент и настоящий поэт. Алимжанов же и иже с ними долгое время действовали без всякой острастки. И вот результат: грянули декабрьские события в Алма-Ате. Так безответственная болтовня привела к кровавым делам. Доболтались!

Так что не надо сейчас лукавить, будто алма-атинские события в декабре свалились на наши головы подобно грому среди ясного неба. Небо давно уже не было ясным! Многие видели тревожные облака и тучи. Странно, что их старались почему-то не замечать как раз те, кому это п о л о ж е н о.

Впрочем, преступный характер многих наших бывших руководителей сейчас уже ни для кого не секрет. Обремененные высочайшими должностями, увешанные орденами и звездами, они на самом деле являлись обыкновенными уголовниками. И хватит, мне кажется, умиляться их незначительным социальным происхождением. Бывшие батраки и кухарки, они, дорвавшись до власти, до изобильного «корыта», вдруг явили миру примеры такого безудержного хищничества, на которое едва ли были способны пресловутые царские бояре, графы и князья, взятые вместе!

Однако вернемся в Ашхабад. Записавшись на выступление, я стал ждать. Наконец в перерыве Симонов отыскал меня и предупредил, что сейчас предоставит мне слово. Позднее раскаяние коснулось души: ох, не надо бы!

Странно, что никакого волнения я на трибуне не ощутил. Битком набитый зал казался настроенным сочув-

ственно, дружелюбно. Ведь сказать мне предстояло как раз то, что многие из них разделяли, поддерживали, считали очень важным. Сбоку, из центра президиума, сочувственно повернуто в мою сторону смуглое лицо Симонова, его породистая седая голова.

Однако при первых же моих словах Симонов вдруг резко вмешался. Смысл его замечания сводился к тому, что вот он, тоже русский писатель и тоже живет в национальной республике, однако никаких сложностей не испытывает, он равный среди равных.

Демагогия была явная. Еще бы, это ж Симонов, писатель, можно сказать, с мировым именем!

У меня невольно вырвалось:

— Ну вы сравнили, Константин Михайлович!

Дальше все смешалось. Нарастал гул в зале, не унимался и Симонов. Он стал перебивать меня буквально на каждом слове. А едва я произнес, что к русскому писателю в республиках относятся в лучшем случае как к добросовестному переводчику, он даже пристукнул по столу:

— А факты, факты у вас есть?

По молодости, по неопытности, я был обескуражен. Ну что он говорит? Уж ему-то ли не знать подобных фактов!

Кровь ударила в голову, но удалось сдержаться. Стиснув зубы, я махнул рукой и ушел с трибуны. Ушел вообще из зала.

В перерыве вокруг меня собрался народ. Кто-то сочувственно посоветовал:

— А выступать-то надо учиться!

Неожиданно появился Симонов и отозвал меня в сторону.

— Обиделись? Но вы должны понимать... Я не мог иначе!

У него вообще проглядывала странная манера как бы рассчитывать на догадливость собеседника. Он и о моем рассказе (том, забранном еще в Алма-Ате) отозвался примерно в таком вот духе:

— Ну, напечатать его немыслимо. Вы ж сами должны понимать!

А рассказ, как я уже говорил, вошел в число лучших произведений литературного года.

Той далекой весной в Ашхабаде впереди была еще общая поездка в чудесную Фирюзу, по дороге туда превосходный шашлык на берегу прохладного арыка, гортанные тосты белого, как лунь, Берды Кербабаева и непреходящее обаяние Симонова, умевшего, как никто другой, быть равным с явно неравными.

Последний раз я видел его в Кисловодске, на истоптанной тропе, ведущей на Малое седло. Он шел вдвоем с женой, шагал быстро, устремленно, исполняя медицинскую процедуру. Лицо его выглядело привычно загорелым, однако в смуглоте его прибавилась едва заметная землистость — грозный признак страшной болезни...

Идея — сделать один из номеров «Простора» чисто ленинградским — в самом начале показалась завиральной, дикой. Кому она принадлежала? Сейчас уже не помню. Но скорей всего именно мне. Народ у нас в редакции подобрался довольно тяжелый на подъем, на работе они отнюдь не «горели», а монотонно служили, тянули лямку, отчаянно веселясь лишь в дни получения зарплаты и гонорара. Ничего нового не любили, да и, признаться, побаивались. Мало ли что! Не забудем, Алма-Ата долгое время была городом, куда ссылались провинившиеся в центре. Здесь больше года жил Л. Троцкий с сыном, здесь бродил по зеленым пыльным улочкам академик Е. Тарле, подмечал забавные мелочи и строчил заметки в местные газеты, чем и кормился. Мне довелось застать в живых (и даже слегка подружиться) секретаря К. Радека, старенького, свистящего бронхами еврея с волосами почти до плеч, он каждое утро покупал в киоске газеты на иностранных языках и подолгу их изучал. Владел он несколькими языками, в том числе испанским. Маленького росточка, изрядно подзапущенный, он был женат на бой-бабе, бывшем шофере. Так странно складывались в те годы судьбы людей!

«Ленинградская» идея в конце концов все же пробилась к исполнению. Редакцию охватил даже некий подъем. А что? И сделаем, и не хуже всяких прочих! В Ленинград были командированы автор этих строк и один пожилой сотрудник, тоже из «бывших», в свое время работавший в московских изданиях, но вдруг почему-то оказавшийся в Алма-Ате, человек внезапно запивающий, а оттого и безалаберный. Почему выбор пал именно на него? Ну, во-первых, нас с ним связывала дружба, следовательно, он сможет за мною, молодым, так сказать, присматривать. Мало ли что! Но самым главным

мотивом, по-моему, было его давнее знакомство со многими ленинградскими писателями, например, с Ольгой Берггольц, жившей когда-то здесь же, в Алма-Ате, и работавшей в нашей центральной партийной газете, которая в те времена называлась «Советская степь».

Союз писателей в Ленинграде помещался там же, где и теперь: на улице Воинова. Совсем рядом, почти под окнами этого старинного особняка, находилась той давней зимой стоянка нашего «Молотова». Но теперь набережная была пуста, корабль давно отремонтирован, переименован и бороздит океанские просторы. И все же ожившие воспоминания нет-нет да и заставляли меня выглядывать в окно, хотя момент для этого был явно неподходящий: сидя в кабинете руководителя Ленинградской писательской организации А. Прокофьева, Прокопа, мы обговаривали план ленинградского номера.

Трещал телефон. Приходили молодые писатели. Запомнился важный, надменный, с надутыми губами В. Соснора. У него была неприятная верблюжья повадка смотреть сверху вниз. Предлагали стихи И. Бродского («Это гений! Вы увидите...»), но с самим поэтом встречи не получилось. Очень мило, просто, по-ленинградски интеллигентно вел себя М. Дудин. Предложил свою повесть. Приезжала секретарь В. Кетлинской и оставила третий экземпляр рукописи, предварительно заставив меня расписаться в каком-то гроссбухе.

Где-то на канале Грибоедова я вскарабкиваюсь по темной лестнице на самый верх. Дверь открывает бледная женщина, вдова Зощенко. Мы усаживаемся в скудной комнате: я — на табуреточке, она — на общежитской металлической коечке, застланной сиротливым одеяльцем. Вдова предлагает мне несколько неопубликованных рассказов из архива покойного мужа. Отбираю два.

Видимо, она считает нужным объяснить убогость домашней обстановки.

— Ах, Михаил Михайлович очень любил старинный фарфор. И — знал. Все улетело, — добавляет она со вздохом.

Улетела не только подобранная коллекция фарфора, не стало дачи, обстановки, да, видимо, и самой квартиры — ведь не в этой же жалкой комнатушке ютился так широко гремевший писатель!

Следующий визит — к болезненной женщине, обитающей в крайне запущенной комнате, набитой всяческим барахлом. Это поэтесса Елизавета Полонская. Усадив меня в проваленное кресло, она достает и развязывает папочки, показывает стихи, а попутно рассказывает о прежней жизни.

— Вот в этом кресле, где вы сидите, когда-то сиживал Горький!

Кажется, я непроизвольно подскочил...

Моему товарищу никак не терпится повидаться с Ольгой Берггольц. Столько лет пролетело!

На расспросы об Ольге Берггольц ленинградцы ничего толком не отвечали. Посапывал Прокоп и переводил разговор, пожимали плечами товарищи в редакциях. Откровенная информация поступила из буфета Дома литераторов. Проклятая «российская» болезнь! Очередной приступ ее у писательницы совпал как раз с нашим приездом. Все же мой товарищ дозвонился до Ольги Федоровны, они вспомнили алма-атинское житье-бытье и договорились о встрече.

На Черную речку мы отправились с утра. Стоял апрельский солнечный денек, но дул ледяной ветер. Мой товарищ, горбясь в своем южном пальтишке, без конца хмыкал и крутил головой. Его одолевали давние воспоминания. По его словам, Ольга Берггольц уже в те годы, рядовым провинциальным газетчиком, выказывала выдающийся талант. Как всегда, в его рассказах великое мешалось со смешным. Будто бы однажды, посланный женою на базар, он встретился с приятелями и вечером, мертвецки пьяный, был привезен на ишаке. Кто-то из знакомых, увидев его бездыханное тело, со страхом поинтересовался и получил мрачный ответ: готов. Утром, как уверял мой товарищ, он своими глазами прочитал в местной «Вечерке» очень теплый, прочувствованный некролог на себя... Таковы были тогдашние нравы газетной Алма-Аты.

В обычном стандартном доме на Черной речке Ольга Федоровна занимала небольшую двухкомнатную квартиру. С ней постоянно жила молчаливая исполнительная женщина — на положении прислуги за все. Она и открыла нам дверь. Сама поэтесса встретила нас в узеньком полутемном коридорчике. Признаться, в своей жизни мне довелось кое-что повидать, но та картина до сих пор неизгладимо стоит перед глазами. Немолодая женщина, упираясь руками в противоположные стены коридора, покачивается, едва не падает. На ней старенький заношенный

халатишко, незастегнутый, наспех наброшенный на голое тело. Пряди давно не чесанных волос свисали на лицо. Покачиваясь, она мутно разглядывала пожаловавших гостей. Черт же нас принес! — возникло позднее раскаяние. Но отступать было некуда.

Громадным усилием воли Ольга Федоровна взяла себя в руки и провела нас в комнату. Упала в кресло, затем, что-то пробормотав, убрела на кухню. Мне послышались приглушенные голоса: «Дай... дай, говорю, дай...» Звон стекла о стекло, бульканье, потом вздох и кряхтенье. И вдруг в нашей комнате возникла оживленная любезная хозяйка, совершенно неузнаваемая. Она даже успела причесаться. Начался традиционный разговор: как доехали, каким нашли Ленинград и т. п. Мой товарищ, поминутно тыча пальцем в переносицу (манера поправлять очки), начал излагать цель нашего визита. Совсем недавно появились «Дневные звезды», поговаривали, что писательница работает над второй книгой романа, — так вот нам хотелось бы заполучить для ленинградского номера отрывок.

— Есть, есть одна глава, — сказала Ольга Федоровна. — Но вы ее не напечатаете.

Заспорили, начали уговаривать.

— Постойте, я вам сейчас прочитаю. Сами увидите.

Читала Ольга Федоровна мастерски. Отрывок был о блокадной бане, и мне невольно вспомнились наши давние зимние мытарства в послеблокадном Ленинграде, ужасающая завшивленность. Городскому начальству пришлось совершить нечто героическое, и в один из дней в несколько бань дали теплую воду. Ленинградцы, все, кто уцелел, потащились отведать этого давно забытого блаженства. В прохладном моечном зале двигались изможденные, кожа да кости, люди. Сил у них хватало поднять лишь полтазика воды. Ольга Берггольц всегда отличалась жестокостью стиля и языка. У нее была мужская рука. И здесь она без всякого смущения изображала, что сделала блокада с ленинградскими женщинами. У них совершенно не осталось плоти.

Внезапно среди тихо и почти беззвучно моющихся людских теней возникло что-то неправдоподобное, ошеломляющее: в баню вошла цветущая молодая женщина во всем блеске своей телесной красоты. Моющиеся оцепенели. Где, каким образом могла так сохраниться эта сладко кормленная тварь? И непроизвольно изможденные ленинградки схватили в свои ручонки тазики и стеной пошли на эту всплывшую из голодной пены Афродиту, крича: «Сука!.. Сука!.. Сука!»

Бранные эти слова нисколько не роняли поэтессу. Но вот силы сдали. Язык ее стал заплетаться, глаза сделались мутными. Бросив листки рукописи на стол, она снова убрела на кухню. И снова, вернувшись к нам, она выглядела неузнаваемо: привычный допинг взбадривал ее, придавал силы.

Я сказал:

— Давайте, мы опубликуем эту главу.

— Держу пари, что не опубликуете!

— Согласен. На что спорим?

Ольга Федоровна пожала плечами:

— Н-ну на что бы... Пожалуй, на американку?

Так было заключено это пари.

На прощанье она достала свою фотографию. Сейчас этот снимок широко известен: комсомолочка с волосами набок, тонкое русское лицо, грустные глаза. Рука поэтессы, когда она подписывала, снова лишилась сил, и каракули на оборотной стороне снимка до сих пор напоминают мне о том незабываемом дне.

Ленинградский номер «Простора» был послан Ольге Федоровне. В ответ пришло очень теплое письмо с коротенькой припиской о своем проигрыше пари.

В следующий раз мы встретились не скоро.

Однажды летом дороги наши сошлись в Коктебеле. Ольга Федоровна была во всем обаянии своей интеллигентности, душевности. Тише ее не было человека во всем Доме творчества. Но какие-то подонки, с такой страстью липнущие к любой знаменитости, уговорили ее чокнуться, пригубить, не портить компании. И начался очередной приступ болезни. Черт бы их побрал, всех этих людишек о к о л о, вьющихся вокруг литературы и искусства!

Зимой мы встретились под Москвой, в Переделкине. И снова нельзя оторваться от этого чистого милого лица! Ольга Федоровна сама напомнила, что за ней, кажется, маленький должок и попросила составить ей компанию: ей давно уже хотелось пообедать в знаменитом «Арагви».

— Идти одной — неловко. Просить кого-то... ну, не знаю. А так хочется после нашей кухни поесть чего-нибудь вкусненького! Вы, я слышала, там человек свой. Возьмите меня как-нибудь с собой, а?

И мы отправились, и отобедали, и оба сделали вид, что даже прекрасное, редкое и по тем временам вино «Хванчкара» никого из нас не соблазняет.

Последняя встреча вышла весьма тяжелой.

Приехав осенью в Гагру, я очень много плавал. Ровное тепло, ласковое море, синева и покой. Особенное наслаждение доставляли утренние заплывы. Море словно зеркало, без единой рябинки. Солнце томится за высоченным зеленым хребтом, нависающим над узенькой полоской берега. Далеко в море встречаешь первые лучи, брызнувшие из-за хребта, и уже вместе с границей солнечного света на воде плывешь к берегу, ощущая на своем лице прикосновение тепла.

Однажды, подплывая к берегу, я заметил на балконе приморского корпуса удивительно знакомую женскую фигуру. Где-то я видел эту женщину... Но — где именно? И вдруг в голову стукнуло: это же компаньонка Ольги Берггольц! Значит, и Ольга Федоровна здесь?

Из расспросов выяснилось, что да, поэтесса здесь, в Гагре, живет уже второй срок. Надо бы ее повидать!

С компаньонкой я встретился в аллее. У нее был усталый вид. Ольга Федоровна больна, тяжело, неизлечимо. В довершение нынешней весной она упала и сломала шейку бедра. Из номера она не выходит, лишь изредка ночью выбирается на балкон. Еду ей приходится приносить.

— Она вас просит зайти.

Светлый солнечный номер походил на больничную палату. Первое, что я увидел, — огромное количество пустых бутылок, все из-под вина. В нынешнем положении Ольги Федоровны алкоголь превратился как бы в лекарство и требовался постоянно. В те годы покупка его еще не представляла никаких проблем, и компаньонка только тем и занималась.

На удивительно неряшливой постели лежала немолодая, что-то бормочущая женщина. Меня поразило, что она беспрестанно ворочала глазами и лихорадочно облизывала губы. С пляжа, куда выходил балкон, доносились громкие счастливые голоса. Там в меру сил справлялся пир жизни.

Разговор не вязался. Я чувствовал себя здесь посторонним, явно лишним. Ольга Федоровна попросила свою помощницу принести последний сборник стихов, вышедший в «Современнике», — плотненькую книжечку с кармашком на обложке, куда вложен диск с записанным голосом поэтессы.

Приготовления сделать дарственную надпись были долгими, мучительными. Пальцы плохо держали шариковый карандаш. Наконец несколько слов начертано, Ольга Федоровна изнеможенно откинулась на подушки и закрыла глаза...

Через год ее не стало.

Выпустив ленинградский номер и ощутив, что он пришелся читателям по душе, мы решили сделать московский номер. На этот раз Шухов откомандировал меня одного.

— Прозу отберешь, а насчет поэзии посоветуйся со Смеляковым. Он поможет.

«Совета» со Смеляковым не получилось. Недавно он приезжал к нам в Алма-Ату, мелькнул и ничем не запомнился — находился под неусыпным надзором Стрешневой. Знакомы мы не были. Смеляков тогда работал в редакции «Дружбы народов». Застал я его за рабочим столом копающимся в ворохе бумаг. Находился он не в духе.

— Какая помощь? — и губа его брезгливо полезла наружу. — Нечего по Москве гонять красавчиком! Самому, самому надо браться. Вон Сережка есть Наровчатов, вон...

Он что-то еще брюзжал, с ненавистью поглядывая на меня и бросая с места на место бумаги.

Хорош советчик!

Зато в редакции «Нового мира» меня сердечно приветил один из заместителей Твардовского.

— Обратите-ка внимание на парнишку, — сказал он и протянул рукопись рассказа на нескольких страничках. Виктор Лихоносов... Рассказ называется «Марея».

Мы опубликовали этот рассказ и тем самым как бы «крестили» начинающего писателя.

Номер собирался большей частью стихийно. Стояло лето, московские литераторы находились в отъезде, хваталось в основном то, что под рукой. Совершенно случайно набрел на тогдашнюю знаменитость — Анатолия Гладилина. Характерным говорком с носовым прононсом он сразу же панибратски осведомился:

— Старик, что ты хочешь от старого больного человека?

И тут же достал из папочки рукопись рассказа.

Лев Кассиль предложил повесть «Будьте готовы, ваше величество!» За рукописью пришлось съездить в Переделкино.

Побывал и в Малеевке, где спасались от городской жары почтенные столичные писатели. Помнится, что-то отобрал у Л. Д. Любимова, недавнего парижского журналиста.

Словом, столичный номер получился.

А тут появился в Алма-Ате Юрий Казаков. Он приехал переводить эпопею А. Нурпеисова «Кровь и пот». Поселился в горах, появляясь в городишке лишь изредка. Иногда для него на мое имя приходили письма В. Лихоносова. В те годы они были в оживленной переписке.

А. Нурпеисов ревниво следил, чтобы режим переводчика ничем не нарушался. Юрий жаловался, что жить «насухую», в общем-то, скучновато. Какой он был тогда полнокровный, с гудящим голосом, с могучим лбом! С каждым своим рассказом он поднимался и поднимался, стояла «самая» его пора.

Как-то он пожаловался:

— Ст-т...арик! Никак, понимаешь, не могу пробить один рассказишко. В-вяжутся!

— А ну покажи.

Это был «Нестор и Кир». Я попросил его снять один абзац, он согласился, и рассказ пошел. Юрий пришел в восторг.

— Ст-т...арик! Вы все тут гении!

Он не понимал, что цензура в Алма-Ате еще не изведала пиковых положений, привыкла к спокойной жизни и не научилась разглядывать каждое произведение чуть ли не на свет. Вскоре это пришло и к нам, и «Простор» попал под неусыпный надзор. Из Москвы посыпались рукописи, побывали у нас и «Чевенгур», и «Котлован», и «Раковый корпус», и «В круге первом», и даже, кажется, «Архипелаг ГУЛАГ». Но — цензура была уже начеку!

Недолгая хрущевская «оттепель» открыла шлюзы для лагерной темы. Сколько горьких исповедей прошло через редакцию!

Частым гостем в редакции стала очень бойкая, жизнерадостная женщина уже немалых лет. Это была Анна Борисовна Никольская. Дочь старорежимного адмирала, она, по ее словам, хорошо знала царскую семью, чуть ли не играла в детстве с кем-то из царевен на ковре. После

тюрем и лагерей ей выпало поселиться в Алма-Ате. Здесь она вышла замуж за профессора медицинского института, у них был открытый дом, там часто собирались литераторы. Анна Борисовна была каким-то образом причастна к переводу великолепного романа М. Ауэзова «Абай». Перевод был безупречен. К нам в редакцию А. Никольская принесла свои лагерные записки — очень добротно сделанную работу, произведение настоящего литератора.

Здесь я вынужден немножечко отвлечься.

В последнее время лагерная тема, можно сказать, превалирует в советской литературе. Но вот что я замечаю во всех записках: живописание тюремных и лагерных ужасов. Но в этих ли ужасах весь ужас периода беззакония? Как будто в настоящее время в наших тюрьмах и лагерях установлен санаторный режим! Недавно в «Известиях» прочел о том, как следователь надел арестованной женщине наручники и сунул ее на ночь в мужскую камеру.

Впрочем, тюрьма она и есть тюрьма. Не дай, как говорится, и не приведи... Но кое-кому из наиболее слезливых «разоблачителей» так и хочется посоветовать: да не поленитесь и загляните не в тюрьму, а в самую обыкновенную нашу больницу, вот где настоящий-то ужас! А ведь это обитель страждущих, объект милосердия!

И еще одно замечание. Скорбят почему-то лишь о тех, кто погиб в «сталинские» годы. Но ведь люди, не повинные ни в чем, гибли и гораздо раньше. Что стоит один «красный террор»! Нет, о тех страдальцах ни слова, ни вздоха. Что же получается: там — чужие, здесь — свои? Но тогда как увязать такую избирательность с исторической объективностью?

В свое время мне довелось прочитать записки Евгении Семеновны Гинзбург, матери Василия Аксенова. Книга была в трех томах. Первый том был издан в Италии, два других находились в рукописи. Читал и восхищался: удивительная женщина! Пройти такие испытания и не остервенеть, не потерять взгляда на людей, на их существо, суметь запомнить на фоне скотства неистребимые росточки великодушия, сердечности, настоящего героизма.

Утром, после бессонной ночи, возвращая Евгении Семеновне папки с рукописью, я не мог удержаться от тривиального вопроса:

— Господи, как вам удалось все это вынести?

Она смешалась, потупилась, махнула рукой:

— Да что в этом...

Потом деловито принялась выспрашивать, не показался ли мне третий том, последний, легковесным, наспех сделанным. Нет, не показался, наоборот, на мой взгляд, третий том посильнее первых двух. Это замечание ее обрадовало, лицо ее, изможденное болезнью, просияло.

— А я так боялась!

Попутно задам вопрос, на который у меня нет однозначного ответа: почему наиболее человечно поведали нам о страшных годах за колючей проволокой именно женщины, а не мужчины? У мужчин, мне кажется, больше всего выпирает мстительность...

С Евгенией Семеновной мы разговаривали в Переделкине, утром. На широкую скамейку падала щедрая тень. Над головами пересвистывались птицы. Она не заметила подходившего сына и услышала лишь скрип гравия.

Василий, Васюта, как я его называл, по обыкновению нахохлил плечи и своим характерным придушенным голосом весело осведомился:

— Коляй, что у вас тут происходит?

Но быстрый взгляд на лицо матери, на папки сказал все.

Еще несколько фраз, и я поднялся, оставив их одних.

К тому времени у нас с Аксеновым за плечами был более чем десятилетний период довольно близких отношений. Я бывал у него в доме, он приезжал в Алма-Ату. Тогда он еще выпивал, общаться с ним было легко, непринужденно. Меня привлекали в нем отсутствие жизненного цинизма и рыцарское отношение к женщине — качества, давайте согласимся, довольно редкие. В те годы слава буквально парила над его головой, имя его гремело. Соблазны преследовали молодого писателя на каждом шагу. Он же вдруг «прикипел» сердцем к женщине, гораздо его старше. Этой женщины я не видел, не знал. Однако мать Васюты, Евгения Семеновна, относилась к ней исключительно сердечно и даже называла ее дочерью. Что ж, человек с ее жизненным опытом ошибаться в оценке людей не может.

Диссидентства Аксенова я никогда не принимал, как не приемлю и сейчас, а знаменитый «Метрополь» считаю попросту плохим изданием, сделанным из политического озорства, как бы в пику властям.

Последние слухи о его житье-бытье в Америке не радуют совершенно. А как-то услышал по радио отрывок

из его последнего романа «В поисках грустного бэби» (в чтении автора). На мой взгляд, отрыв от родной почвы не мог не сказаться. Ну что это за цель, за тема: изо всех сил поливать грязью власть, которую устанавливали, кстати, его отец и мать? А если, допустим на минутку, Советской власти не станет — что же останется от долгого и напряженного творчества? Пшик, и только!

Впрочем, легко судить об этом, сидя дома, на родной земле. Тем же, кто **там**, кто осел в чужих краях, надо существовать, надо кормиться. Говорено и написано об этом немало. Даже несравненному И. А. Бунину не удалось преодолеть разрыва с Родиной. Что уж говорить об остальных!

Недаром диссиденты «советской волны» изо всех сил стараются «привиться» к дереву старой литературной эмиграции, к высочайшей профессиональной репутации Бунина, Шмелева, Набокова.

Но вернемся к Никольской, к ее запискам. Как я загорелся напечатать их немедленно! Быстро подготовил, перепечатали, подошла пора сдавать в набор. И тут вдруг заколодило. Нет, не цензура, вовсе нет. Автор, уперся сам автор. Н. С. Тихонов, с которым Анна Борисовна находилась в постоянной переписке, высказал пожелание, чтобы записки увидели свет в Москве. Кое-что для этого он вроде бы уже предпринял... Ах, не стоило, совсем не стоило терять времени! Что-то подсказывало мне, что «оттепель» скоро кончится, следовало не тянуть, а наоборот поторопиться. Надеясь уломать автора, я задержал сдачу номера недели на две. Напрасно! Переговоры, уговаривания ни к чему не привели. А вскоре подули совсем иные ветры, «погода» резко переменилась...

Записки А. Б. Никольской появились уже после смерти автора, в 1987 году. Читатель может найти их в подшивке «Простора», прочесть и восхититься тем, что Человек, божье творение, во всех обстоятельствах жизни обязан оставаться на высоте своего назначения.

Не знаю, как сейчас молодые люди смотрят на писателей. В мое время — непременно! — снизу вверх. Лично мне эти люди представлялись чем-то вроде небожителей, даже больше — не находилось даже подходящих слов.

Поэтому-то я с таким трепетом набирал телефон дачи Всеволода Иванова.

Николай Иванович Анов, мой наставник и благодетель, много рассказывал о Всеволоде Вячеславовиче. В годы колчаковщины они вместе жили в Омске, сибирской столице «верховного». Но даже мелочи трудного быта не снизили образ писателя, чьи произведения я читал с удовольствием. Из воспоминаний Всеволода Вячеславовича мне запомнился рассказ о посещении Горького, а именно — как к чаю подали свежие пирожки, молодой изголодавшийся писатель навалился на них, съел целое блюдо и, сморившись, заснул тут же, за столом. Сон был недолгим, он вскинулся и увидел, что Горький продолжает сидеть напротив и... плачет.

Телефонный разговор с Всеволодом Вячеславовичем Ивановым вышел недолгим, однако обстоятельным, без барственной спешки. Меня всегда поражало, что люди на самом деле крупные никогда не бахвалятся, не пыжатся, с ними легко и просто. Зато уж мелюзга!.. Через несколько дней я получил приглашение приехать на дачу, в Переделкино.

Дача Иванова помещалась на так называемой «Аллее классиков», рядом с дачами Федина и Пастернака. Большой двухэтажный особняк в глубине сада, много цветов, кустарников, вообще зелени. Мне, недавнему алтайскому мальчишке, все вокруг казалось исполненным необъяснимого благополучия, что ли, чего-то того, что мне было неведомо, даже и не подозревалось. Но именно это как раз и вписывалось в образ живого классика нашей литературы. Даже произношение фамилии писателя — с ударением на втором слоге — сообщало ее носителю нечто исключительное, выпадающее из привычных рамок.

Я еще брел по тропинке к дому, как на крылечко дачи вышел невысокий крепенький мужчина с простецким круглым лицом. Сквозь очки он наблюдал за мной. Сошел со ступенек и протянул руку. И эта рука меня поразила своей развитой силой — она произвела впечатление небольшого крепкого булыжника.

На этой даче я бывал затем множество раз, разговоры с Всеволодом Вячеславовичем смешались, так что сейчас невозможно припомнить, о чем шел разговор именно в тот, первый раз. Ну, о рукописи моей первой повести — естественно: для того и приехал. Повесть, кстати, ему понравилась, и он рекомендовал ее Виктору Полторацкому, главному редактору альманаха «Год...», ставшему затем журналом «Наш современник».

Сейчас, вспоминая о встречах с Всеволодом Вячеславовичем, мне хочется кое-что прояснить, уточнить, добавить своих свидетельств о том, вокруг чего сегодня столько битв, слухов, разговоров.

Прежде всего, о самоубийстве Фадеева. Завзятые трепачи наговорили очень много, событие чем дальше, тем больше обрастало всевозможными нелепыми подробностями. Помогало этому и то, что многие знали о пагубной болезни Фадеева.

Дача Фадеева находилась рядом с дачей Иванова. Всеволод Вячеславович рассказывал, что он первым вместе с женой Назыма Хикмета, врачом, вошли в спальню застрелившегося «генсека». За стеной жила вернувшаяся из многолетнего заключения Е. Книпович, но по причине тугоухости выстрела она не расслышала. Кто же тогда сказал соседям о случившемся несчастье? Уже не помню. Но кто-то, видимо, прибежал и позвал.

Фадеев лежал на кровати в одних трусах, до половины накрытый одеялом. Возле кровати валялся старенький наган, сохранившийся со времен гражданской войны. На голой груди писателя против сердца запеклась небольшая рана. На чистом письменном столе лежал запечатанный конверт, адресованный Центральному Комитету партии. Ни одной пустой бутылки в спальне не было — Фадеев, принимая роковое решение, находился в абсолютно трезвом состоянии.

Сколько живу, столько и поражаюсь неизбывной людской злобе. Чего только не наговорили о вине Фадеева в репрессиях, обрушившихся на писателей в тридцатые годы! И редко кто помянет добром этого человека, стольких людей спасшего, стольким оказавшего помощь. Так что пуля, которую он направил в свое сердце из партизанского нагана, направлялась и злобой тех, кто рядится под личину демократов, а на самом деле жаждет крови, как можно больше крови.

На похоронах Фадеева, как вспоминал Всеволод Вячеславович, к нему вдруг подошел Булганин и почему-то спросил, не читал ли он предсмертного письма, оставленного на столе. Странно, как будто письмо, строго адресованное в столь высокую инстанцию, кто-то посмел бы распечатать! Но что-то, видимо, все же стояло за этим странным вопросом. Мне думается, что Фадеев напоследок очень многое мог высказать, и Булганин на всякий случай проверял, не дошли ли горькие слова писателя,

уходящего из жизни, до посторонних ушей, вернее, глаз. То-то до сих пор ничего неизвестно об этом письме, хотя у нас как будто наступил период гласности.

Разговаривали мы с Всеволодом Вячеславовичем и о его соседе, Пастернаке.

Огромный кабинет на первом этаже, широчайшая тахта и на ней, поигрывая костыликом, лежит хозяин. Следовательно, операция на почках уже состоялась, Всеволод Вячеславович нездоров, однако не подает и вида, держится. Лежит он на тахте одетым, прилег как бы от усталости. В кабинет под тем или ным предлогом часто заглядывают домашние.

Мои расспросы, естественно, о «Докторе Живаго». По круглому, удивительно русскому лицу писателя промелькнула снисходительная усмешка. Костыликом он постукивает себя по носкам домашних туфель. Роман Пастернака был подготовлен для нашего издательства (в моей памяти почему-то: «Советский писатель»), редактором книги был Всеволод Иванов, старинный друг и сосед Пастернака.

— Ничего там страшного нету. Мы его и не правили. Просто я попросил Бориса Леонидовича убрать несколько страниц в самом конце, в заключении. Там есть упоминание о ГУЛаге...

Да, в те годы произносить вслух это страшное слово не полагалось.

Роман должен был появиться недели через две, как вдруг итальянцы «выстрелили» экстренным изданием. И — началось!

Разгул той идеологической вакханалии вокруг имени известного поэта памятен до сих пор.

Мне претит всяческое насилие, и отвращение к людской подлости и злобе тогда только окрепло и упрочилось. Как всегда, людская мелюзга старалась не упустить момента и хоть что-то «подгрести под себя». Благо, момент был чрезвычайно благоприятный. На газетных страницах мне попадалось словечко: «пастернакипь».

Нетрудно догадаться, каково приходилось тогда самому оплевываемому писателю.

Но вот что не дает мне покоя и просит квалифицированного растолкования.

Прежде всего никакой кражи рукописи отнюдь не было, и отдал ее итальянцам автор собственноручно. Интересно, кто кого искал: издатели автора или автор издателей? Отбросим вину автора и рассмотрим вариант с инициативой издателей. Почему итальянцы обратились именно к Пастернаку? Спорить не приходится, проза поэта чрезвычайно слаба. Свидетельством тому книга «Воздушные пути», зачем-то выпущенная «Советским писателем». Редко приходилось читать столь вычурное, манерное, косноязычное. Почему бы итальянцам не заинтересоваться более значительными произведениями, хранящимися в те годы в письменных столах, скажем, книгами Булгакова, Платонова, Гроссмана, того же Бека? Нет, они заинтересовались, так сказать, прицельно.

Дальше. Чем объяснить странную поспешность итальянцев? Разве они не знали, что до выхода книги у нас остается две недели? Знали. И разве им было неведомо, что грозит автору, если его труд впервые увидит свет за рубежом? Знали они и об этом. Так что же руководило их поведением? Сознательное желание послать известного поэта на Голгофу?

Что задумали, то и осуществили. Причем с блеском!

Слов нет, умеют работать наши идеологические противники.

Обратим внимание и на такую деталь, о которой почему-то упорно молчат. Даже при всем могуществе тогдашнего КГБ у нас в стране очень живо и продуктивно работал конвейер по пересылке всевозможных материалов на Запад. Естественно, занимались этим опасным делом сугубые профессионалы. Стало быть, любой из наших, обращавшийся к их помощи, вольно или невольно принимал участие в подпольной деятельности — иными словами, нарушал сознательно существовавшие тогда законы своей страны. Что же тогда лить слезы о страданиях? Законы пишутся для всех!

Через несколько лет мне довелось ступить на греческую землю. В порту Пирей, на набережной, к нам сразу же приклеились двое мужчин, прекрасно говоривших по-русски. Представились нашими соотечественниками. Они стали исподтишка совать нам в карманы изящно изданные книжечки «Доктора Живаго». Так в общем-то безобидный роман известного поэта превратился в крамолу, в идеологическую «взрывчатку», которую предлагалось под полой провезти на родную землю.

Мне кажется, именно эти эпизоды с головой выдают организаторов той несложной провокации, осуществленной с именем советского поэта. К сожалению, идеологиче-

ская спекуляция с именем Пастернака не прекращается и в наши дни. Причем особенно усердствуют (и преуспевают) всяческие людишки. Их хлебом не корми, только дай волю в подобной ситуации.

Поражает избирательность газетного и журнального вопежа. Даже смерть Пастернака ставят в вину неким злоумышленникам. Повторяю: испытываю душевное отвращение ко всяческим «кампаниям». Никогда не участвовал и, смею надеяться, участия не приму. Если толпа бьет одного, меня в этой толпе никогда не будет.

И все же! Почему льются слезы о страданиях Пастернака, но не слышится ни слова о мучениях такого большого русского поэта, как Николай Клюев? Кто вообще у нас в стране знает, какой ад испытал этот страдалец? Да никто! Плач стоит о Пастернаке, а страшная судьба Клюева остается «за кадром». Будто так ему и надо...

А о расстреле поэта Алексея Ганина в двадцать пятом году, когда о всемогуществе Сталина еще не было и подозрения? О позорнейшем суде над Сергеем Есениным и Иваном Ерошиным и в скором времени убийстве Есенина?

Не спорю, страшные страницы сталинской эпохи следует обнародовать. Но зачем молчать о тех, чьим наследником он стал?

Судьбу Николая Клюева решил редактор «Известий» Гронский. Снял трубку телефона и позвонил своему приятелю Ягоде. Поэта бросили в подвал Лубянки, однако не истребили сразу, а послали на мученическую смерть в ледяной Нарымский край. На поэте были летние брючишки и рубашонка, больше ничего. А надвигалась свирепая зима. Голодный, замерзающий, потерявший облик человеческий «средь двуногих скотов», он шлет в Москву истошные вопли погибающего, он умоляет о каких-нибудь рублишках на пропитание. Читать его слезные письма нет сил. Кое-как прикрыв свою наготу, он выходит на базар за милостыней. Подают в основном мерзлую картошку и корочки. Вернувшись «с охоты», он варит супчик из хлебных корок. А для навару таскает сено с возов.

А в это время в Москве с помпой проходит Первый съезд советских писателей!

Мир не без добрых людей: посильную помощь погибающему поэту оказывают Н. Голованов, А. Нежданова, В. Яр-Кравченко и в особенности замечательная женщина, вдова поэта Клычкова Варвара Николаевна Горбачева.

Николай Клюев был владельцем замечательной коллекции старинных икон, книг, предметов обихода. Собирал он их всю жизнь. Теперь в письмах друзьям он умоляет поскорее продать хоть что-нибудь и прислать ему денег. На старинный складень из коллекции знаменитого раскольника Денисова быстро находится покупатель — Виктор Шкловский. Благо цена не так уж высока. Однако прохвосты-маклеры набрасываются на Шкловского с попреками: зачем он лезет и сбивает цену? И Шкловский на другой же день с гневом возвращает складень, заявив, что он поддельный, и забирает назад деньги.

Поразительно, что, даже находясь одной ногой в могиле, Николай Клюев находит силы поинтересоваться, как проходит съезд писателей, как идут дела у Бориса Леонидовича и у Осипа Эмильевича.

Сокровища Клюева стоят тысячи. Распродаются они буквально за рубли. В Нарымский край идут посылочки, крохотные переводы. Поэт считает каждую копейку. Ему удается устроиться в больницу. Однако каждый день там стоит шесть рублей — баснословная сумма!

Скудное больничное лечение лишь поддержало угасающие силы изголодавшегося поэта. Вскоре его вновь бросают в тюремный подвал и там наконец смерть сжалилась над истерзанным человеком.

Что, разве страдания Клюева хоть в чем-то похожи на испытания Пастернака, продолжавшего занимать роскошный дворец в Переделкине и ставшего лауреатом Нобелевской премии?

А между прочим стон стоит о Пастернаке, но не о Клюеве!

Где же, спрашивается, самая элементарная справедливость?

Нет, права, тысячу раз справедлива пословица: ежову щетину и бархатом не укроешь.

Из всей нынешней шумихи слишком заметно торчат мидасовы уши организованных и заряженных на определенный интерес радетелей. Свои и чужие... Свои: Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Пастернак, Мандельштам... Чужие... да ведь на то они и чужаки, чтобы их судьбы не принимать в расчет! Их еще народят русские бабы, и надо лишь не терять возможности вовремя и основательно

прополоть их ряды. А то расплодятся, никакой на них уемы не будет.

Какой нажим испытал Союз писателей, чтобы литфондовское помещение (то есть общее наше с вами) отдать под музей Пастернака! И дожали, добились. А на той же даче до Пастернака жил чудесный писатель Александр Малышкин, которому Пастернак и в подметки не годится. Нет в Переделкине и музеев Фадеева, Погодина, Хикмета, Серафимовича и многих, многих других классиков.

А если глянуть на Россию в целом, то невольно вызывает изумление тот факт, что нигде нет памятников Александру Невскому или Дмитрию Донскому, зато воздвигнуты монументы Высоцкому.

Злорадно изощряются насчет «ждановской жидкости», имея в виду действительно грубый окрик нашего идеолога в адрес Ахматовой и Зощенко, но взахлеб упиваются «бухаринской жидкостью», превознося ничем не прикрытое глумление члена Политбюро над нашей гордостью, над великими национальными поэтами Есениным и Тютчевым.

Свои и чужие... Как поглядишь да подумаешь, и только руками разведешь...

Давно замечено, что жизнь человека складывается какими-то полосами: черная, белая. Ширины они бывают неодинаковой, но чередуются, и в этом находишь единственное утешение.

После некоторых удач, успехов вдруг наступала полоса на редкость черного цвета, душа пригибалась и немела, жить становилось просто невмоготу.

Как-то я уже упоминал, что своей сложившейся судьбой целиком обязан нашей Революции. Забывать об этом я считал попросту непристойным.

Смею заверить, что низкопоклонство и лизоблюдство даже не закрадывались в помыслы. Но в то же время выразить свое отношение ко всему происходящему весьма хотелось. Но это отношение складывалось из целой системы взглядов, даже настроений — само собой понятно, взглядов и настроений человека, убежденно стоявшего на своей стороне баррикады.

Считаю уместным прояснить один параграф в моей анкете. Жизнь свою я прожил, не вступая в члены КПСС. Почему же не вступил? Четкого ответа дать не могу. Больше всего мне претила практическая целеустремленность вступающих. Обретая партбилет, они как бы получали доступ к всевозможным благам жизни. А что это, если не шкурничество? По крайней мере, я так считал. Разве нельзя быть *идейным* человеком, не имея партбилета? Этого правила и придерживаюсь всю свою жизнь. Может быть, поэтому меня, беспартийного, дважды утверждали в должности в самых высоких партийных инстанциях. Первый раз — на бюро обкома партии в Усть-Каменогорске, второй раз в Алма-Ате, на бюро ЦК КП Казахстана (вел его, кстати, М. С. Соломенцев).

Так что, отказавшись от могущественной красной книжечки, я не отказывался от убеждений... Но это — к слову.

Первую свою повесть, которая открыла мне дорогу в мир литературный, я построил на столкновении двух, как мне казалось, социальных характеров: некоего «законника», искусно пользующегося нашими законами, и молодого человека, приехавшего в деревню по призыву партии. Получился острый, непримиримый конфликт.

Помнится, мы много говорили об этом с ответственным секретарем журнала «Наш современник» К. И. Буковским. Человек на редкость колючий, но удивительно прямой, «дядя Костя», как я его называл, очень переживал тогда диссидентство своего подрастающего сына. Большое семейное горе на глазах старило несчастного отца. Может быть, оттого и суждения его звучали все резче, все непримиримей. «Законник» из моей повести дал ему тему длиннейшего монолога. «Дядей Костей», как я теперь понимаю, владела мысль о том, что в диссидентстве сына больше всего повинны люди ловкие, умело приспособленные к нашей правовой системе, — искусные ловцы молодых, еще неокрепших душ. Ну, да и сама наша действительность тоже кое в чем способствует — именно так он и выразился.

Разговаривали мы долго, бродя по улицам ночной Москвы. Назавтра мне предстояло улетать в Алма-Ату, домой.

— Ну, что, — неожиданно спросил мой спутник, — заключить с тобой договор на новую повесть?

Опешив, я принялся изо всех сил отказываться. Дескать, зачем? Если еще напишется что-то толковое, то, буду надеяться, журнал не отвернется. Сознаюсь, сейчас бы я от договора, а следовательно, и от аванса не отказался. Но тогда... Однако меня до сей поры не оставляет

мысль, что мой отказ только скрепил наши отношения, — такие поступки «дядя Костя» умел оценивать правильно. Во всяком случае, у меня сохранилось несколько телеграмм от него, где он просил поторопиться с окончанием очередной вещи и прислать ее к сроку подготовки номера.

У нас в журнале повесть носила название «У крутого яра». «Дядя Костя» переименовал ее в «Двор на краю».

То, что повесть из небольшого провинциального журнала перепечатал столичный альманах, заслуженный, горьковский, являлось несомненным признаком удачи.

Тогда вообще выдалась полоса на редкость счастливая. Первая повесть, первая книжка, прием в Союз писателей... Жизнь улыбнулась еще и тем, что впервые удалось поехать за границу, правда, туристом: на теплоходе «Эстония» примерно месяца полтора мы объезжали не только страны Средиземноморья, но и западное побережье Африки, добравшись почти до экватора, до Республики Берег Слоновой Кости.

Задуматься бы тогда, что счастье, безмятежное ощущение каждого прожитого дня обернется неминуемым возмездием!

Поездка на теплоходе оказалась для меня единственной, более за рубеж меня уже не выпускали.

Окрыленный первым литературным успехом, я горячо принялся за вторую повесть. Действие ее происходило на свинцово-цинковом комбинате, где долгое время работал мой отец и где я газетчиком бывал довольно часто. Отрицательный тип был уже не искусным «законником», а обыкновенным пролазой, негодяем. Ради своих шкурных интересов он не щадит старого заслуженного рабочего, в свое время пригревшего его в своем доме. Бедствия валятся на голову старика подобно лавине. А не нужно забывать, какие были времена: шел первый послевоенный год, любые неполадки в цехе легко квалифицировались как откровенное вредительство.

Мне хотелось показать, что люди, даже заслуженные, облеченные доверием масс, а значит и обладающие властью, вполне способны на ошибки, однако в том-то и сила рабочего коллектива, что он в состоянии и, главное, вправе вовремя исправить эти самые ошибки. Основное действие повести разворачивалось на партийном собрании обжигового цеха, коммунисты разбирали причины

случившейся в цехе аварии (повесть так и называлась — «Авария»).

Одно дело — замысел, совсем другое — исполнение. Придирчивый глаз критика нашел в тексте не вполне продуманные формулировки, позволяющие толковать события совсем не в том плане, как замышлялось автором.

Переведя дух от неизбежных проработок, засел за работу над первым своим романом «Первый горизонт». Квартиры у меня не было, жил где придется, поэтому для спокойной и сосредоточенной работы уехал к родителям в Усть-Каменогорск. В редакции пришлось поднапрячься и сдать в набор сразу три очередных номера. Редактор журнала согласился отпустить меня.

На Алтае стояла тихая многоснежная зима. В родительском доме уютно потрескивали в печке дрова, работалось увлеченно и хорошо.

Всю жизнь меня занимает мучительный вопрос: почему один человек самозабвенно кладет себя, как говорится, на алтарь Отечества, в то время как другой, его же сверстник, изо всех сил гребет исключительно под себя? А ведь родились-то они одинаково неискушенными, свободными от житейского опыта!

Работал в Центральном Комитете Казахстана маленький невзрачный человечек с длинными зубами — они были очень приметны на его лице. Шатаясь по служебным кабинетам, он веселил сотрудников анекдотами, не очень остроумными, но рискованными: с антипартийным душком. Кто-то, как водится, «стукнул», остроумец отделался строгим выговором и вылетел с работы. Юмор его иссяк, даже зубы поблекли. Смотреть на него было жалко.

Пожалев длиннозубого остроумца, я помог ему устроиться в издательство. И отблагодарил же он меня!

В издательском плане на следующий год стоял мой сборник. Однажды длиннозубый пригласил меня на беседу. Перед ним лежал первый экземпляр рукописи, сплошь исчерченный черной тушью. Ну, знающий человек прекрасно понимает, что значит исчеркать первый экземпляр, приготовленный для набора. Мало того, длиннозубый принялся с ученым видом наставлять меня, как следует писать. Вытерпеть все это было выше всяких сил. Схватив рукопись, я убежал.

Сборник увидел свет в Москве, в издательстве «Советский писатель». Там была и повесть «Авария». Длинно-

зубый накатал гнуснейшую рецензию и опубликовал ее в республиканском партийном журнале. Подлость заключалась в том, что все обвинения подпадали под действия статьи 58-й, тогда еще не отмененной.

Положение складывалось угрожающее. Из кабинета главного редактора я по «вертушке» позвонил Д. А. Кунаеву и добился приема. Разговор с нашим «генсеком» продолжался минут сорок. Что бы сейчас ни говорили и ни писали об этом человеке, но тогда он произвел самое хорошее впечатление. Не торопил, внимательно слушал, почти все записывал на стопке четвертушек бумаги.

С радостным настроением вышел я из здания ЦК и направился через площадь в свою редакцию.

Сколько прошло с момента, как я покинул кабинет Кунаева? Не больше десяти минут. Каково же было мое изумление, когда в коридоре второго этажа ко мне быстро приблизился юркий человечек Алимжанов, сунулся к самому лицу и быстро прошептал:

— Эти дела плохо кончаются!

И моментально отошел.

И снова — прислушаться бы, пораскинуть мозгами, принять меры.

Примерно через неделю ночью в своей квартире я был чуть не убит. Квартира была залита кровью. Соседи вызвали «скорую помощь». Врачи определили сотрясение головного мозга средней тяжести.

Самое подлое последовало дальше. Пока я валялся на больничной койке, длиннозубый накатал бойкий фельетон. Назывался он «Проходимец на Олимпе». Ну, что автор по скудоумию спутал Олимп с Парнасом — еще не беда, ученостью он не был обременен. Но в том фельетоне черным по белому было сказано, что я, побывав за границей, оказался завербованным иностранной разведкой.

В то время в Усть-Каменогорске умирала моя жена. И надо же, какие-то негодяи сумели подсунуть ей номер газеты с фельетоном. За два дня до кончины она, уже буквально дыша на ладан, сумела нацарапать несколько строк протеста.

Возмутился пасквилем и корреспондент этой газеты А. Розанов, сын Наталии Сац. Он спрашивал у редакции, как можно было допускать на страницы подобную пакость.

Лишь потом выяснилось, что в редакцию газеты вместе с длиннозубым отправилась целая делегация. Вообще не-

годяи на удивление организованны и деловиты. В своих домогательствах они буквально не знают устали.

Вокруг фельетона завертелась обычная кутерьма. Прекрасно организованная компания прохвостов задалась целью исключить меня из Союза писателей. И это им удалось бы, не встань на мою защиту старики казахи. Только они своим авторитетом отбили все домогательства нестерпимо жаждущих крови.

Главный редактор журнала Шухов, очень опасавшийся за свою репутацию, сообщил мне, едва я вышел из больницы: мы с тобой работать вместе больше не можем. Это был еще один удар, причем неожиданный — уж в чем, в чем, а в поддержке Шухова я не сомневался.

И потянулись унылые дни. Но профессия писателя тем и хороша, что можно запереться ото всех и с головой уйти в мир задуманного произведения. Так я и поступил. Правда, неизбежно встает вопрос о средствах на жизнь, однако я в ту пору был один, требовалось мне совсем немного. Однажды вдруг пришел перевод на сто рублей от мамы. Признаюсь, удержаться от слез было невозможно.

Над чем же работалось?

Одно время я находился под сильным влиянием Хемингуэя. Со временем однако восторг прошел, и прошел начисто. Как бы в полемику недавнему кумиру родилось название романа: «Победитель получает все». Вспомнилась юность: работа грузчиком, занятия спортом. Писалось искренне, от души. И, как всегда после только что законченной работы, было убеждение, что книга удалась.

Но находился я уже в касте проштрафившихся, отверженных. В журнал соваться нечего было и думать. Там юркие людишки ловко завладели Шуховым, курили ему фимиам и действовали от его громкого имени. Ох, и шустры же были ребята! Удивительное дело: вокруг них сразу же образовался своеобразный коллектив блинохватов. Процесс этот сильно напоминал нарастание снежного кома. Стоило появиться одному — и начиналось налипание.

В том году появилось на свет новое министерство под названием Госкомиздат. Создавалось оно наспех, кадры «ковались» из кого попало. Курировать издательство художественной литературы выпало молоденькой девчонке, еще вчера работавшей учетчицей писем в редакции моло-

дежной газеты. И этот свежеиспеченный спец с самым серьезным видом разбирала рукописи писателей, выносила им приговоры.

Шустрые ребята, конечно, сразу же установили с этой девчонкой самый тесный контакт, включили ее в свой клан. Порою они даже изображали из себя как бы ее подножие — писательский актив, на который она всегда сможет опереться.

И она опиралась!

Мало-помалу дело дошло до самых настоящих анекдотов. Ну, о том, что нельзя стало упоминать о фронтовых ста граммах водки, я уже не говорю. Популяризация пьянства! Но один литератор написал повесть на военную тему. Герой ее, отражая атаку немецких автоматчиков, прицеливается в одного солдата, спускает курок, и солдат падает. «Нельзя, — последовало категорическое запрещение. — Убрать!» Автор остолбенел. Его принялись стучать по лбу. «Вы что, не понимаете: у нас же дружба с ГДР. А у вас убивают немца. Нет, убрать, убрать без разговоров!» И ведь настояли, заставили убрать.

Рукопись моего романа обсуждалась несколько раз, и эти обсуждения я до сих пор вспоминаю с содроганием. Шустрым ребятам не удалось подмять весь писательский клан, и вокруг судьбы романа разгорелась настоящая борьба.

«Контора», как в нашем просторечии назывался Госкомиздат, устами девчонки — учетчицы писем вынесла свое высокое суждение. Появился протокол, было принято решение.

Кажется, впору порассуждать о пресловутом бюрократизме. Но отнюдь не бюрократизм, мне кажется, виноват во всех наших бедах. Без администрации не может обходиться ни одна система в мире. Все дело, думается мне, в отношении человека к человеку. Разве бюрократизм виноват в том, что, скажем, три здоровенные дочери сдают состарившуюся мать в дом престарелых? Разве бюрократизм толкает подростка убивать прохожего за трешку денег? Растущее хамство, бездушие и больше ничего. Так что и чиновник на казенном месте может быть человеком, а может и хамом. Так зачем же хамство списывать на бюрократизм? Мы можем сократить бюрократов вдвое, вчетверо, но даже горстка оставшихся чиновников, даже

всего один, если только он будет хамом и негодяем, отравит жизнь всем, кто с ним столкнется.

Человечность у нас в дефиците — вот в чем беда.

В конце концов книгу удалось издать. Шустрые ребята однако не смирились и мою победу постарались превратить в поражение. Через несколько дней в «Литературной газете» появился подвальный фельетон, не оставлявший от книги ни камешка. Затем в дело вступил Госкомиздат в Москве. Выпуск романа был объявлен серьезнейшей идеологической ошибкой. Помню газету — кажется, «Книжное обозрение», — с шапкой на всю полосу: «Читатель отвергает неправду».

Таким образом, маховик критической машины был запущен во всю силу. Словно каток прошелся по моим костям. Таковы, впрочем, особенности нашего литературного быта. Критика у нас обязательно сопровождается оргвыводами. Поэтому спорщики не доказывают, а утверждают, и апеллируют они не к рассудку, а исключительно к высшим инстанциям, ища поддержки и права на победу. Так что истина рождается отнюдь не в спорах, а «наверху».

Совершенно неожиданно из далекого далека пришло приятное письмо. На Украине в городе Бердичеве у меня обнаружился усердный читатель и поклонник. Шофер по профессии, он собрал все мои книжки. Не постигаю, как это ему удалось? Книжки выходили в Казахстане, за пределами республики не продавались... Так что у каждого из нас имеются свои приверженцы. Пусть их не толпы, они не орут, не ломятся на встречи с нами, они живут тихо, незаметно и так же тихо прочитывают ваши страницы и с любовью ставят прочитанные книжки на свои полки.

Такие вот письма да еще привычная работа за столом только и помогали «держаться на плаву», лечили душу, приносили успокоение. Поехал на Мангышлак, пустынный, древний, сжигаемый солнцем полуостров возле синего Каспия. В былые времена на полуострове существовало что-то похожее на казахскую Запорожскую Сечь. Там укрывались беглецы со всей степи. Свободолюбивые, воинственные, они смело сражались с хивинцами и кокандцами. В наши дни потомки этих отважных воинов разрабатывали нефтяные месторождения. Удалось познакомиться с великолепными людьми: казахами на нефте-

промыслах Джетыбай и Новый Узень. Написалась книжка под названием «Летопись тысячи зимовок».

Об издании ее даже не хочется рассказывать — она также пробивалась с невероятным боем.

Никакая «кодла» своих позиций так просто не сдает!

О сокрушительном разгроме романа «Победитель получает все» уже упоминалось. Похоронили эту книжку, как говорится, по первой категории: постановлением в Москве.

Через некоторое время один доброжелательно настроенный ко мне человек, занимавший немалый пост, в минуту откровения раскрыл причину того, почему совершенно не задиристая моя книжка угодила под такой тяжелый критический каток. Герой романа, молоденький парнишка, принимается рассуждать о смерти Сталина и роняет фразу:

— Дуб-то свалился, а корешки остались!

В этих словах будто бы и заключалась вся крамола.

— Уж этого тебе не простят никогда! — пообещал мой доброжелатель.

Дуб... Корешки... «Если б молодость знала, если б старость могла!»

За истекшие годы очень многое переменилось как в самой жизни, так и в моих взглядах, настроении.

Занесло меня как-то в отдаленный колхоз у себя на Алтае. Чтобы представить, какая это глухомань, надо учесть четырехчасовой перелет от Москвы до Усть-Каменогорска, оттуда еще полтора часа лета до села Больше-Нарым и 90 километров езды на автомашине в предгорья Катон-Карагая, почти к самой китайской границе.

Места райские, древнее сказочное Беловодье. До этих мест по три года добирались мужики центральных российских губерний. А может быть, даже и северных. У своих земляков я улавливаю очень много схожего с архангелогородцами.

Колхоз имени Калинина помещался в селе Солдатове. Колхозишко был заморенный, ледащий. Многие годы людям начислялось по 18 копеек на трудодень, да и те вычитались при осеннем расчете за колхозную затируху, которую варили на полевом стане. Все 80 мужиков числились в колхозном начальстве, разъезжали по селу верхами и плетьми выгоняли несчастных бабенок на работу. Голод, нищета, бесправие — самое неприкрытое крепостное право.

Крепостное право? Но кто же снова возродил его в России? А почитайте Троцкого, Бухарина — теоретиков казарменного социализма, инициаторов создания трудовых подразделений по военному, аракчеевскому образцу. Новое закабаление крестьян — исключительно их заслуга, и больше ничья.

Как-то мама попросила меня свозить ее в родную Ново-Алейку. Перед кончиной ей захотелось глянуть на места, где она родилась, выросла, похоронила родителей, детишек. Прощальная поездка...

Колхозишко в селе Солдатове вдруг стал известен на всю нашу Восточно-Казахстанскую область. Дело в том, что туда приехал председателем тридцатитысячник Николай Иванович Лозовой, москвич, рабочий Метростроя. Бросив в столице трехкомнатную квартиру, он забрал семью и отправился на далекий Алтай — поднимать по призыву партии лежачие колхозы.

О том, каково пришлось молодому москвичу в заброшенном колхозе, можно рассказать много. О настоящем подвиге Лозового потом написалась документальная повесть «Хроника села Солдатово». Она печаталась в «Нашем современнике».

Все же о нескольких шагах председателя Лозового упомяну. Прежде всего он ссадил с коней все колхозное начальство, отобрал плетки и заставил работать на земле. Упразднил сторожей, и в колхозе прекратилось повальное воровство. Покончил с многолетним и традиционным пьянством. Но самое забавное: он ввел у себя такое наказание, как отстранение от работы на пятнадцать суток!

Обликом Николай Иванович похож на аспиранта или на младшего научного сотрудника. Городской костюм, обязательно галстук, умное чистое лицо. Совершенно не признает хмельного.

Чаевничая, мы просидели много зимних вечеров, о многом переговорили. Впоследствии он стал частым гостем в отцовском доме — останавливался у нас всякий раз, приезжая в командировки. Отец, природный мужик, оторванный от земли, накидывался на гостя с жадными расспросами. Ему не верилось в сказочные перемены. Николай Иванович только посмеивался и разбивал тяжело выстраданные доводы отца легкими, даже изящными

возражениями хорошо образованного, а главное — успешно практикующего специалиста.

Николай Иванович считал колхозы нашим несомненным достижением. «Удивительная организация!» — не уставал он повторять.

Доказательства его сводились примерно к следующему.

Техническая вооруженность русского мужика сводилась в основном к дедовской сохе. И что же, с сохой мы хотели вломиться в социализм? Современные машины были мужику не по карману. Старожилы помнили, какой ажиотаж вызывал один вид ползущего по деревенской улице трактора. Железный конь казался настоящим чудом. Что же говорить о комбайне, заменившем древний серп! Так что через колхозы, через МТС партия поднимала сельское хозяйство на современный уровень.

Важнейшее государственное дело испортили «никудышники» — выскочившие вперед активисты, авангард.

Здесь у Николая Ивановича и отца во многом сходились взгляды. Этих «никудышников» до самой гробовой доски помнили и отец и мать.

Пролетариат России был тем слоем населения, которому действительно нечего терять, кроме своих цепей. Ни кола, ни двора — одни рабочие руки. Причем поразительно дешевые, за копейки.

Свои «пролетарии» имелись и в деревне. Нерадивые к работе, бесхозяйственные, они едва сводили концы с концами, жили вечно впроголодь. Их даже в батраки не нанимали по причине все той же никудышности. И вдруг сама власть обращается к ним с призывом громить тех, кому они завидовали, кого ненавидели всю жизнь. «Никудышники» принялись за дело с восторгом. Ломать — не строить!

Короче, власть в государстве получил презренный л ю м п е н. А устремления его известны: собственная ненасытная утроба, тряпки, бабы. И вот такие «деятели», получив громадную силу, принялись за устройство наших государственных дел!

Не лишне глянуть на теоретиков подобного бесчинства. Троцкий, Бухарин, Ларин и другие с поразительной легкостью оправдывали разгром русской деревни. На бумаге все просто и легко. Вспомним: многие всерьез тогда верили, что отныне из золота станут изготавливать только унитазы, деньги исчезнут вообще, в магазин можно при-

ходить и брать что хочется и сколько хочется. Словом, самая дешевая демагогия!

Демагоги всячески поощряли «никудышников», превозносили до небес именно их никудышность — как бы в пику рачительным хозяевам. Тогда-то и укоренилась позорнейшая практика судить о человеке не по делам, а по словам, по трепотне с трибуны. С тех пор и замаршировали по нашим весям легионы болтунов. Ради своей утробы они готовы загубить любое дело: от коллективизации до экологии. Это же они не только довели до ручки наше сельское хозяйство, но и превратили Волгу в сточную канаву, высушили Арал и собрались поворачивать северные реки.

«Никудышникам» эта демагогия подошла в самый раз. Разорив хозяйственного мужика, согнав, кого удалось, в артели, они победно отрапортовали и... уже в следующем году оказались на мели. Работать они не могли и не умели, а от одних лозунгов хлеб не вырастет. Что же оставалось делать «никудышникам»? Только одно — браться за плетки.

В Восточный Казахстан приехало 18 тридцатитысячников. В скором времени их исключили из партии, выгнали из области. Николай Иванович из всех приехавших по партийному призыву остался один.

Каждый новый председатель колхоза начинает с одного и того же: с обещания. Давайте работать, и будем жить хорошо. Допустим, люди поверят ему и добросовестно работают. Наступает осень, пора подведения итогов. По урожаю колхозники видят, что нынче можно неплохо получить на трудодни. И они готовят мешки. Однако райком партии смотрит на положение иначе. Председателя вызывают и приказывают сдать хлеб за отстающего соседа, иначе затрещит вся районная сводка. «Но мы же уже сдали!» — возмущается председатель-новичок. Следует властный окрик: «Ты что, с государством вздумал считаться!» И все, что выращено, у колхоза выгребают под метелку.

Николай Иванович в первый же год не послушал «никудышников» из райкома и выдал колхозникам заработанное. Ему влепили первый выговор. И серьезно предупредили.

Новый председатель однако держался своей линии. Для начала он ввел бесплатное пользование радио и электросветом, детям в школе подавали бесплатные завт-

раки. И, как прежде, не позволял выгребать под метелку. Естественно, райком несколько раз в году отмечал строптивого председателя выговорами.

В тот год, когда я приехал в Солдатово, Лозовой схлопотал уже двенадцатый выговор! С райкомом он был буквально на ножах.

Зато как расцвел колхоз, как разогнулись и повеселели люди! Плеть в руке начальника была давным-давно забыта. Каждое утро ровно в шесть часов в репродукторах раздавался тенорок председателя: «Доброе утро, товарищи. Послушайте наряд на работы...» И через полчаса деревня оживала. Народ шел на свои рабочие места. Погонять никого не приходилось.

Колхоз имени Калинина был единственной артелью в районе, которая выполняла план хлебопоставок. Только это и помогло Лозовому сохранить голову и партбилет.

Помнится, поздним вечером ко мне вдруг заявились два древних старика. Стащив шапки, они долго отдыхивались на лавке, а тем временем, я это чувствовал, ощупывали меня мелькучими мужицкими взглядами. Они не могли взять в толк, зачем меня принесло к ним в деревню из такой дали. Они подозревали, что попахивает снятием их молодого председателя. Шутка сказать, уже двенадцать выговоров! Разговор петлял, но старики искусно вели свою линию. Наконец они удостоверились, что мой приезд ничем председателю не грозит.

— Смотри, сынок, — строго заявил один из них, — его нам сам бог послал!

Николай Иванович, узнав о ночном визите стариков, залился смехом. «Чудаки, ей-богу!»

Мало-помалу у меня собирался богатейший материал. Сначала я написал очерк «Выстрел за дверью». Потом, уже в начале 80-х, закончил работу над романом «Приговор».

И по сию пору я продолжаю считать колхозы одним из достижений Советской власти. Выкладываю здесь доводы не только свои, но и Н. И. Лозового, замечательного председателя, в скором времени все же получившего заслуженную Звезду Героя.

Конечно же, рассуждал Николай Иванович, колхозы для нашего мужика явились новшеством невиданным. Основная загвоздка заключалась в том, что мужику было что терять! Если бы набрались терпения, не принялись

ломать через колено. А то теоретики провозгласили: отныне все общее!.. — и «никудышники», ликуя и матерясь, потащили в колхозную кучу скот, инвентарь, куриц. Только что не жен! Какой же хозяин это вынесет!

Не следует забывать также, что на колхозах мы выиграли небывалую войну. Представим на минутку, что мы имели бы фермеров, а не колхозников. Война забрала бы всех мужчин на фронт. Их жены немедленно сократили бы площади посевов, уменьшили стадо. Управиться бы, прокормиться бы самим! А чем кормить армию? А чем кормить страну?

Расцвет колхоза имени Калинина я видел собственными глазами. С удовольствием читаю выступления передовых наших председателей. Выходит, дело вовсе не в Сталине и не в самих колхозах, а в умении руководить, хозяйствовать. В самом деле, смешно отказываться от сапог и снова возвращаться к лаптям лишь по той простой причине, что дурак-сапожник спьяну испортил заготовки!

Совершенно неожиданно судьба «столкнула» меня в историю. И вот этот поворот до сих пор считаю большой, хотя и вынужденно свалившейся удачей. Примерно четверть века назад было принято тихое, скромное решение: образовать при Политиздате редакцию под названием «Пламенные революционеры». По замыслу, по глубине, по значению редкостное решение! Получив целую библиотеку художественно-документальных произведений, читатель как бы окунался в эпоху давних и недавних лет, получая живое восприятие событий и героев.

Перед его глазами оживала сама История!

Начал я с книги о Г. И. Котовском. Затем написал о Сергее Лазо и Ф. А. Сергееве (Артеме). Сейчас идет сбор материала о яркой и трагической судьбе М. Н. Тухачевского, о жизни и творчестве Ф. И. Шаляпина.

История — настоящий океан, неизведанный, а оттого и нескончаемо увлекательный. Какие судьбы, какие характеры!

Мной владеет убеждение, что любому литератору просто необходимо быть историком.

Если оглянуться назад, легко убедиться, что у русских всегда наблюдалось суеверное отношение к своей истории. Она, история, как бы сама собою становилась

частью наших биографий, и оттого-то исторические сочинения полагались обязательным чтением для юношества. Молодые вырастали, имея перед глазами впечатляющие примеры славных предков, они мужали и старились, считая себя питомцами былой немеркнущей славы.

В Азии, где я прожил почти всю жизнь, мудро говорят: «Чтобы правильно идти вперед, не забывай оглядываться». А как же иначе? Взгляд в прошлое — основа будущего.

Так почему же нас вдруг лишили своей истории? В школах объявили, что экзаменов по истории не будет, — не по чему, видите ли, экзаменовать. Сейчас что-то спешно там готовится, пишется, утрясается, подчищается. Вспоминаю, что долгое время нам вдалбливалось, будто вся история нашего Отечества началась с 1917 года. Ну, допустим... Но сейчас выходит, что у нас нет истории и после семнадцатого года! Что происходит? Кого мы собираемся вырастить из наших мальчишек и девчонок? Мы сами лишили их истории. А без истории нет гражданина своего Отечества. Жутко становится, как подумаешь да поразмышляешь...

На наших глазах с великим трудом пробились к читателю из насильственного забвения классические труды Ключевского, Соловьева, Карамзина, пробились и сорвали попытки убить историческое сознание нашей молодежи. И все же кое-кому возрождение нашей славной истории не по нраву. Знаю из первых рук, какие усилия предпринимались нынешним летом, чтобы прекратить печатание в журнале «Москва» трудов Карамзина. Это после того, как половина уже увидела свет!

С великим опасением жду нового учебника по нашей истории. Что нам готовится учеными мужами? Например, история Великой Отечественной войны на моей памяти пишется уже четвертый раз. Сначала мы заучивали «десять сталинских ударов», затем героические операции южных фронтов, где подвизался Хрущев, затем вся война свелась к действиям 18-й армии (начальник политотдела — полковник Брежнев), после этого историки кинулись поднимать операции Карельского фронта, вернее, помощь фронту партизан того района, где начиналась деятельность молодого Андропова, а под самый конец начались поиски погранзаставы с отважным рядовым Черненко, тоже как будто внесшим свой немалый вклад в разгром фашизма. (В свете всего этого просто поразительно, что шустряки, скажем, из «Огонька», до сих пор не обнаружили ни поля, ни комбайна, на которых работал нынешний Генеральный секретарь!)

Картина знакомая, деятельность лакировщиков привычная, накатанная. Судя по последним событиям, наша история может предстать, по меткому выражению древних, «предметом омерзения». Разве случайно появление на трибуне XIX партконференции таких взаимоисключающих ораторов, как Бондарев и Бакланов. Этих людей вынесли совершенно разные силы, противоположные по своим интересам и стремлениям. Оттого-то первый получил овацию, а второй — позор. Народная жизнь и в наши дни доказывает, что в Отечестве у нас не перевелись (и, будем надеяться, не переведутся) мужи славные.

Изучение истории связано с колоссальным терпением, с усидчивостью. Единого факта ради перебираешь сотни тонн архивной руды. Но если бы только терпение! Для меня лично очень много неразрешимого, унизительного было связано с так называемым допуском. Как и многое в нашей стране, архивы предоставляются далеко не каждому. О, нет! А что уж говорить о поездке за границу для работы в тамошних архивах. Тут тебя без всякого стеснения бьют наотмашь по сусалам: рылом не вышел! И собирай материал, как можешь, как умеешь, как удастся.

Один из героев моих книг твердокаменный ленинец Артем в свое время изрядно поездил по белому свету: жил в Париже, в Австралии, бывал в Японии, Швеции. Мне крайне необходима была поездка в Швецию, в Стокгольм, где проходил Четвертый съезд партии, на котором Артем впервые встретился с В. И. Лениным. Куда там! Не только не пустили, но еще и на смех подняли: дескать, ишь чего захотел! И, словно нарочно, связали мое имя с Васютой Аксеновым, с которым мы тогда были дружны. Заявлено было в том смысле, что надо быть поскромнее, не всякому такие привилегии, как Аксенову.

Могут сказать: ну, так было тогда, сейчас все иначе. Нет, все остается по-прежнему. С теми же неразрешимыми трудностями встретился я при сборе материалов о Тухачевском и Шаляпине. Ни клочка документов, ни поездки дальше Малаховки.

Таким образом, нашему брату при сборе материала приходится полагаться исключительно на везение. А тут неизбежны недосмотры, пропуски, даже ошибки. Напри-

мер, едва вышла книга о Котовском, в издательство, в Союз писателей, в ЦК КПСС вдруг потекли «телеги». Особенно неистовствовала вдова генерала Осликовского. Рефрен жалобщиков был один: автор опорочил образ пламенного революционера. А в чем же конкретно? А вот в чем. Собирая материалы, я прочел свидетельство очевидца и участника одного скоропалительного боя: бригада Котовского после проделанного марша стала купаться, бойцы залезли в воду, и тут как на грех налетел кавалерийский полк белогвардейцев. Котовцы, в чем мама родила, кинулись на неоседланных коней, завязался ожесточенный бой... На свою беду, я написал, что бойцы купались в реке, тогда как на самом деле купание происходило в пруду, или, по местному, в ставке.

Ошибка? Конечно. Но — не искажение же облика героя!

Жалобщики требовали самых жестоких мер — вплоть до исключения из Союза писателей и запрещения писать.

Но нет худа без добра: благодаря «телегам» я познакомился с сыном прославленного героя, профессором Г. Г. Котовским. И разговор с ним оказался поразительно интересным. Тогда я впервые задумался о такой огромной теме, как троцкизм в нашей стране.

Насколько мне помнится, бытовала легенда, будто Котовский погиб в бою — как Чапаев, Пархоменко, Щорс. На самом же деле Григорий Иванович был подло убит в августе 1925 года. Произошло это под Одессой, в Чебанке, в последний день его отпуска. Профессор Г. Г. Котовский уверял, что отец его должен был отправиться в Москву, к новому месту службы: одним из заместителей М. В. Фрунзе, сменившего наконец Троцкого. В Чебанку с целью помочь собрать и упаковать вещи приехал некто Зайдер, давний знакомец Григория Ивановича. Близко познакомились они в Одессе, в период подпольной работы Котовского. Зайдер тогда содержал публичный дом, служивший для подпольщиков местом явок.

Зайдер приехал в Чебанку вместе со своей женой, бывшей девицей из «заведения». Вечером, накануне отъезда, Зайдер застрелил Котовского возле калитки дачи. Подано это было, как ревность, месть.

Но вот что интересно. Суд над убийцей Котовского проходил одновременно с заседанием, на котором разбиралось убийство семьи зубного врача. И что же? Убийцы врача получили «вышку», Зайдер же был осужден на десять лет. Но и это еще не все. Свой срок Зайдер отбывал в Харькове, на Холодной горе. Через два года его освободили, он устроился работать сцепщиком там же, в Харькове. И тут группа старых котовцев во главе с бывшим командиром эскадрона Вальдманом приехала в Харьков и расправилась с Зайдером. Труп его был брошен под колеса состава.

Зачем это было сделано? Только ли из желания наказать негодяя? А вышло, что с устранением Зайдера исчезла последняя возможность распутать весь клубок с загадочным убийством самого Котовского.

С профессором Г. Г. Котовским мы касались самых различных сторон жизни его отца. Признаться, я не поверил своим ушам, когда он сказал, что Григорий Иванович сильно недолюбливал Якира. «Да ведь они же земляки?!» Оказывается, в годы гражданской войны Якир скомпрометировал себя личной трусостью. А такие слабости закаленные фронтовики не прощали. Но если бы одна только трусость! Как-то после боя жена Котовского, начальник полевого госпиталя, заявилась в роскошное имение каких-то графов или князей. Интересовали ее простыни, перевязочный материал для раненых бойцов. В то же самое время в имение подкатила жена Якира с целой свитой помощников. Разговаривать долго некогда, и обе женщины скорей всего лишь перекинулись несколькими словами. И разошлись каждая своей дорогой. Каково же было изумление жены Котовского, когда вдруг поползли слухи о том, что она похитила огромный обеденный сервиз из серебра, принадлежавший семье графов или князей. Причем слухи базпровались на том, что ее видели, когда она делала во дворце обыск... Финал «кражи» разыгрался уже в мирное время. В Харькове, бывшем тогда столицей Украины, командующий войсками республики Якир давал парадный обед по случаю какого-то праздника — не то первомайского, не то ноябрьского. Естественно, присутствовал и Котовский с женой. Праздничный стол был сервирован старинным серебром. Разглядев на посуде вензель графов (или князей), жена Котовского со всей своей непосредственностью во всеуслышанье воскликнула: «Так вот он, тот сервиз. А говорили-то...» Григорий Григорьевич добавил, что хозяйка стола была сильно сконфужена и никогда не могла простить его матери подобного «моветона».

Немало интересного узнал я и от сына Артема, гене-

рала А. Ф. Сергеева. В недавнее время он возглавлял какой-то большой «номерной» институт. После читательской конференции в этом институте ко мне подошел подполковник и задал вопрос об убийстве Троцкого. Мы разговорились. Убийство Троцкого меня интересовало давно, и я в меру сил вел свое «расследование». Молодой человек, покончивший с незадачливым диктатором в далекой Мексике, носил имя Рамон Меркадер. За границами нашей страны об этом человеке писали книги, ставили фильмы. Тайной он оставался лишь для нас... Рамон отсидел за убийство двадцать лет, получил звание Героя Советского Союза, жил какое-то время в Праге, затем в Москве и скончался на Кубе в сравнительно молодом еще возрасте. Был он на диво красив, и это помогло ему проникнуть к тщательно охраняемому Троцкому. Как известно, Лев Давидович был сильно пристрастен к молоденьким девочкам, и в те дни его обслуживала некая Сильвия. Через нее-то Рамон и получил доступ на виллу...

За все время моего разговора с подполковником генерал Сергеев не проронил ни слова. И только в машине, когда мы ехали домой, он вдруг сказал:

— Мы с Рамоном друзья. Он часто бывал у нас в доме.

Изумившись, я принялся за расспросы. Оказалось, что генерал был женат на дочери Долорес Ибаррури, в доме его тещи существовал своеобразный испанский клуб. Рамон, попав в Москву, бывал в этом доме постоянно...

Повторяю, история, настоящая история занимательнее любого детектива. Она захватывает и уже не отпускает. В потаенных папках у меня скапливаются собранные по крохам материалы о французском генерале Зиновии Пешкове (приемном сыне М. Горького и родном брате Я. М. Свердлова), о баронессе М. И. Будберг, ставшей после смерти Горького женой Уэллса, о руководителях РОВСа генералах Кутепове и Миллере, о загадочном генерале Скоблине и его жене, знаменитой в свое время певице Надежде Плевицкой, о сыне основателя Третьяковской галереи, работавшем в Париже на нашу разведку, и о многих других. Как я уже говорил, работа затрудняется проблемой допуска. Поэтому приходится действовать исключительно методом партизанства.

Понемногу, с годами, накапливается необходимый опыт, и опыт этот, к сожалению, свидетельствует, что в сборе

материалов следует меньше всего надеяться на родственников героев, на близких им людей, — они знают столь мало, что порою незачем открывать блокнот.

Федор Иванович Шаляпин, как известно, выехал за границу на гастроли и не вернулся. За ним установилась репутация эмигранта, причем уверяли, будто всемирно известный певец погнался за длинным рублем. Да и чего только о нем не нагорожено!

Люблю талант этого великого сына России с самого детства и по мере сил собираю все, что попадается в нашей печати. Иного пути узнать что-либо досконально для нас попросту не существует. Мне, например, хоть одним бы глазом глянуть на Миланский оперный театр или на парижскую квартиру Шаляпина, где он скончался. Дудки! Заграничные поездки не для таких, как я. Сказывается проклятая «инвалидность»...

Не веря в рекламируемую изо всех сил патологическую жадность Шаляпина, я мало-помалу «вычислил», что великого певца попросту выжили, вытолкнули из своей страны. Такая картина складывалась из отрывочных фактов. И вина в выталкивании — тех, кто обладал тогда ничем не ограниченной властью.

Весной 1988 года в Москву приехал сын певца Ф. Ф. Шаляпин. Разлетелся к нему в гостиницу на Петровских линиях. Гостю уже за восемьдесят, однако бодр, остроумен и даже проказлив.

— Федор Федорович, — спрашиваю, — неужели у Федора Ивановича не было ни одной встречи с Зиновьевым, Троцким, Каменевым?

— Простите, дорогой мой, — с барственной растяжкой заявляет гость, — но ведь они же ев-реи!

— Так потому-то я и спрашиваю!

В самом деле, разве могли эти временщики, всемирные бродяги, вдруг получив власть над огромнейшей страной, не «обставиться» соответствующим сану образом, не льнуть к человеку, слава которого гремела на всех материках!

И надо же: в очередных номерах «Нового мира» печатаются отрывки из книги певца «Маска и душа», вышедшей еще в начале тридцатых годов в Париже. Все сошлось! Были встречи у Федора Ивановича и с Троцким, и со Сталиным, и с Зиновьевым, и даже с Буденным. Неприглядную роль в выживании Шаляпина сыграл Зиновьев. Тут надо вспомнить, что именно Зиновьев подпи-

сал ордер на арест Куприна, он сыграл зловещую роль в эмиграции Горького. Только после падения Зиновьева Горький посмел наконец взглянуть на родную землю...

Много, очень много предстоит нам еще узнавать и открывать!

Не перестаю размышлять и о трагической судьбе маршала Тухачевского. Заглянуть бы краем глаза в архивные папки, прочесть хотя бы обвинительное заключение! Нет, отпихивают всюду. Обращался и в Институт марксизма-ленинизма, и в Военную коллегию Верховного суда СССР. Везде отказ.

Так что же делать? А ничего другого, как клевать по зернышку, где только посчастливится.

Прежде всего в наших библиотеках имеется и не «закрыта» до сих пор книга двух американцев Сайерса и Кана «Тайная война против Советской России». Она переведена с английского еще в 1947 году. Там обилие потрясающе интересных материалов. Авторы с документами на руках рассказывают о подрывной деятельности Троцкого и всех его присных. Любопытно, в частности, что на бухаринском процессе с первого дня до последнего присутствовал американский посол Дэвис, кажется, юрист по образованию, и он дал самый блестящий отзыв о работе государственного обвинителя Вышинского... Сайерс и Кан без тени сомнения говорят о военном заговоре во главе с Тухачевским.

Американцы в своей книге уверенно оперируют множеством документов. Давайте усомнимся в их порядочности и на мгновение допустим, что все в книге сфальсифицировано.

Принимаюсь рассуждать своей головой.

Проскакивают в нашей печати упоминания о том, что в 1931 году Тухачевский под фамилией генерала Тургуева ездил в Германию. Если под чужой фамилией, следовательно — тайно. Почему? К тому же давайте глянем в послужной формуляр Тухачевского. В 1931 году он занимал пост командующего Ленинградским военным округом. Как могла персона столь высокого ранга инкогнито отправляться за рубеж? Не будем наивными: в соответствующих службах иностранных держав на командующих округами ведутся тщательнейшие досье, где собраны не только фотографии, но и перечень привычек, пристрастий и т. п.

Кто и когда нам скажет, чем занимался Тухачевский в том году в Германии?

Удалось мне узнать, что во время официальной поездки Тухачевского в Англию (ехали поездом, через Германию) на вокзале в Берлине к нему вдруг подошел молодой человек и у них состоялась быстролетная беседа. Естественно, те, кому положено, эту встречу засекли. Кем же оказался тот молодой человек? Сыном Троцкого Львом Седовым, известным международным шпионом.

Провокация? Вполне может быть. А если все же нет?

Как известно, в июне 1937 года судилась «головка» Красной Армии. Не подозрительно ли, что на арест, следствие и судебное разбирательство ушло всего десять дней? Сомнений нет, перед нами расправа, устранение, причем спешное, этой самой «верхушки». Но что стоит за этим? Неизвестно.

То есть остается неизвестным для меня. Кто-то все прекрасно знает, однако изо всех сил скрывает истинную картину.

С какой, интересно, целью?

Попутно открываются весьма любопытные детали. Ну, скажем, такая колоритная фигура, как Виталий Примаков. Арестовали его за год до процесса Тухачевского и, как считается, он-то и «завалил» всех своих высших сослуживцев. Меня однако заинтересовало совершенно другое. После Маяковского на содержание Примакова перешла знаменитая Лиля Брик вместе со своим мужем Осей. Продолжалась, как и с Маяковским, семейная жизнь втроем. Удивительно, что арест и расстрел Примакова никак не отразились на судьбе этой авантюристки. После Примакова она благополучно перелезла в постель известного сотрудника ОГПУ, впоследствии влиятельного критика.

Сам собой напрашивается вопрос: не сыграла ли она какой-то роли во всей этой кровавой истории?

Ничего не знаем мы до сих пор и о таких фигурах, как генералы Кутепов и Миллер. Оба они поочередно возглавляли знаменитый РОВС: Российский общевойсковой союз, эмигрантскую офицерскую организацию, не оставлявшую надежд вернуться в Россию с оружием в руках. Генерал Кутепов был похищен в Париже и, по слухам, привезен в Москву. Генерал Миллер тоже вдруг загадочно исчез, и произошло это в 1937 году.

Что стоит за этими фигурами? Не имея никаких доку-

ментов, невольно связываю их деятельность во главе зарубежных воинских формирований с судьбами наших прославленных полководцев.

Дальше мои рассуждения идут по такому пути. Почему мы сбрасываем со счетов деятельность спецслужб иностранных держав? А ведь они работают, стараются изо всех сил. Зря там денег не платят. И что же? Вся их подрывная деятельность безрезультатна? Давайте все же не будем наивными людьми.

Попутное замечание о наивности. Прекрасно помню, что до войны и после нее у нас в народе пропагандировалось убеждение, будто Советская страна никогда не опустится до шпионажа на чужой территории. С отсутствием у нас разведки связывались и успехи немецких войск в сорок первом году: дескать, мы ничего не знали о военных приготовлениях Гитлера. С нелепой этой легендой мы прожили долгие годы. Настали шестидесятые. Помнится, на теплоходе «Эстония», плывя вдоль африканских берегов, мы сидели в тени и потягивали пиво с писателем Владимиром Беляевым, автором книги «Старая крепость». Имея какое-то «касательство к секретной части», он вдруг стал рассказывать о нашем разведчике Рихарде Зорге, о его могиле в Японии, о том, что на могиле разведчика ежегодно проводится церемония поминовения. Я не верил собственным ушам. Разведчик? Наш? В Японии? Да этого не может быть!

Владимир Павлович снисходительно усмехнулся и лишь заметил:

— Ну, не надо же быть таким наивным!

Но что делать: такими нас вырастили, такими мы росли!

А в том же году киностудия ГДР создала фильм «Кто вы, доктор Зорге?», после чего на нас обрушилась настоящая лавина. И мы вдруг узнали, что у нас перед войной имелась великолепная разведка, чуть ли не лучшая в мире.

Вернемся однако к деятельности зарубежных спецслужб. Работают они сейчас, работали и до войны. Думаю, ничего удивительного нет, если кто-то из наших и попадал в их сети. Однако нет, заявляют ныне, все их потуги были напрасными. Не по зубам им оказались наши! Следовательно, все их успехи — навет, выдумка следователей с Лубянки, клевета.

Читаю воспоминания А. Лариной о Бухарине. Она рассказывает невероятные по нынешним временам вещи. Политбюро в полном своем составе заслушивает показания арестованных Пятакова, Сокольникова и других. Глуховатый Орджоникидзе даже прикладывает к уху ладонь, допытываясь, не под нажимом ли следователей даются показания арестованных. Нет, заявляют они, никакого давления не было.

Но давайте допустим, что давление все же оказывалось. Что же тогда получается: арестованные лгут?

И здесь я вспоминаю молоденьких мальчишек и девчонок из краснодонской «Молодой гвардии». Едва живые от пыток, они шли на смерть и пели «Интернационал». А выдающиеся революционеры боялись словом, даже жестом дать понять о творимых в застенках злодеяниях. Сравнение, как видим, не в пользу последних.

Обращает на себя внимание своеобразная подача разоблачительных материалов. Ни одного слова о существе дела, все внимание на содержание под стражей. Да, тяжелые условия. И страдают совершенно невинные люди. Мне особенно не дает покоя судьба матери Тухачевского Мавры Петровны. Действительно, за что? Но в то же время я словно наяву вижу, как комиссар Юровский в екатеринбургском подвале двумя выстрелами в голову добивает плавающего в крови и продолжающегося дергаться царевича Алексея, а кто-то из солдат штыком прикалывает царицу, и как мечется в ужасе по смертной комнате одна из услуживающих, наивно закрываясь от пуль подушечкой... А «красный террор»? Тогда-то за что гибли люди? А ведь и Бухарин, и Зиновьев, и все прочие буквально пели песни беспощадной борьбе с врагами. Так что, став жертвами произвола в тридцатых, они не стеснялись быть палачами в двадцатых. По-моему, чтобы остаться полностью объективными, следовало вспомнить и те жертвы. Или у них не было слез, не осталось глаз, чтобы плакать?

Мне могут сказать: ни Бухарин, ни Зиновьев, ни все прочие не марали рук в крови. Да, это верно. Но ведь и Гесс, и Геббельс, и Розенберг, и даже Гитлер тоже не бегали с ножом по улице.

Сейчас вся страна мучительно переживает кровопролитие в Закавказье. Накануне не стоит ли и Прибалтика? А вдохновители вражды не унимаются. Больше того, они имеют мощнейшую поддержку от средств массовой информации. Страна, народ раскололись. Спрашивается, слу-

чайно ли все это? Власти спешно арестовали в Армении какого-то жулика, воровавшего на стройке. Вопят: вот он, кто виноват во всем! Да полно. Не рядовых воришек это дело. Тут надо копать глубже, основательнее.

Невольно вспоминаю официальный документ, составленный по поводу первого нелегального съезда «неформалов» в Москве. На первый взгляд, собрались какие-то случайные людишки, с ребячьими завиральными идеями, пошумят и разойдутся. Сразу бросилось в глаза, что съезд этот был оборудован первоклассной японской техникой, — подобной не бывает и на самом, как говорится, высшем уровне. Поражала глубочайшая продуманность программ и заготовленных заранее резолюций — за спиной крикунов стоял кто-то опытный, умный, хитрый. Показательным оказался и подбор ораторов, а особенно избранных руководителей: лица сугубо одной национальности. И что уж вовсе заставляло вздрагивать, так это впервые предпринятое сионистами формирование отрядов боевиков. На память невольно приходят штурмовики капитана Рема. Тогда ведь тоже начиналось вроде бы с небольшого...

А в Азербайджане толпа несет зеленое знамя пророка и портреты аятоллы Хомейни, и в русских солдат летят боевые гранаты.

А в печати, в том числе и центральной, особенно в «Огоньке», на весь мир, во весь голос кричат о том, что идет третья попытка изменить положение в стране. Причем пишут с поразительной откровенностью: или мы сейчас добьемся успеха, или мы пропали!

Невольно начинаю считать. Третья попытка... Значит, первая была в двадцать седьмом году, когда провалился троцкистский путч седьмого ноября, вторая приходится на годы хрущевских авантюр, третья — сейчас.

Повторяю, все это не шепчется украдкой, а орется во весь голос, но мы почему-то делаем вид, что ничего не видим и не слышим.

Недавно, в последний день ноября 1988 года, в «Литературной газете» с проникновенным словом выступил Расул Гамзатов. Он заявляет напрямик: «Между тем узел так затянут, что руками развязать нет сил, а зубами невозможно: там кровь». И еще: «Кто-то зло извращает, как ему выгодно».

Что же, и этих слов не слышно? А сказаны они с отчаянной громкостью.

Что же происходит у нас в стране со слухом? Какая-то странная, подозрительная глухота — на одну сторону...

Очевидцы помнят неожиданный скандал, возникший во время последнего съезда писателей: грузинская делегация организованно поднялась и покинула зал заседаний. Причина? Протест против журнала «Наш современник», напечатавшего рассказ В. Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Грузины заявили, что рассказ оскорбляет их национальное достоинство!

Кинулся в библиотеку, нашел журнал «Наш современник», единым духом прочел рассказ. Превосходная вещь! Что самое главное — написан с редчайшей любовью к Грузии, к ее скромным труженикам. Промелькнул там, правда, ловкий человечишка в громадной кепке, но разве писатель его выдумал? Мы таких видим на всех базарах во всех городах нашей страны. Однако вот из-за этого жулика грузинские писатели и стали протестовать, ушли со съезда! О человеке в кепке имел право писать только свой, но никак не русский.

Случай на съезде, что и говорить, небывалый, дикий. Самая настоящая выходка явных националистов. Но вместо того, чтобы призвать их к порядку, устыдить и заклеймить, начальство растерялось, засуетилось и не нашло ничего лучше, как выпустить на трибуну Троепольского и его устами просить прощения у тех националистов. Ему бы, к слову, напомнить грузинам их отношение к абхазцам. Нет, стал каяться перед оголтелыми, потерявшими всякий стыд экстремистами. И те снисходительно простили «грешников» и соблаговолили вернуться в зал.

Меня еще тогда поразила в этой выходке ее четкая направленность против русских писателей. Видели это же самое и остальные. И все же делали вид, что видят совершенно другое. Есть такая детская игра: «Черного и белого не покупать, да и нет не говорить...» И вот на съезде взрослые люди принялись со всей серьезностью резвиться в этой игре!

Удивительно, что на съезде присутствовали партийные работники самого высокого ранга.

Если так пойдет и дальше, то настоящая власть в стране окажется в руках оголтелых «неформалов». Не слу-

чайно же некий Клямкин в «Новом мире» уже открыто призывает отодвинуть партию от руководства, а еще лучше — истребить! И вот на митингах в Риге и в Москве демонстранты несут лозунги: «КПСС — враг народа!»

«Грузинский эпизод» на съезде писателей был, как говорится, первой ласточкой. Вскоре последовали события в Якутии, в Алма-Ате, затем Прибалтика, Закавказье. В основном фундаменте нашей державы возникли устрашающие пробоины. Удары наносились очень точно.

Когда-то автор книги о путешествии на фрегате «Паллада», вернувшись домой, счастливым голосом воскликнул: «Свет мал, а Россия велика!» Поколения наших предков укрепляли и развивали эту великость. И лишь нам довелось стать свидетелями, как именно по этой самой великости стали палить все прицельнее, все ожесточенней.

Оголтелость так называемых «народных фронтов» уже ни у кого не вызывает сомнений. Они захватили всю печать, они пользуются крепкой поддержкой Центральных Комитетов республиканских партий. А у русских нет даже своего Центрального Комитета, у них нет ни одной газеты. Осталось всего три журнала, и на эти журналы идет массированное наступление. «Прорабы» и «рыцари» из кожи лезут, чтобы всеми мерами скомпрометировать наших национальных писателей, осмелившихся сказать слово в защиту своего народа. Наблюдая этот организованный и вдохновенный напор, нахожу много похожего на расправы над Куприным и Шаляпиным и многими деятелями культуры и науки. Тогда их попросту выжили, вытеснили из родной страны. То же самое делается и теперь. Только куда же им уезжать, куда бежать из своего Отечества?

Не странно ли, что весь мир проявляет все больший интерес ко всему русскому, повсюду принимаются изучать русский язык, и лишь у нас в стране русский язык объявлен злом, проклятьем? Да и только ли один язык! А ну-ка вспомним, как смазывалось празднование 600-летия Куликовской битвы, как был заарестован монумент Сергию Радонежскому и отбыл почти годичный срок в узилище, прежде чем подняться на давно заготовленный пьедестал, как попросту не до юбилея было Русскому музею в Ленинграде, потому что эта дата совпала с празднованием юбилея Высоцкого, как решено уже воздвигнуть монумент немецкому солдату на берегу Волги рядом с фигурой Матери-Родины (а может быть — вместо?!), как пробивается вопрос о возведении на Украине памятников бандеровцам, как затаптывается могила Пересвета в Москве, как до сих пор народ не видит памятников Александру Невскому и Дмитрию Донскому...

Нам, нашему поколению, выпала горькая доля пожинать густые всходы самого оголтелого национализма. Дело дошло до того, что в «детские игры» уже не находят нужным играть. Ненависть к русским подчас ничем не прикрывается и не скрывается. «У Фили пили, да Филю же и били!»

Часто вспоминаю В. А. Кочетова, его узкое аскетическое лицо, острый быстрый взгляд. Удивительной целостности человек! В самый разгар хрущевщины он один бесстрашно заявлял об авантюризме этого деятеля и не соглашался поступиться идеалами своей молодости.

В отношении Кочетова к хрущевским авантюрам усматриваю большой резон. В самом деле, относительно таких, как Хрущев, в народе справедливо говорят: уж чья бы корова мычала!.. Не Хрущеву бы рядиться в тогу неистового разоблачителя, ибо сам он в такой кровище, что не отмоешь и в семи щелоках. Да и во всем остальном... Желая, однако, отмыться, отстраниться, занять проверенную позицию: «я не я и хата не моя!», — он не придумал ничего лучшего, как облить грязью своего недавнего идола.

Именно с Хрущева пошла у нас в стране мода на диссидентство. Престижно стало крыть и хаять. Но если при Сталине таких отправляли прямым ходом на Колыму, то теперь стали сажать в почетные президиумы, посылать представителями народа за рубеж. А уж за рубежами таких принимали с распростертыми объятиями! Патриот стал фигурой гнусной, презираемой, а само слово патриотизм — бранным словом.

Анна Ахматова вскоре после ждановского грубого разноса встретилась с группой каких-то иностранцев. Те сразу же «полезли в душу», ожидая слез и жалоб. И поэтесса с достоинством щелкнула их по пронырливым носам: если приехали в гости, так будьте гостями, а в наших внутренних делах мы как-нибудь разберемся без вашей помощи!

К сожалению, у Зощенко такого достоинства не нашлось.

Узаконенное диссидентство стало расползаться и при-

нимать самые уродливые формы. Оказалось вдруг, что генерал Власов был всего лишь антисталинистом, а следовательно, патриотом, борцом за гражданские свободы. Даже гомосеки в своем пороке изо всех сил протестуют против культа личности! О наркоманах и проститутках уж нечего и говорить.

В свое время у нас в России установилось странное правило: к русским интеллигентам человека отнесут лишь в том случае, если он хает все родное, отечественное. А если, не дай бог, он вдруг вздумает гордиться чем-то русским, его навечно зачисляют в злобные черносотенцы.

При Хрущеве эта тенденция пошла вширь и вглубь. Стало неписаным законом, что писатель просто обязан быть диссидентом. Только в этом случае ему будет создан режим, как говорится, наибольшего благоприятствования. Ну, диссидентов понять можно, они действуют по принципу: бей своих, чтоб чужие любили и уважали. Но что думают те, у которых бразды власти?

Однажды у Василия Аксенова возникли трудности с поездкой за границу. И вдруг он быстренько собрался и уехал. Когда он возвратился, мы встретились в Переделкине. Васюта, боясь стен, предложил прогуляться по лесу. Пошли. Он рассказал, что с выездом ему помог не кто-нибудь, а первый помощник Брежнева Александров.

— Старичок, ты себе не представляешь, как они там все... трусят!

Васюта употребил бранное, циничное слово.

Меня, провинциала, это сообщение озадачило. Задумаешься поневоле, неужели за спиною крикливых диссидентов стоит какая-то внушительная сила?

Сейчас прекратилось глушение всяческих «голосов», поэтому появилась возможность послушать, что болтают наши, находясь за рубежом. Боже, сколько было сломано копий вокруг академика Сахарова! Наш опальный атомщик незаметно вырос в грандиозную фигуру. Но вот он выехал наконец в Америку и отверз свои уста. Уж лучше бы продолжал молчать! Заласканный, исцелованный, осыпанный множеством премий, он с природным косноязычием явил вдруг образец такой ненависти к своему Отечеству, что многих взяла оторопь. Кому-же поклонялись-то!

Не знаю, какой он атомщик, но как политического деятеля его сконструировали. С какой целью, спрашивается, его высылали в Горький? Жена Сахарова, еще недавняя бойкая цедэзловская дамочка Е. Бонер, почти каждый день приезжала в Москву и первым делом бежала к иностранным корреспондентам. Вся родня этой Бонер немедленно уехала в Америку и оттуда стала изо всех сил раздувать миф о «горьковском страдальце». Та же Бонер беспрепятственно отправлялась за рубеж когда хотела и куда хотела.

Так что же все-таки стоит за всем ажиотажем вокруг Сахарова?

Теперь его протолкнули в Верховный Совет, на самую высокую трибуну. В Академии наук коллеги Сахарова, как видно, зная этого человека до ногтей, сначала дали ему решительный отпор. И что же, академик оскорбился, проявил достоинство? Как бы не так! Он возглавил толпу башибузуков и под вопли толпы заставил-таки себя зарегистрировать в качестве кандидата в народные избранники!

О хрущевской «оттепели», мне кажется, спорить не приходится: она была необходима. Но почему у нас не знают предела вседозволенности и цинизма? Именно в те годы расцвели махровым цветом фальшивые репутации разного рода крикунов, вознеслись апостолы безобразного, стали быстро и ловко конструироваться для почитания групповые кумиры. Эрозия социалистических ценностей разрослась до клеветы на солнце над головой!

Откуда только и повылазили крикушники! Кто их выволок на белый свет? Зачем? Так и подмывало заявить самому Хрущеву словами азиатской поговорки: «Если встретят в обнове хорошего человека — его поздравят, а если плохого, то спросят: где взял?»

В. А. Кочетов, оставаясь до последнего дыхания редактором популярнейшего «Октября», упорно вел свою линию, доказывая и убеждая, что неразумно разрушать фундамент прошлого в наивной надежде возвести верхний этаж и самую крышу над пустотой.

За эту целостность, за неумение, вернее, за нежелание вилять и приспосабливаться, Всеволода Анисимовича уважали даже недруги. Уж на что горлопан Евтушенко, а и тот...

Мне помнится, пожалуй, самый первый вопрос Кочетова при нашем знакомстве. Он сурово поинтересовался, почему я не в партии. При этом глаза его не мигая

смотрели в самые мои зрачки. Он очень «умел» смотреть! Но мне лукавить было незачем.

— Я считаю, Всеволод Анисимович, что в партию следует вступать только на фронте.

Он слегка сощурился, помедлил и вдруг улыбнулся. Понял!

Сталинистом он, на мой взгляд, был убежденным. Меня же в ту пору при одном имени Сталина начинало трясти. Я даже повесть написал под названием «Друзья шагают в ногу»... Конечно же, убеждения Кочетова базировались на доскональном знании истории давних и совсем недавних лет. А мы ничего этого не знали и верили тому, что нам преподносилось. Правда, уже и тогда кое о чем можно было догадаться. Например, реабилитация. Многих участников процессов 30-х годов оправдали. Но многих и не оправдали, в частности, Бухарина. Сочли, что этот деятель никакого оправдания не заслуживает. Интересно бы узнать, что ему тогда ставилось в вину?

Коробили и некоторые обвинения Хрущева. В частности, указание, что Сталин руководил военными операциями по глобусу. Это был явный перебор, а посему приходилось подозревать, что не все в знаменитом докладе о культе личности взвешено, продумано, а следовательно, является достоверным.

Кстати уж поделюсь одним наблюдением. Любая оголтелая ругань поневоле заставляет присмотреться к самому ругателю. В наши дни, как я замечаю, мы стали свидетелями неожиданного феномена: исподволь возник и стал набирать силу, ну что ли, новый виток популярности Сталина. И причиной этому исключительно безудержная хула. Разоблачители в экстазе проговариваются и проливают свет на многое из того, о чем народ прежде и не догадывался. В частности, едва ли красит Бухарина, члена Политбюро, увлечение школьницами. Что же касается, например, Карла Радека, то нам все время говорилось о нем, как о самом крупном публицисте. И вдруг из «Огонька» мы узнаем, что он с трудом говорил по-русски. Интересно, на каком же языке он создавал свои «выдающиеся» рацеи? И для кого?

Короче, получая представление о тех, с кем боролся Сталин, начинаешь понимать как его положение, так и его задачи. У меня, например, еще совсем недавнего антисталиниста, укрепилось убеждение, что Сталину пришлось очищать самые настоящие авгиевы конюшни. А ведь легендарному Гераклу это зачли за один из его бессмертных подвигов...

Озлобленные разоблачители проводят параллели с Иваном Грозным. Но разве они забыли, что Иван еще в молодые годы воочию увидел кровожадность боярской оппозиции? Знал и Сталин натуру недавних своих соратников. Вокруг вожделенного «кремлевского трона» плела свои интриги свора безжалостных, забрызганных кровью деятелей.

Словом, история у нас тяжелая, даже кровавая. Но не переписывать ее надо стремиться, а взять в багаж и как следует осмыслить. Только не кидать ее на потребу всякого рода спекулянтам-эстрадникам вроде «историка» Ю. Афанасьева. Русский народ на своем пожаре еще никогда не грелся!

Таков, примерно, круг проблем, витавших в те годы над редакциями, над людьми литературы. В. А. Кочетов был одним из самых цельных, убежденных. Крупность своей натуры Кочетов доказал и последним штрихом, последним поступком в жизни: безнадежно больной, он нашел в себе силы пустить пулю в сердце. Вот еще один штрих к облику В. А. Кочетова: убежденный сталинист, автор замечательного романа «Журбины», он не имел ни одной Сталинской премии...

Сколько всевозможной грязи рассказывалось и рассказывается до сих пор об Анатолии Софронове! Было время — я слушал и всему верил. Хотя уже тогда одна моя знакомая, дружившая с женой Анатолия Владимировича, с негодованием выслушивала мои филиппики и терпеливо втолковывала, откуда вытекают потоки подобной грязи. Как всякий цельный человек с твердыми идейными позициями, Софронов имел множество недругов, уже не говоря просто о завистниках. Не надо скрывать: он и поступал в полном соответствии со своими жизненными принципами. Это был настоящий партийный боец. Вот за это-то самое и ненавидело его наше литературное «болото»! Неукротимая их ненависть простиралась далеко. Его только что родившегося сынишку Алешку так залечили в роддоме хинином, что ребенок оглох и вырос глухонемым. Жестоки, непримиримы и кроваво мстительны наши витийствующие «демократы», во всем берущие пример со своего духовного отца Троцкого.

А я знаю множество людей, которым Софронов круп-

но помог в жизни, вовремя пришел на помощь и поддержал. Знают об этом очень и очень немногие, потому что он никогда не афишировал своих добрых дел, скромничал, что опять-таки лучше всяких слов говорит о нем, о его натуре.

Михаил Семенович Бубеннов... Познакомились совершенно случайно и почти с первых же минут почувствовали взаимное влечение. Уж не потому ли, что оказались земляками? Своих алтайских я узнаю даже в огромной толпе. Может быть, потому и бросился мне в глаза и в душу алтайский мужик Бубеннов?

Автор классической «Белой березы» никоим образом не походил на классика. Прост и простодушен был поразительно. Не сознавая своей значительности, он постоянно сомневался, то ли он делает, то ли пишет, и поэтому многое в своей богатой судьбе унес с собой, не рассказав, не оставив письменных свидетельств.

Сколько с ним было говорено! Сколько раз, бывало, приступал я к нему с просьбой написать обо всем, составить книжку мемуаров. Только махнет рукой и проведет ладонью по лицу.

Ушел из жизни огромный пласт людей и унес с собой интереснейший кусище нашей истории. «Лицом к лицу — лица не увидать!» Относились они к деталям своей биографии как к чему-то вполне обыденному, а следовательно, и неинтересному. Жаль, очень жаль. Потому-то и приходится теперь прибегать к пересказу слышанного — исключительно ради того, чтобы хоть что-то осталось, не кануло в безвестность.

После войны судьба забросила Михаила Семеновича в Ригу, в чужой холодный город. Его подтачивал жесточайший туберкулез, донимал голод, однако он не вылезал из-за стола, работая над «Белой березой». Все, о чем писалось, было пережито самим, ощутилось на себе. Надо вспомнить, какой градус эйфории царил тогда в стране после столь великой Победы, чтобы оценить смелость и мужество автора, показавшего на страницах своей книги отнюдь не рядового предателя — бывшего комбата Лозового.

Закончив работу, Бубеннов послал рукопись в редакцию «Октября», Федору Панферову, и слег окончательно, его свезли в больницу.

Писателю повезло с женой. Его терпеливая безответная Валя, Валентина Ивановна, мужественно тянула невыносимый воз. Однажды она пришла в палату со счастливым выражением: из Москвы прислали верстку романа. Подбив под спину тощие больничные подушки, Михаил Семенович дрожащими руками стал листать неряшливые листы с типографским набором.

Валентина Ивановна залюбовалась просиявшим лицом мужа.

Но что это? Больной вдруг разразился ругательствами и отшвырнул верстку. Писатель не узнал своего романа. Ретивый редактор прошелся по рукописи, словно свинья по огороду, и буквально измордовал произведение. Бубеннов тут же продиктовал жене телеграмму с самым решительным протестом. Напрасно Валентина Ивановна пыталась урезонить мужа: все-таки публикация, все-таки хоть небольшие, но деньги. Как бы они были кстати!

Бубеннов остался тверд. Телеграмма улетела в Москву.

К чести Панферова, он не отмахнулся от протеста неизвестного строптивого автора. Он сам прочел рукопись и распорядился восстановить все зачеркнутые и исправленные места. И поставил роман в очередной номер.

Потом рассказывали, что Сталин, читавший очень много, на заседании Политбюро бросил на стол номер «Октября» и обронил: «Эту вещь обязан прочесть каждый...»

На Бубеннова сразу свалилось столько благ и почестей, что впору закружиться голове. Однако он сумел побороть гордыню и остался тем же простецким алтайским мужиком, каким его знали прежде. Правда, и характера не изменил.

С характером писателя, кстати, связано, пожалуй, одно из самых необыкновенных событий в его жизни. Об этом событии он мне рассказывал сам, и рассказывал со многими подробностями, потому и считаю своим долгом поведать о нем тем, кто будет жить после нас. Забывать подобных событий, на мой взгляд, не следует.

Очередной роман Валентина Катаева назывался что-то вроде «За власть Советов». Как водится, началась шумиха, критика принялась изо всех сил раздувать значение этого «шедевра». Бубеннов же, прочитав роман, возмутился и засел за написание критической статьи. Трудился он усердно, терпеливо, получилась статьища листа в два. Куда с ней сунуться? Пошел в «Октябрь» — мудрый Панферов не пожелал ввязываться в конфликт с всесильным Катаевым и отказал Бубеннову дружески, но

твердо. Сунулся Михаил Семенович в «Новый мир», еще куда-то: всюду от ворот поворот. На него посматривали, как на сумасшедшего. На кого, дескать, хвост задираешь?

И вот тут-то и взыграл характер Бубеннова. Да неужели же советскому писателю негде слово молвить?

Он засунул свою статью в большой конверт, сам явился к Боровицким воротам Кремля и вручил пакет дежурному офицеру. Было это в пятницу.

В субботу после обеда Михаил Семенович по обыкновению прилег соснуть. Сквозь дремоту ему послышался необыкновенный, какой-то режущий звонок телефона. Трубку подняла домработница, мывшая на кухне посуду.

— А? Что? — раздавался ее голос. — Нет, дома... Да сплять... Когда? Ну, через час...

Как видно, кто-то хотел говорить с хозяином.

Позевывая со сна, Михаил Семенович появился на кухне.

— Кто это? — спросил он, наливая остывшего чаю.

— Да Сталин, — невозмутимо ответила старуха.

Бубеннов рассказывал, что у него все посыпалось из рук.

— Что-о?! — взревел он. — И ты... И ты брякнула? Да ты в своем уме!

Испуганная старуха принялась оправдываться:

— Да он ничего, ничего. Он сказал, что еще раз позвонит.

Унимая сердце, Бубеннов свалился на стул и залпом выдул стакан чая.

Примерно через час вновь раздался режущий звонок. Михаил Семенович снял трубку. Послышался глубокий рокочущий бас — Поскребышев. Затем в трубке раздался характерный — глуховатый, с заметным акцентом — голос самого Сталина.

Не стану пересказывать всего разговора писателя с вождем. Вполне понятно, что многое забылось и может быть присочинено. Мне запомнилось, что Сталин с одобрением отозвался о статье, сделав особенный упор на то, что Катаев на самом деле имеет устаревшее представление о характере партийных работников. Согласился Сталин и с рядом других претензий критика к нашумевшему роману.

— А где бы вы хотели напечатать свою статью, товарищ Бубеннов? — последовал вопрос.

Замявшись, Михаил Семенович поведал о своих мытарствах.

— А как вы смотрите, чтобы статью напечатать в «Правде»?

Об этом, признаться, Бубеннов не думал.

— Великовата она для газеты, товарищ Сталин.

И вдруг Сталин спросил:

— Вы будете сейчас дома? Вам позвонят.

Он обстоятельно попрощался, пожелав успехов в работе, и закончил разговор.

Что происходило с Бубенновым, нетрудно себе представить. «Голова, — рассказывал Михаил Семенович, — прямо-таки пылала!»

И тут снова этот необыкновенный звук телефона. Звонил Маленков.

Величина размера статьи его лишь слегка озадачила.

— Скажите, — спросил он, — а как называются в газете эти... Ну, внизу страницы...

— Подвал.

— Да, да, подвал. Сколько, по-вашему, из нее получится подвалов?

— М-м... Подвалов, пожалуй, шесть.

— Ага, ага... Впрочем, подождите немного. Вам сейчас позвонят.

И буквально через несколько минут раздался звонок главного редактора «Правды» Суслова. Он не стал ни о чем спрашивать, лишь попросил приготовить экземпляр статьи и спуститься вниз, к подъезду: редакционная машина уже вышла.

Печатание этой статьи в «Правде» происходило уже на моей памяти. Отлично помню два номера по нескольку подвалов в каждом.

Михаил Семенович рассказывал, что появление его статьи произвело в Москве эффект разорвавшейся бомбы. Никто к этому не был подготовлен. Накануне выхода «Правды» в свет Бубеннову позвонил кто-то из «Нового мира» и отечески внушал не вступать в ненужную и опасную конфронтацию со всемогущим Катаевым и его компанией. «Зачем тебе это нужно?»

В те годы авторитет «Правды» был недосягаем. Это сейчас «Московские новости», «Огонек». А тогда выше «Правды» авторитета не существовало. Со страниц «Правды» с народом разговаривала сама партия.

Как водится, спешно подготовили обсуждение статьи.

Все происходило по тогдашнему обыкновению: выступающие громили «порочное произведение» и его автора, сам автор каялся и заверял.

Самое примечательное произошло после обсуждения. К Бубеннову своей неторопливой державной походкой приблизился Катаев, протянул руку и, задержав рукопожатие, улыбаясь волчьей безгубой улыбкой, негромко, задушевным тоном произнес:

— Помни, Миша, что ты вынул у меня из кармана миллион!

И с прямой спиной проплыл к выходу.

Следующим конфиденциальным собеседником Бубеннова был Леонов. Он стоял в темном коридорчике перед дубовым залом писательского ресторана. Завидев Бубеннова, он оглянулся и поманил «критика» поближе.

— Миша, что ты наделал! — Леонид Максимович чуть ли не по-бабьи всплеснул руками. — Они же теперь тебе житья не дадут!

Наш мудрый классик оказался прав. Не стало Бубеннову спокойной жизни. И нет покоя даже после смерти: клюют по самому различному поводу.

Кстати, о кончине Михаила Семеновича.

Той осенью я жил в Алма-Ате, в Доме творчества. И вдруг ночью мне приснился Бубеннов. Затем — хотите верьте, хотите нет — я словно наяву увидел страницу некой газеты с сообщением о смерти этого близкого мне человека. Утром принесли «Литературку», и там уже «знакомый» мне некролог.

Вот и говори после этого о неспособности душ к общению!.

Не довелось мне в жизни даже глазом глянуть на нашего великого Шолохова. Но преклонение мое перед этим человеком безгранично. Как-то весной из Ростова мы с Анатолием Ивановым и Валентином Распутиным выехали на машине в Вешенскую, к Михаилу Александровичу. Хотелось поспеть ко дню его рождения. Степь развезло, дороги затопило, надо было с самого начала ехать через Миллерово. Так мы и не пробились... Расспрашивал я о нашем классике всех своих знакомых и жадно впитывал все услышанное. Естественно, «левакам» о Шолохове лучше было не заикаться. Среди них господствовала устоявшаяся многолетняя ненависть.

Снова приходится говорить о своих и чужих. Как Шолохов, так и Кочетов, Софронов, Бубеннов относились исключительно к «чужим». Да что же все-таки происходит в нашей литературе? И только постепенно я начал постигать, в чем же заключалась тяжелая вина этих замечательных писателей. Как ни странно, совсем не в русскости и даже не в пресловутом антисемитизме, как уверяют многие, вовсе нет. Причина их абсолютного неприятия «леваками» заключена исключительно в последовательной партийности. На каком-то из съездов партии Шолохов произнес крылатые слова: «Мы пишем по велению сердца, но сердца наши принадлежат партии». И вот это кредо писателя-партийца «леваки» превратили в лозунг лакейства, приспособленчества!

Боже, что за зловонное болото так называемая литературная общественность! Состоит она сплошь из людишек о к о л о: юрких особей того и другого пола, отирающихся возле различных видов искусств. Слухи, сплетни, домыслы, анекдоты — вот клейкая масса, соединяющая подобных субъектов. Здесь обо всех знают все! И не странно ли, что в нашей стране подобное «болото» обладает определенной силой, если хотите, даже властью. Сколько сломанных судеб на совести этих людишек, сколько смертей! Достаточно назвать Есенина и Маяковского...

Несколько трагедий произошло на моих глазах — для пущей документальности записок хочу о них рассказать.

Что бы ни писали о последнем романе А. Бека, долгое время лежавшем в столе скончавшегося писателя, все-таки лучшим его произведением считаю «Волоколамское шоссе». Такие книги хочется поставить на полку и перечитывать.

С героем романа, полковником Бауржаном Момышулы, меня связывали близкие отношения. Красивый, статный, настоящая военная косточка, Бауржан почти всю свою жизнь связал с любимой армией: превосходно воевал, преподавал в академии, затем начал писать. Свой первый рассказ «Спина» он принес в журнал «Простор», и я без промедления благословил его в набор. Произведение автора-казаха было написано превосходным русским языком! Потом из-под пера отставного полковника вышли повести, романы. Последнее, что он принес и положил мне на стол, были записки о поездке на Кубу. Роман «Волоколамское шоссе» настолько полюбился Фи-

делю Кастро, что он пригласил Бауржана в гости. Уже немолодой, прихварывающий писатель полетел на далекий остров Свободы. Кастро устроил в его честь военный парад. Почести Бауржану воздавались как советскому национальному герою. К сожалению, у своего «начальства» он никакой чести не мог добиться. Наоборот, старались оскорбить, унизить. Причина? Как ни странно, русское, вернее, советское воспитание; военное училище, героизм на войне, главное же — отрицательное отношение к поднимавшему голову национализму.

— Эх, сынок, — сказал как-то Бауржан, когда я провожал его из редакции, — странный вы, русские, народ. Куда же вы смотрите? Или совсем ослепли?

Разговаривали мы вскоре после памятного нам всем выступления Алимжанова, призвавшего снести в Казахстане памятники колонизаторам.

Много раз размышлял я потом над словами старого полковника. Особенно после кровавых событий в Алма-Ате.

Последнее унижение, которое довелось пережить герою-панфиловцу, оказалось роковым.

В Алма-Ате существует в центре города парк имени Героев-панфиловцев. Как-то начали там грандиозную стройку: возвели целый мемориал в честь героев, павших под Москвой. Очень красивые статуи, барельефы, Вечный огонь. Комплекс впечатляющий!

Естественно, открытие памятника проходило как всенародное торжество. Войска застыли в почетном карауле, на трибуне «отцы» республики, гости, делегации, пионеры.

По существу, памятник был воздвигнут одному из уцелевших героев битвы под Москвой Бауржану Момышулы. Но как раз его-то и не сочли нужным пригласить на открытие мемориала!

Старый полковник явился сам. В лицо его знают все, поэтому ни у кого из многочисленной охраны не поднялась рука остановить заслуженного воина. Он беспрепятственно прошел к мемориалу, отдал честь павшим боевым товарищам, запечатленным на барельефах в мраморе и бронзе. Затем поднялся на центральную трибуну. Кунаев стоял рядом с кем-то из приближенных. Вдруг между ними высунулся костыль Бауржана, полковник раздвинул их и встал на самом виду у собравшегося народа...

Сейчас это происшествие стало одной из легенд в Казахстане.

Бауржан же после открытия мемориала прожил совсем недолго — не выдержало сердце.

Да и мудрено выдержать такие перегрузки!

Часто, приезжая из Алма-Аты в Москву, я любил останавливаться в Переделкине. И живал там подолгу. Чудесный уголок!

Однажды весь Дом творчества был взбудоражен беготней. Писатели вылезли из комнат. В чем дело? Выяснилось, что какие-то негодяи заперли в трансформаторной будке бесхозную собачонку, теперь она там воет во весь голос. Быстро составилась инициативная группа, собрали подписи под петицией. К вечеру собаку освободили из заточения.

Но буквально на следующий день начался сбор подписей под новой петицией. Принесли бумагу и мне. Писатели взывали куда-то «наверх», призывая оградить их от больного поэта А. Досталя. Не будучи знакомым с названным поэтом, я несколько раз видел его в вестибюле Дома творчества. Существо несчастное, больное, он робко делал попытки посидеть, поговорить с собратьями по профессии — пообщаться, по-нынешнему. Кто-то с ним присаживался, а кто-то отмахивался и убегал. И вот люди, вчера пожалевшие собаку, сегодня гневно требовали «забрать куда следует» больного человека, упирая на то, что по всем признакам у него туберкулез.

Примерно через неделю А. Досталь повесился.

Ох и жестоки же, как посмотришь, наши гуманисты!

А вот история Ивана Григорьевича Падерина.

Старый солдат, он защищал Москву, воевал в Сталинграде, брал Берлин.

Одним летом в Коктебеле съехавшихся туда на отдых писателей буквально терроризировала ватага молодых, мускулистых сионистов. Старым людям не было от них прохода.

Иван Григорьевич не вытерпел и сделал им замечание. Молодчики с шестиконечными звездами на цепочках окружили старика. Так подмывало расправиться, но слишком уж немощен был старый объявившийся противник: почти совсем слепой, исхудавший от болезней.

— Слушай ты, сука, — произнес наконец предводитель с выпуклой грудью напоказ, — здесь тебе не Сталинград, мы тебе тут быстро голову оторвем!

К счастью ли, к несчастью ли, но это все увидели и услышали знакомые Падерина. И возмутились. И подняли скандал: кто такие эти нахальные молодчики, каким образом они попали в писательский Дом творчества? И выяснилось, что живут они тут по блату, приобрели дефицитные путевки за шальные деньги. Нехитрое расследование показало, что в Литфонде орудует компания спекулянтов. На беду Падерина оказалось, что спекулянты все как на подбор из лиц, как теперь принято говорить, еврейской национальности. Знать бы старому солдату, на кого он голос поднимал! Писатель был зачислен в списки злобных антисемитов.

Спустя некоторое время ему довелось обратиться в больницу с больными глазами. И что же? Ему стало хуже. И лишь искусство С. Н. Федорова спасло ему десятую часть одного глаза. Но и это еще не все. Внезапно в газете «Труд» появляется злобный пасквиль, рисующий Падерина не героем войны, а трусом, мародером, чуть ли не власовцем. Конечно, товарищи вступились за ветерана, но что стоило больному человеку перенести грязные наветы!.. Прошлым летом мне выпало слетать в ГДР. Я специально выпросил машину и съездил в Веймар, где сразу же после войны И. Г. Падерин служил первым советским комендантом города. Там он пережил страшный удар: какой-то недобитый фашист подкараулил и задавил машиной ребенка коменданта, русского мальчишку пяти лет. Я побывал на русском кладбище, на могиле Володи Падерина. Могила, надо сказать, все эти годы содержится образцово. В ГДР чтут память наших героев. А что же мы сами творим с нашими славными героями? Один из авторов грязного пасквиля в «Труде», некто Дмитриев, оказался сыном полицая. Выяснилось, что не только его отец, но и вся родня служила пособниками фашистов. И там, в Германии, стоя над могилой русского мальчишки, я представил, как недобитый полицай, отец автора пасквиля, пробирается на Запад и, утоляя злобу, расправляется украдкой с играющим на весеннем солнышке ребенком. А вот теперь, уже в наши дни, сын этого мерзавца довершает то, что не удалось отцу: добивает ветерана.

Страшно, очень страшно узнавать обо всем этом. Но, клянусь, я ничего не придумываю, не сочиняю.

Мы, четверо немолодых писателей, вступились за честь Падерина и принесли в «Литературную газету»

статью. И что же? Уже второй год из редакции ни слова. В калашный ряд лучше не соваться. Но куда сунуться, где найти защиту? Нет у нас в стране такой газеты.

Михаил Александрович Шолохов с самых первых своих шагов в литературе ощутил звериную ненависть «болота общественности». Положение его усугублялось многим. Прежде всего он пропел настоящий гимн своему Дону. А кому теперь неизвестно, что «сам» Свердлов подписал декрет о поголовном уничтожении ненавистного ему казачества! И вдруг один из недобитков с Дона пишет гениальное произведение, которое не по плечу ни одному из наводнивших нашу литературу штукарей! На Шолохова была спущена целая рать борзописцев, благо что главный из них, Л. Авербах, приходился племянником Свердлову и даже жил с ним в Кремле. Всячески «размазывая» молодого гения на страницах печати, они составили план и физического его уничтожения. Недавно стала достоянием гласности поразительная история Ивана Погорелова, отказавшегося от гнусной роли провокатора и убийцы в спланированной комбинации. Шолохова спасли земляки, кружными путями вывезшие его в Москву. Здесь он опять-таки пробился к Сталину, и только там, в кабинете генсека, было раскрыто, что замышлялось на Дону и кто замышлял. Вся история уже опубликована, секрета больше нет. Но мне хочется обронить одно попутное замечание. А ведь если бы Шолохову не удалось пробраться в Кремль, его непременно прикончили бы на Дону, краевое ГПУ во главе с Коганом организовало бы гигантский процесс, расстреляло бы сотни и сотни, а весь грех, как и положено теперь, был бы навешен на того же Сталина.

И снова прошу правильно меня понять. Сталин, конечно же, не безгрешен. Но зачем все валить на него одного? Видимо, кому-то это выгодно. В случае с Шолоховым, например, видна прямая выгода Когана, у которого в последний момент сорвался такой блистательный для его дальнейшей карьеры процесс. А ведь если со спокойным рассудком вникнуть во все, что творилось в те годы по всему лику нашей необъятной земли, то в глаза прямо-таки бросится усердие выслужиться разных коганов и присных им, желание их показать свои старания, способности. Скажем, в такой-то области или республике огромный заговор. А чем мы хуже? И мы раскроем!

И раскрывали, а затем рапортовали наверх, ожидая почестей, наград.

Имеем ли мы право сбрасывать со счетов впечатления от этих рапортов-докладов снизу?

В заключение хочу рассказать о том, что знают очень немногие.

Нынешним летом лишился я своего большого друга Александра Ивановича Овчаренко. Человек недюжинного ума и большой культуры, он много поездил по белому свету (в одной Америке был более двадцати раз) и обо всем имел сугубо свое суждение. У нас стало обыкновением встречаться хотя бы раз в неделю и, усевшись где-нибудь в уголке, обменяться мнениями. Разговоры эти доставляли мне истинное наслаждение. Ради встречи с Александром Ивановичем я готов был отменить любое свидание. Непоздним зимним вечером сидели мы в нижнем буфете ЦДЛ и за чашкой кофе обменивались впечатлениями прожитой недели.

Неожиданно возле нашего столика возник мужчина, похожий на латыша или эстонца, белесенький, с залысинами на лбу, в мятом пальтишке. Он раскинул руки и, двинувшись к Александру Ивановичу, радостно завопил. Овчаренко вскочил, они с мужчиной обнялись и облобызались. Причем в действиях Александра Ивановича не было ничего принудительного, искусственного. Он был искренне обрадован встречей.

На столе появилась бутылка сухого вина (ничего иного у нас тогда не подавалось), гость скинул пальтишко и основательно устроился. Это был норвежский профессор (фамилии его я не запомнил), консультант Нобелевского комитета по русской литературе. Оказавшись пролетом на Украину в Москве, он счел долгом повидаться со своим старинным приятелем профессором Овчаренко.

Много раз благодарил судьбу за то, что она сводила меня с весьма интересными людьми. Тот вечер с норвежским профессором в прокуренном буфете ЦДЛ открыл для меня чрезвычайно много нового, даже необыкновенного.

Начну, однако, по порядку.

Как известно, первый том «Тихого Дона» вышел в свет, когда его автору едва исполнилось 23 года. Ну и забушевало же тогдашнее «болото»! Именно тогда с легкой подачи Ефима Добина и Виктора Шкловского пошла гулять версия, что парнишка с Дона сам не писал романа,

а использовал чужую рукопись, то есть совершил плагиат. И эта грязная история о литературном воровстве преследовала Михаила Александровича всю жизнь. Правда, сперва обкраденным назывался Сергей Глаголь, затем Федор Крюков, затем кто-то еще. К сожалению, не остался в стороне от этой грязи и такой писатель, как Солженицын. Он выпустил книжонку, где с бешеной злобой доказывал факт воровства. Как говорится, бог с ним, на том свете ему придется держать нелегкий ответ.

Сейчас на Западе в моде всевозможные агрегаты ЭВМ, как говорят, умнейшие и полезнейшие машины. Куда умнее человека!

Норвежский профессор взял и обратился к этой мудрой технике. Он рассказывал, что для пробы в машину заложили все тексты Гомера, машина поурчала и выдала совершенно неожиданный результат: то, что приписывается одному Гомеру, написано пятью разными людьми. А ну-ка давайте заложим всего Шолохова! Заложили. И мудрая машина разочаровала негодяев: все тексты нашего классика написаны одним пером. Так лопнула одна из самых мерзких инсинуаций нашего века.

С результатами своих сенсационных расследований норвежец много и с успехом выступал за рубежом. И везде на его лекции народ ломился. Он решил обласкать слух и советских интеллигентов и прилетел в Москву. Не тут-то было! В Институте мировой литературы на его лекции присутствовали в основном людишки о к о л о. Не соизволил заявиться ни один из руководителей этого института. Все они боялись повредить своей репутации на Западе.

Тем не менее, свою лекцию норвежец прочел и, как водится, изъявил готовность отвечать на вопросы. И что тут посыпалось! Своими ушами слышал возмущенные сентенции норвежца. Позвольте, горячился он, где я нахожусь? Даже там, на Западе, мне не доводилось сталкиваться с подобной злобой. Куда я попал?

С помощью Овчаренко норвежец связался по телефону с Вешенской, долго разговаривал с Шолоховым, и Михаил Александрович пригласил его в гости. «Берите билет и прилетайте, а я вас встречу!» Норвежец обрадовался и захлопотал.

Через несколько часов на квартире Овчаренко раздался звонок одного из руководящих деятелей нашей литературы. Он накинулся на почтенного профессора с бранью.

Смысл его упреков сводился вот к чему: с какой стати ты без согласования организовал эту поездку зарубежного гостя в Вешки? Неужели ты не знаешь, что в его лице мы имеем дело с крупным разведчиком?

Было от чего прийти в изумление!

Однако седой и мудрый Александр Иванович быстро поборол растерянность и обратился куда следует. Оттуда ответили с исчерпывающей откровенностью: ни в чем подобном норвежец даже не подозревается.

И все же противодействие людишек уже стало заметно ощущаться, норвежец заволновался. Вечером он приехал на квартиру Овчаренко и, зная наши порядки, с тревогой спросил: видимо, он что-то сделал не так? Но — что, что? Нельзя было защищать Шолохова, да?

Наш профессор попал в щекотливое положение. Не станешь же перед гостем выворачивать всю нашу изнанку!

Он успокоил норвежца, сунул ему двести рублей и пожелал счастливого полета.

В Вешенской норвежский профессор четыре с половиной часа беседовал с нашим классиком и все записал на пленку. Это была последняя беседа Шолохова. Вскоре его не стало. Норвежец бережно расшифровал магнитофонную запись с больным писателем, однако опубликовать ее у нас до сих пор не может. Дико об этом писать, но само имя Шолохова звучит в определенных наших кругах словно проклятие.

Вот если бы Эренбург, вот если бы Бухарин, а еще лучше Троцкий. А то...

Так вот и живем.

Когда-то я не спал ночь напролет, боясь, что завтра меня могут не принять в комсомол. И таким я рос до 1956 года. Вдруг грянул доклад Хрущева о культе личности. Это было страшно. Месяца три я ходил оглушенный, растерянный, ограбленный. Какой же я был дурак! Во что верил? Кому верил?

С тех пор скепсис прочно укоренился в моем характере, я перестал что бы то ни было принимать на веру, во всем старался разобраться, доискаться до корней, до истины.

Так что в какой-то мере доклад Хрущева сыграл положительную роль, он начисто убил доверчивость, заставил мыслить и поступать самостоятельно.

Но такие перемены — не одежка, которую так легко скинуть и надеть другую. Все совершалось медленно, в мучениях.

Сейчас царит невероятная общественная эйфория: перестройка. Полагаю, это всего лишь термин. На мой взгляд, уместнее говорить о наведении порядка в изрядно-таки подзапущенном нашем доме.

А у нас в Азии на этот счет выражаются еще определеннее: «Из-за блох не жгут штанов».

Но вот что странно: почему на гребне общественных, что ли, бурлений выметнуло вдруг людей совершенно никчемных, пустопорожних, однако гремливых, как эти самые пустые бочки? Ну, такого «пламенного рыцаря перестройки», как Коротич, мне доводилось только видеть издали. Но с остальными-то!..

Андрей Вознесенский... Знакомы давным-давно. Вспоминается период всяческих писем «наверх» со сбором подписей. В Переделкине суетятся активисты, шепотком ползут секреты. «Андрюше не надо подписывать, нет, нет!.. ему нынче может обломиться Государственная премия».

Затем Андрей, обруганный самим Хрущевым, самый бойкий задира с властями, откровенный, без всякой маскировки диссидент, триумфально раскатывает по всему миру. С гордостью рассказывают, как он строптиво и заносчиво обращается с представителями нашего государства за границей и все-таки ездит, ездит, не вылезая из-за рубежа. («Жизнь дается один раз и прожить ее надо **там**!) Затем ему «обламывается» Государственная премия, затем, в самый разгар брежневщины, он публикует поэму, где высказывается примерно так: дорогой товарищ Ленин, если бы ты встал сейчас из гроба, ты увидел бы тех пламенных коммунистов, о которых мечтал до самой смерти. Это о Брежневе-то и его преступном окружении!

Но вот не стало Брежнева, а Вознесенский снова впереди. Он свой человек в Белом доме, он принимает на даче в Переделкине сначала госсекретаря США Шульца, затем супругу президента Рейгана. Он почти не засиживается дома, без устали мотаясь по всему миру. Недавно он возил в Страсбург, в город, где заседает Европейский парламент, делегацию советских писателей. Известно, что в прежние времена нашу страну представляли Алексей Толстой, Фадеев, Эренбург, Корнейчук — фи-

гуры только такого ранга. Теперь же Андрюша Вознесенский привез свою «кодлу»: Славкин и Приставкин, Петрушевская и Иванова (все равно — какая).

Разница, как видим, бросается в глаза.

Что бы ни говорили о Солженицыне, а я его ценю и как писателя, и как прямого, откровенного человека. Тому же Вознесенскому, когда тот заявился к нему в Америку и принялся заискивать, Александр Исаевич сказал без всякой дипломатии: «Кто вы такой? По-моему, молодой человек, вы самый настоящий вертухай».

Метко и емко!

Евгений Евтушенко... Едва грянули чехословацкие события, Евтушенко из Коктебеля дает в правительство телеграмму, протестуя против ввода советских войск. Странное дело, где-то по дороге телеграмма «свернула в сторону» и прежде Москвы попала за рубеж на «голоса». Естественно, над Евтушенко ореол борца, пламенного и бесстрашного. Но в те же примерно дни он жалуется одной моей знакомой: «Вы видите, у меня даже расческа советская. Нет, надо поскорее ехать за границу!» А вскоре в Москву приезжает Г. Белль и, ознакомившись с условиями жизни нашего знаменитого поэта, изрекает: «И это диссидент! Не смешите!» Вполне допускаю, что Г. Белль знал и стихи Евтушенко, прославляющие Сталина (во всем мире потушены огни и лишь в Кремле светится одно окошко, там сидит всю ночь человек и думает о своей стране, о своем народе).

Мне как-то в голову пришла довольно дикая мысль: а что если бы Евтушенко, скажем так, не стало... в его тридцать лет? Ведь ходил бы в классиках наравне с Маяковским и Есениным! А что мы видим сейчас? Погоня за модой превратила его в нечто похожее на Бриков — Осю и Лилю в одном лице...

Елизар Мальцев... Человечек крохотного роста, но, как и все природные недомерки, чрезмерно напыщен, громогласен, велеречив. Мнит себя не меньше, чем Лев Толстой. Клянет на все корки Сталина и сталинизм, совершенно не учитывая, что для выражения своего «фэ» имел прекрасную возможность именно во времена культа личности: взял бы да и швырнул Сталинскую премию в лицо тому, кто ее давал! Тем более, что деньги (и огромные) выделялись из личных средств генсека. Так нет же, Мальцев (он же Пупко) добивался, интриговал, раболепствовал, шел буквально на все и — добился. Ну и расцвел сразу же. Своими ушами слышал, как он похвалялся тем, что купил у маршала Рыбалко роскошную дачу за четыреста с чем-то тысяч. А в это время колхозники буквально подыхали с голоду. Кстати, и роман-то Мальцева-Пупко «От всего сердца» повествует о счастливой колхозной доле и до небес превозносит не кого иного, как Сталина... Теперь же Елизар (в кулуарах злые языки называют его Салазаром Мальцевым) — ретивейший перестройщик и ревет с трибун так, что звенит в ушах (сам недавно был слушателем и едва не оглох).

Мне кажется, подобные писатели уже отвыкли от уединения за письменным столом, отвыкли быть наедине с собой. Изредка присаживаясь что-нибудь черкнуть, они смотрят не в чистый лист, а на самих себя со стороны, как смотримся? Так мало-помалу, исподволь, превратились они в самых беспардонных угодников, все равно кому: начальству, поклонникам, хозяевам. Рвутся к толпе, к щекотке поклонения, к воплям. И, сами того не замечая, превратились в заурядных лакеев, пусть даже и с большой буквы. Может, потому-то они избегают оставаться наедине с самими собой? Противно!

Из таких вот и сформировалась пресловутая рать рыцарей и прорабов перестройки. Ей-богу, обидно за перестройку! Стоило столько ждать, столько пробиваться, можно сказать, карабкаться, продираться?

Перестройка, и это понимают все, процесс тяжелый, напряженный, мускульный. «Пахать» предстоит много, и остро требуются самые настоящие чернорабочие. А что же видим? Покамест одних сладкоголосых соловьев. Но в Азии говорят: «Сколько ни кричи «халва», во рту сладко не станет». А эти знай себе орут! Впрочем, что они еще умеют? Как будто мы их не знали и увидели впервые. Знакомые же все лица! Они и в годы застоя процветали, жили припеваючи за счет своих небрезгливых языков: подлизывались, усердно облизывали кому надо самые интимные места и славословили без всякой совести. То-то и нахватали всяческих наград, званий и многого другого. А теперь они то, что нализали в годы застоя, в годы своего преуспевания, всю грязь со своих языков сплевывают нам в самые лица, в души!

С легкой руки этих бесстыдных деятелей у нас сейчас расцвел эстрадный метод на всех уровнях. Ненасытная жажда успеха побуждает «рыцарей» к одному: любой ценой сорвать аплодисменты. Наряду с гитаристами и

безголосыми глотателями микрофонов широчайшую аудиторию вдруг обрели толкователи будущего народа и страны: историки, экономисты. И они из кожи лезут, подгоняя факты под свои бредовые идеи, — вроде прививки социализма к капитализму (словно картошки к бузине, а еще бы лучше — вместе с капустой!). Но если гитаристов рабочий человек еще как-то приемлет, то эстрадный бред авантюристов от литературы, культуры, экономики и пр. вызывает у него, мягко говоря, недоумение. За последние семьдесят лет он услышал такое впервые! Что же произошло... Что происходит? И когда он слышит, что все эти идеи уже с бешеным успехом обкатаны за рубежом, у него невольно начинают поигрывать желваки. С каких это пор одобрения новых планов стали добиваться сначала за границей Отечества, а не у тех, кому придется вкалывать, претворять?

Не потому ли, кстати сказать, мы наблюдаем поразительное явление наших дней: перестройщиков все больше, а сама перестройка пока ни с места. И уж не потому ли наш Генеральный секретарь встречает больше улыбок в Англии и в США, нежели в Сибири?

Да, несмотря на все велеречивые заклинания эстрадников, дело пока не двигается с места. Положение тревожное...

Что же, выходит, крах перестройке? О, нет! Перестройка у нас в стране — процесс уже неостановимый. А вот эстрадным «рыцарям» приходит крах. И это тоже неминуемо. Но разве эти деятели сдадут свои места у изобильного корыта? Они сражаются — пусть, правда, не совсем умело, зато с упрямством поразительным. Предчувствуя народный взрыв против своей уже обрыдлой болтовни, они спешно изобрели и принялись лепить направо и налево грозный обрекающий ярлык: враг перестройки. Всякий, кому надоели штатные болтуны, примелькавшиеся ораторы, получал, как туз на спину, это роковое клеймо. Впрочем, ничего нового они не изобрели и привычно двинулись по давно проторенной дорожке, ибо наш народ еще не забыл кровавых расправ с так называемыми врагами народа.

Неужели над страной занимается новая заря репрессий? Неужели к этому идет?

В первом номере «Московских новостей» за 1989 год помещено «Открытое письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС». Подписано оно шестеркой «рыцарей», имена

их должны запомнить все: Бакланов, Гельман, Гранин, Климов, Сагдеев и Ульянов. Удивительное сочинение!

В первом абзаце эта отнюдь не великолепная шестерка клянется в личной преданности, делая грубый намек, что в предстоящих скоро выборах в депутаты кое-кто может вычеркнуть имя Генерального секретаря из бюллетеней. «Мы будем голосовать за вас и только за вас!» Но за свою преданность шестерка требует платы. Они доносят, что перестройка в опасности, что положение в стране требует «обновления партийных рядов», что врагами перестройки являются уже не отдельные лица, а «целые штабы».

Читаешь, и мороз дерет по коже. Так и слышится былое, вернее, на манер былого: «семья врага перестройки», «сын (дочь) врага перестройки» и т. п.

Так и подмывает им сказать:

Слушайте, вы! Не нагнетайте напрасного страха, не выдумывайте несуществующей опасности. Нет у нас никаких врагов перестройки и не может быть. Есть лишь враги «никудышников», людишек никчемных, но болтливых, то есть вас. Убирайтесь с дороги и не мешайте. Хватит болтать, пора за дело браться!

Несколько замечаний о составе шестерки. Преуспевающий лицедей Ульянов именно в годы застоя сумел стать членом Центрального Комитета, обойдя на каком-то вираже даже сыновей и всемогущего зятя Брежнева. Куда же он сейчас-то метит? Уж не в члены ли Политбюро? Что же касается академика Сагдеева, то не он ли все годы застоя возглавлял наше отставание от США в космической программе? И вот теперь незадачливый ученый муж ринулся поправлять свои дела на эстраду!.. Об остальных незачем и толковать, они уже достаточно всем примелькались...

Шестерка, как можно догадаться, озлоблена тем, что XIX партконференция не позволила превратить Дворец съездов в привычный зал ЦДЛ, не пошла на поводу эстрадников и сразу же поставила разговор о положении в стране на деловую основу. Поэтому меня, хорошо знающего о судьбе делегатов XVII съезда партии, насторожило упоминание о неких «штабах». Уж не готовят ли «рыцари» такую же печальную участь и делегатам XIX партконференции?

Как ни чудовищно это звучит, основания для таких опасений у меня имеются.

В прошлом году мне довелось присутствовать при судебном разбирательстве одного пустякового дела. Не верил собственным ушам: все подсудимые в один голос рассказывали о самых настоящих пытках. Один из них не мог сдержать слез. Прежде, чем он подписал «чистосердечное признание», его трое суток держали на морозе 19 градусов. Дело слушалось дважды. В первый раз судья решительно возвратила дело на доследование. На второй раз за судейским столом восседала женщина на последнем месяце беременности. Она меньше всего слушала подсудимых, глаза ее и мысли были опрокинуты куда-то внутрь. Она быстренько объявила приговор и ушла в декретный отпуск.

Если бы все это происходило в середине 30-х годов! Но по календарю шел третий год перестройки.

Опуская лишние детали, скажу, что после такого судилища я написал семь жалоб в самые различные инстанции — последний раз на имя Генерального секретаря. Причем о приговоре не было и речи. Мне не давала покоя мысль, что в наши дни возможно выколачивать признания таким преступным образом. Только на это и указывал... После последней жалобы зазвонил телефон. Звонивший представился прокурором. До гробовой доски буду помнить этот наглый, какой-то вязкий голос. В старых фильмах именно так разговаривали со своими жертвами гестаповцы. «Слушайте, — без всяких «подходов» начал он, — чего вы, собственно, добиваетесь? Ах, справедливости. Но вы же совершенно не знаете наших законов!» Пришлось согласиться, что в законах я и в самом деле слабоват, однако ориентируюсь на наш основной закон — Конституцию. И вот тут — можете верить, можете не верить, — но я услышал буквально следующее: «Да плевал я на вашу Конституцию!» Интересно, как бы вы отреагировали на это чудовищное заявление? Вот, вот, то же самое произошло и со мной. Обретя наконец дар речи, я предупредил прокурора, что он разговаривает с журналистом. «Да плевал я на ваши газеты!» — раздалось в ответ... Получил я и третий плевок воинственного прокурора. В чей же, думаете, адрес? Не поверите! Начав что-то лепетать об угрозе беззаконных действий правоохранительных органов, я сослался на недавнюю речь Генерального секретаря, и прокурор прервал меня нетерпеливо, прервал раздраженно: «Да плевал я на вашего Генерального!»

Такой вот состоялся разговор на третьем году перестройки.

Легче всего сослаться на поврежденный рассудок прокурора. Но раскроем «Огонек» № 19. Там помещен опус некоего Ю. Карякина, ныне одного из самых крикливых и неистовых. Автор брызжет злобой по поводу известной статьи Нины Андреевой в «Советской России». Но если бы только одна злоба! Свой документ Ю. Карякин начинает с уведомления, что некто А. Нуйкин заранее «стукпул» в «Огонек»: готовится контрнаступление.

«И оказался прав: 13 марта появилось письмо Нины Андреевой».

Далее Ю. Карякин погрузился в размышления деятеля с прежней Лубянки:

«Не стоит ли за ним (письмом) какая-то алхимия»?

Ему мерещится громадный заговор. В этом он уверен. Он и пишет, обращаясь к этим еще неразоблаченным заговорщикам:

«Убежден: будет воссоздана вся хроника вокруг вашего манифеста...»

Чтобы помочь следователям, Ю. Карякин продумал целую серию вопросов. Вот они:

«Что определило выбор дня публикации? Какой стратегией? Какой тактикой? Почему не появился манифест, скажем, 10 марта или 21-го?

Особенно будет интересна хроника событий между 13 марта и 5 апреля. Сколько местных газет перепечатали манифест? Сколько было размножено с него ксерокcов? Сколько организовано обсуждений-одобрений?

По чьему распоряжению?

Как пробуждалась местная инициатива? Кем?

Почему Нину Андрееву хочется назвать лишь соавтором манифеста, и к тому же далеко не главным?

А кто алхимик главный?

И один ли он?

Что это за Нина Андреева такая, обладающая столь небывалым и непонятным всемогуществом?

А если это не она, то кто?

А если этот кто-то действительно не один, то стало быть, речь идет о чьей-то платформе? О чьей конкретно?»

Читая подобный бред, невольно оглянешься: какой же у нас год-то на дворе? Неужто 37-й?!

Выше уже говорилось, что нынешние «никудышники» в открытую вопят о последней возможности поправить свои пошатнувшиеся дела. Любя без памяти самих себя, а отнюдь не перестройку, они и слышать не хотят ни о каком порядке. Хотя любому ясно, что порядок — это логика. Разве логично, если трус выдает себя за героя, рвач — за бессребреника, негодяй — за патриота? Вспомним, как они ликовали в преддверии XIX партконференции. Они не сомневались, что в Кремлевском зале их станут принимать так же, как на капустниках в ЦДЛ. Но делегаты устроили овацию Бондареву и прогнали с трибуны Бакланова. Не скрывая обиды, «рыцари» и «прорабы» стали готовиться к выборам в Верховный Совет. Сам читал их восторженные слова о небывалой демократии теперешних выборов. Но вот стали выдвигать кандидатов в депутаты, и в отвал, в пустую породу пошли самые крикливые, самые никчемные. Даже прославленного на всех материках Сахарова прокатили с треском! И тогда «никудышники» пошли напролом. Колонный зал штурмом берут орды башибузуков. А жена болтливого академика Е. Бонер ловит корреспондента западногерманской газеты и вопит на весь мир: «Горбачева снимают!» Как видим, эта дамочка, как и шестерка из «Московских новостей», идет ва-банк. Ее провокационный вопль адресован непосредственно к Горбачеву: дескать, чего же ты медлишь, чего ждешь? Пора сажать!

Итак, налицо уже и стукачи, и теоретики террора, и прокуроры, и бесцеремонные ретивые исполнители. А минуло всего полвека, живы еше свидетели былого!

Что же, новый круг кровавых вакханалий?

Невольно вспоминается, как мордовали наш народ ретивые авангардисты при коллективизации, нужнейшем в государстве деле. Неужели они испохабят и перестройку?

Еще раз повторяю: все, что здесь рассказывается, взято личным опытом, увидено своими глазами, услышано своими ушами.

А. И. Овчаренко познакомил меня как-то со своим американским приятелем, профессором, уроженцем России. Сидим втроем за столиком. Американец много не говорит, больше слушает, лишь изредка вставляя замечания. Разговор зашел о Брежневе и брежневщине, пожалуй, самом позорном периоде нашей истории. И вдруг американец спокойненько роняет упрек о перехлесте.

— Известно ли вам, что только при Брежневе вы достигли паритета с нами в ядерном вооружении?

Мне почему-то казалось, что паритета этого мы достигли еще при Хрущеве.

Век живи, век учись! Как во времена культа личности страна не только сидела по лагерям, так и в годы застоя не только воровала, а еще и работала, чего-то добивалась. И вот даже в самый что ни на есть застойный период она достигла равенства в вооружении со своим самым заклятым врагом... Как порой легко у нас вместе с грязной водой оказывается в помойке и младенец!

Разговор заходит о книге Н. Берберовой «Люди и ложи». Да, подтверждает американец, книга любопытна. Он ее просматривал. Однако тема ее необычна лишь для нас, советских. На Западе о масонстве существует целая литература.

— Послушайте, — вдруг спрашивает он, — а почему вы никогда не приедете к нам в Америку?

Нашел о чем спросить! Но не толковать же с иностранцем о моей проклятой «инвалидности»! Как-нибудь сами разберемся.

Бормочу что-то невразумительное.

Профессор значительно меня постарше и, видимо, обо всем догадывается.

— Ваших к нам приезжает много, очень много, — говорит он. — И добавляет: — Но почему-то одни и те же.

— Ходите на их выступления? Интересно?

По губам американца скользит усмешка.

— На их выступления собирается... м-м... специфическая аудитория. И они говорят исключительно то, что от них хотят слышать.

Вот так авангард! Хорохорятся только дома, перед своими, а т а м пресмыкаются и зарабатывают популярность. Собственно, они туда и отправляются за этим, чтобы явиться домой в ореоле заграничной славы.

В наши дни они идут уже дальше.

Не помню, от этого ли собеседника или от другого узнаю, что наши «рыцари», часто мотаясь за океан, вопят там с отчаянием обреченных: если вы нам срочно не поможете, то мы пропали, погибли! По существу, они призывают американцев к самой настоящей интервенции, и таковая, как мне кажется, совершается со все возрас-

тающей активностью — правда, не вооруженными силами, как когда-то, а по-современному: мощнейшей идеологической поддержкой на самых разных уровнях.

Москва вдруг оказалась наводненной иностранцами. В ЦДЛ ежедневно принимают гостей за несколькими столами. Звучит разноязыкая речь. Пьют, закусывают и говорят, говорят. Бросается в глаза, что в роли хозяев выступают одни и те же — давным-давно для связей с зарубежьем у нас в Союзе писателей сколотилась немногочисленная, однако крепко спаянная «кодла». Проверенный уголовный принцип, усвоенный, кстати, во всех уровнях. Невольно вспоминается афоризм хемингуэевского героя: «В одиночку человек ни черта не может!»

Гости из-за рубежа, заполнившие Москву, все без исключения, горят одним желанием: помочь чем только можно нашей перестройке. Они почему-то беспокоятся за ее судьбу, пожалуй, больше нашего. Никак не возьму в толк: с какой стати они вдруг так радеют за нас?

Недавно включил приемник и услышал «Голос Америки». Министерство обороны США решительно выступило против продажи нашей стране нескольких фрезерных станков. Основание запрета? «Москва станет сильнее!» Что ж, вроде бы логично. Но тогда почему они с таким ожесточением сражаются за нашу перестройку? По замыслу ее мы же непременно усилимся, а следовательно, станем опаснее для США! Или не усилимся, не станем?

Весна 1988 года прошла под знаком лихорадочных приготовлений к визиту президента Рейгана в Москву. Хозяева сбивались с ног. Угодить старались во всем, причем угодничали лакейски, напрочь отбросив всякие соображения о достоинстве и чести.

Высокий гость изъявил желание посетить Центральный Дом литераторов. При этом он поставил такие условия, что оказался уже не гостем, а хозяином. Так, он указал пропустить на встречу только тех, кого хотел бы видеть. Своего рода смотр «своих» людей, «своего» воинства. Ну, сам пригласил, сам пускай и хлопочет. Не тут-то было! На весь май месяц ЦДЛ заперли для посетителей. Ни одного не подпускали и близко. Внутри суетились рабочие батальоны. Снаружи воздвигали леса. Обе улицы, Воровского и Герцена, заново покрывали асфальтом. И все это делалось для того, чтобы высокий заморский гость заглянул в этот дом самое большее на час.

Когда наконец президент улетел из Москвы, двери

ЦДЛ наконец впустили настоящих его хозяев, литераторов. Писатели вошли и обомлели. Без них тут похозяйничали славно! Почему-то самым ненавистным объектом показались строителям очередной «потемкинской деревни» писательская библиотека. Ее разорили так, словно здесь орудовал какой-нибудь Мамай... Начисто упразднили парикмахерскую. Она-то чем помешала? Просто там оборудовали для президента туалет. А вдруг ему понадобится за этот час! Но ведь следует подвести канализацию... Ничуть! Чей-то изобретательный ум с блеском разрешил эту проблему: трубы для президентских фекалиев протянули в кондитерский цех.

Президентская чета приехала в Россию впервые и, надо полагать, больше не заглянет. Куда же они первым делом кинулись в нашей стране? Какие памятные места их интересовали, к каким святыням русского народа поспешили они приложиться? Сам президент не нашел ничего более важного, как пообедать с группой подонков-диссидентов. Его супругу повезли отнюдь не в Ясную Поляну, не в Михайловское или Тарханы, а в Переделкино, поклониться праху Пастернака. Спервоначалу завернули на дачу-музей. И тут же неожиданно выяснилось, что о Пастернаке бедная американка слышала лишь краем уха. Зачем же, спрашивается, приехала? А вот зачем: этот визит в Переделкино внес в протокол сам Шульц, государственный секретарь. Первой леди Америки было просто н е о б х о д и м о посетить и музей и могилу. Так надо! Это прозвучало как приказ военного времени... Интересно, когда пришли на могилу под знаменитыми тремя соснами, Нэнси увидела, что по обе стороны поэта похоронены две его жены. Для суровой пуританки, до конца дней своих влюбленной в мужа, это показалось диким. Нэнси, как рассказывают, не могла скрыть изумления: «Послушайте, а как же он жил с двумя?»

Смешной этот случай слишком уж смахивает на злую цедээловскую байку, но дело скорей всего в самой обычной спешке, в недостаточной подготовленности столь важного визита — оттого-то и произошла досадная накладка.

Все это, так сказать, хлопоты весенние. А летом взоры страны обратились к Кремлевскому Дворцу съездов — там работала XIX партийная конференция. Событие в жизни нашей страны, что и говорить, выдающееся.

Своими глазами видел, какую лихорадочную деятель-

ность развили «рыцари» и «прорабы», чтобы протолкнуть в зал конференции своих, и не только протолкнуть, внедрить, но и при возможности поднять на высокую трибуну.

Московским писателям предстояло выбрать одного делегата. Ради этого столичных литераторов на несколько часов пустили в большой зал ЦДЛ (накрепко закрытый, как я уже говорил, для подготовки к президентскому приему).

Много на своем веку посидел я на всяческих собраниях и совещаниях, но такое увидел впервые. Начать с того, что делегата на партийную конференцию выбирало не партийное собрание, а некий актив. Понятие это настолько расплывчатое, что в зал слетелись не только не писатели, но даже не читатели. И имели право голосовать. Мало того, каждый получил право на несколько голосов. Уму непостижимо!

С самого начала в глаза бросилась тщательная подготовка всей «рыцарской кодлы». На председательское место встал Т. Гайдар, а счетную комиссию возглавил горластый Е. Мальцев-Пупко. Едва было предложено называть кандидатов, в зале поднялся оглушительный ор. Гайдар ловко выуживал из этой звуковой вакханалии фамилии «своих» и вносил их в список. Потом приступили к обсуждению кандидатов. Если на трибуну удавалось прорваться «чужому», его дотошно расспрашивали: кто он, что он. Своих же приветствовали бешеными аплодисментами. Лились потоки патоки. Безудержное фарисейство побило в этот день все рекорды.

Помню экзальтированную дамочку со шпаргалкой в руке. Кто она, откуда — никто не знал. Со слезами в голосе дамочка стала клясться в любви «рыцарям» (а в окончательном списке их оказалось сразу трое: Бакланов, Коротич и Черниченко). Она не в состоянии разорвать свое сердце на три части, поэтому объявляет, что будет голосовать сразу за троих.

Во-первых, не мешало бы спросить ее, кто она такая, имеет ли право не только голосовать на писательском активе, но и вообще присутствовать в этом зале; во-вторых же, указать бы ей, что подобное, простите, многомужество она может практиковать в своей частной жизни, а при выборах каждому гражданину, независимо от пола, должности и даже национальности, дается один-единственный голос, и он обязан отдать его кому-то одному из всех кандидатов. Утирать слезы дамочке принялся «Салазар» Мальцев. Он успокоил ее: не надо разрывать сердце, она может голосовать сразу за троих (то есть иметь одна три голоса).

Балаган с выборами продолжался, набирал силу. Бюллетени для голосования получал любой. Сам видел каких-то субъектов с двумя бюллетенями в руке. Некоторые писатели привели своих жен, и те голосовали тоже. Царила атмосфера какого-то базарного ажиотажа: сходятся, шепчутся, хихикают, перемигиваются... И все же самое позорное произошло дальше. Когда голоса подсчитали, оказалось, что большинство все-таки не у «рыцарей», а у А. Михайлова, руководителя московской писательской организации. Что поднялось в зале! «Переголосовать!..» «Мы не согласны!..» «Снова!..» И — что же? Ор возымел действие. «Салазар» торжественно объявил, что сейчас будет новое голосование. Стоял уже поздний час, большинство писателей разошлись по домам. Зато рать активистов заметно увеличилась. ЦДЛ прямо кишел этими юркими людишками. Снова — перешептывание, перемигивание, беготня с верчением пяток. И только теперь этой публике удалось провалить А. Михайлова и протащить сугубо «своего» Ю. Черниченко.

Ей-богу, глядя на такое бесстыдство, даже самый убежденный интернационалист превратится в оголтелого человека!

Дальнейшие события известны всем. «Рыцари» все же проникли в зал партконференции. Замечательно, что некоторых из них прокатывали на выборах по два, по три раза. В последний момент в действие, похоже, вмешалась весьма высокая «мохнатая» рука. Коротич, например, получил мандат в Херсоне («Въехал в рай на Херсоне» — грубовато злословили остряки). Бакланов и прочие прошли по какому-то «центральному списку»... Бакланову удалось пробраться даже на трибуну, однако, невзирая на защиту самого Генерального, зал все же прогнал оратора с позором. Надоела народу эстрадная дешевка!

Сейчас оскорбленное «рыцарство» скрупулезно трудится над планами мести. Ах, зал конференции не захотел нас слушать? Тем хуже для зала. О, они еще нас узнают!

С Баклановым мне не довелось ни познакомиться, ни даже разговаривать. Видел издали его изношенное страстями лицо, знал о его неприязни к Бондареву, слышал

о его не совсем достойном поведении в годы учебы в Литинституте. И вдруг совершенно неожиданное «знакомство», которое вернее всего назвать стычкой лицом к лицу.

Зимой, когда уже шла подготовка к партконференции, нас, группу московских писателей, пригласил для встречи и беседы министр обороны Д. Т. Язов. Снова приходится повторить, что человек на самом деле крупный, очаровывает с первых же минут. Министр произнес увлекательную речь, причем говорил без бумажки, на память цитировал стихи. Выступили на встрече и несколько литераторов. Зная, что список писателей «подработан» заранее, я ухитрился влезть с вопросом и говорил довольно много, затронув несколько тем.

Во-первых, зная о предстоящем выводе советских войск из Афганистана, я высказал опасение о судьбе ветеранов афганской войны: уже сейчас следовало подумать о том, чтобы ребята никогда не чувствовали себя участниками пустой и ненужной авантюры. Солдат есть солдат, он выполняет приказ и свой воинский долг!

Во-вторых, почему бы Героям Советского Союза, получившим это звание в Афганистане (а почти все они — погибшие), не поставить памятники на родине, на малой их родине? Это и дань мужеству ребят, и хоть какое-то утешение родным и близким. Если государству это не по карману, сказал я, то средства соберем мы, писатели. Народ нас обязательно поддержит.

И, в-третьих, почему первый Всесоюзный слет воинов-интернационалистов провели в Ашхабаде? Собирать бывших солдат следовало только в Москве. Причем весьма полезно было бы провести ряд встреч демобилизованных с молодыми москвичами, в частности, с группой «неформалов».

— Мы с вами, товарищ министр, люди уже пожилые, поседевшие. Так сказать, поколение стариков. А они бы пускай встретились, как однолетки, сверстники. Разговор-то у них пошел бы совсем по-другому!

Пока я говорил, на трибуне стоял генерал-полковник Д. Волкогонов. Собственно, от него и следовало ждать ответа — в то время он занимал должность заместителя начальника ГлавПУРа. Однако он словно ничего не слышал и понес свою обычную трепотню... Впрочем, как его судить? Другим он быть просто не может.

Внезапно на трибуну выскочил Бакланов. Не помню,

просил ли он разрешения. Скорей всего нет. Его, как говорится, вынесло!

— Я хотел бы прежде всего ответить Кузьмину!

Сидел я близко, метрах в трех от трибуны. Перекошенная физиономия Бакланова гримасничала прямо перед моими глазами. Его душил гнев, безысходная злоба. Да что же я сказал такого? И все же он не мог с собою совладать. Никогда не видел такой злобы в человеческих глазах.

Что же он ответил на мои вопросы? Ровным счетом ничего. Понес сплошное: «Партия и правительство...» Как в былые времена. Но злоба-то была сиюминутная, сегодняшнего дня!

Признаюсь откровенно: наблюдая тогда, как муть бешенства застилает глаза этого дешевого демагога, видя, как трясутся его губы, я понял, что передо мной лицо непримиримого, готового на любые действия, поэтому напрасны призывы к единению, к консолидации — с этим озлобленным человеком мы навсегда останемся по разные стороны баррикады.

В ходе той памятной всем нам встречи с министром обороны промелькнула одна мелочь, на которую не всякий обратил внимание.

Министр брал слово несколько раз. Держался он непринужденно, без официальщины и тем понравился писателям. Беседа текла без всякой программы. Темы, само собой, задевались самые злободневные. Заговорили и об оголтелости сегодняшнего «Огонька». Подняв свежий номер этого заметно «пожелтевшего» журнала над головой, министр брезгливо заявил, что подобную пакость просто противно держать в приличном доме. Естественно, затрещали дружные аплодисменты. Но троим писателям слова министра пришлись не по нраву: Бакланову, Чаковскому и Розову. После этого мы в зале их не видели.

Демонстрация? Не думаю, не уверен. Вполне может быть, что их ждали неотложные дела. Но я подумал вот о чем. А если бы на месте нашего Язова находился американский министр обороны, какой-нибудь Карлуччи, — ушли бы эти люди или же высидели бы до конца встречи? Думаю, что остались бы, лезли бы вперед, слушали, разинув рты... Но они ушли. Глядя им в спины, я подумал, что им здесь и в самом деле неуютно. Они и держались-то как представители некой посторонней силы. Но что же стояло за их уверенностью в поступках?

Только ли одна природная наглость? Нет, за их спинами, как за душманами, маячила мощь США. По крайней мере, мне в ту минуту так подумалось. И еще мне пришло в голову: эти люди с тройным подданством. От имени Советского Союза они разъезжают по всему миру, своею популярностью в США сражаются со всеми нами, ну а насчет третьего подданства... думаю, читатель догадается сам.

Опасаюсь, что в моих словах, в самом настроении моем невольно проскакивают нотки пресловутого антисемитизма. Ошибаетесь! Нет его у меня, никогда не было и, надеюсь, никогда не будет. Заверяю честным словом, что никакая моя боль никогда не разразится диким и бесчеловечным лозунгом погромов во имя якобы спасения России. Но что мне делать с моим недоумением, с моими мыслями? Продолжать играть в молчанку и делать вид, что все происходящее вокруг меня нисколько не тревожит, не касается? Но ведь тревожит же, но ведь касается!

Как-то мама мне сказала: в пятьдесят лет дерево не пересаживают. И все же я «пересадился» — уехал на склоне лет из родной Алма-Аты в чужую и неуютную Москву. Уехал далеко не по своей воле — оказался выжитым, вытиснутым. И что же? Что я нашел здесь? Ту же самую баррикаду, то же самое противостояние.

А может быть, хватит шептаться втихомолку и пора уже заговорить открыто, вслух, от всей души, на самом пределе откровения? Зачем «катать» этот злободневнейший вопрос, словно горячую картофелину во рту: и дуем, и стонем от боли, а выплюнуть не смей? Сколько можно делать хорошую мину при плохой, предельно отвратительной игре? Вспомним же недавние события в Закавказье. Там тоже до поры до времени шептались, играли в дружбу. Что же, неужели и нам в Москве ждать своего Сумгаита?

Предупреждаю, в мыслях моих ни стройности, ни порядка, многое до сих пор остается для меня неясно и загадочно, однако недоумения мои растут и множатся, они совершенно искренни и сами собою так и просятся на обсуждение.

Справиться со всем, что валится буквально каждый день и копится в душе, болезненно скребет по сердцу и не дает заснуть, одолеть все это в одиночку уже невмоготу!

Прежде всего мне совершенно непонятна причина упорного замалчивания этого вопроса.

Сейчас у нас прекращено глушение всяких «голосов», слушаю довольно регулярно. Самой познавательной из передач «из-за бугра» считаю еженедельный «Обзор еврейской жизни». Идет откровенный разговор между своими. Слушаю с предельным вниманием, многое мотаю на ус, невольно сравниваю с нашим и скоблю в затылке...

На первых порах меня буквально хлестало по ушам само слово «еврей». У нас в стране его произносят почему-то шепотом. А там оно гремит, ликует. Причем разговор ведется не просто об евреях, но и об еврействе — понятии, выкинутом из нашего лексикона совершенно.

Ученые люди, раввины, не устают втолковывать слушателю о божественном происхождении еврейского народа. Этим он отличается от всех народов на земле. Следовательно, уже по рождению любой еврей отмечен печатью избранности, печатью господства над остальными. Еврей является в мир повелевать, всем же остальным предназначено ему повиноваться.

Но тогда какой смысл в нашей революции 1917 года? Выходит, мы скидывали одно иго, освобождая свою шею для другого хомута? И еще: чем же тогда теория сионизма отличается от бредового учения нацистов?

Но нацистов постигла заслуженная кара. Сионисты же торжествуют. Причем торжество их утверждается на крови. В качестве примера достаточно назвать несчастных палестинцев. Там, на оккупированных Израилем территориях, буквально каждый день льется кровь безоружных людей. Сионисты озверели до того, что живьем закапывают палестинцев в землю. А недавно в «Известиях» прочитал, что троих палестинцев облили бензином и заживо сожгли. До такого садизма не доходили даже нацисты!

И все же так называемая мировая общественность совершенно не смотрит в сторону Палестины и лишь на разные голоса вопит о тяжелейшей участи евреев в Советском Союзе. Ну уж на тему «кому живется весело, вольготно на Руси» могу поспорить, причем не голословно, а с цифрами и фактами в руках.

Своими глазами читал список первого Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным. В списке этом указаны и члены коллегий наркоматов — всего в нем 545 фамилий. Сколько же в этом списке русских? Всего 30.

А разве не наводит на размышления ожесточенная борьба за обладание «седым Кремлем» между Бронштейном и Джугашвили?

И не секрет же, что за публика буквально наводнила карательные органы республики Советов. Всемирные бродяги, бегло болтающие на европейских языках, они без всякого сожаления принялись снимать население России слой за слоем: дворянство, купечество, духовенство, интеллигенция, военные, затем подошла очередь и крестьянства. Это же настоящий геноцид! Да и разрушение храма Христа Спасителя: как у них поднялась рука на такую красоту? Уцелевшие фотографии этой взорванной святыни русского народа лучше всяких слов говорят о произволе чужестранцев, хозяйничающих на завоеванной земле.

О положении той или иной нации красноречиво может сказать количество дипломов о высшем образовании. По недавним данным, у русских на тысячу населения имеется 17 человек с высшим образованием, у евреев же — 600. Так что если всерьез принять разглагольствования об угрозе существования евреев в СССР, то им грозит лишь одно — превращение в нацию профессоров. Недаром словосочетание «еврей-колхозник» имеет в народе хождение как самый короткий анекдот.

Время от времени в печати стало проскакивать словечко «жидомасоны». Но оперируют им те, кому это выгодно. Ни один русский этого слова не употребил... Давайте разделим это слово пополам. Первую половину оставим на совести борзописцев. Но вот масоны... Понятие это возникло отнюдь не из небытия. Недавно купил в нашем магазине книжку о масонстве. Там собран капитальнейший материал. Однако о России там сказано буквально следующее: «Масонство в России — тема отдельной книги». Следовательно, существует эта тема, только почему-то упорно замалчивается. Вспомним, за все 70 лет Советской власти о масонстве у нас не опубликовано ни слова. Что стоит за этим?

И попутно еще один вопрос: почему можно критиковать представителей любой национальности, от эстонцев на западе и до чукчей на востоке, а уж об англичанах, французах или немцах нечего и говорить, однако попробуй заикнись о лицах, как теперь принято писать, еврейской национальности? Немедленно попадешь в разряд прока-

женных и на своей репутации можешь ставить крест навечно!

В писательской многотиражке «Московский литератор» появились всего две небольшие статьи на темы нашей недавней отечественной истории. Боже, что поднялось! На бедного редактора Н. Дорошенко в зале собрания топали ногами и орали: «Фашист! Гитлер!» Повторяю, всего за два спокойных и очень доказательных материала. А вот уже четыре года и «Огонек», и «Московские новости», и «Советская культура», нисколько не стесняясь, изощряются в поливании грязью — и ничего. Где же здесь плюрализм? Но глянем еще и на оскорбления. Прежде по законам чести Дорошенко вызвал бы оскорбителей к барьеру. В наши дни приходится терпеть и утираться. Тем более, что Дорошенко на свою беду принадлежит к лицам так называемой коренной национальности, следовательно, о равноправии ему не приходится и помышлять...

Всю жизнь люблю, даже обожаю Левитана. Могу стоять перед его картинами часами. Примитивизм, скажут мне. Может быть, не спорю. Но почему никакие ученые трактаты не заставили меня хотя бы чуточку поверить в гениальность Пикассо? А ведь о нем написаны целые библиотеки!.. Попалась как-то на глаза газетная заметка. Умерев, Пикассо оставил своей наследнице что-то около 300 миллионов. Тут же свои права на наследство заявило и налоговое ведомство. Тогда наследница, сберегая деньги, предложила в качестве компенсации что-то около трех тысяч нераспроданных картин своего отца. Вполне понимаю, что репортер мог допустить путаницу в цифрах. Но пусть даже около трехсот нераспроданных картин. А сколько же тогда их распродано? И невольно вспомнишь Александра Иванова, всю жизнь писавшего свое бессмертное «Явление Христа народу», или Василия Сурикова, успевшего за всю свою жизнь создать лишь семь полотен. Но зато каких!

Правда, с Пикассо все прояснилось после его последнего прижизненного юбилея. Престарелый художник так прямо и заявил своим апологетам, что всю свою жизнь он ловко их дурачил. Но легко дурачить тех, кто изо всех сил хочет быть одураченным!

Преклоняюсь перед Андерсеном за его сказочку о голом короле. Надо же так постичь человеческую натуру! «Кодла» ловкачей-портняжек щелкает ножницами, изо-

бражая кипучую деятельность, а люди ходят голыми, но помалкивают. Безгласие — вернейший залог успеха всякого рода прохвостов. Вот потому-то я и говорю: может быть, хватит молчать? Разве мы не видим, сколько орудует на глазах у всех у нас ловких портняжек?

Один из примеров их беспардонной ловкости происходит на наших глазах. Реабилитирован и «причислен к лику» так называемый русский авангард. Буквально в поднебесье запускают Казимира Малевича. Его квадраты и треугольники вламываются в Третьяковку, в Русский музей, нагло оттесняя традиционных русских мастеров. И трубит, орет осанну этим изломанным фигурам на холстах совершенно пожелтевший «Огонек».

Авангард — придумали же название! Авангард чего? Каких сил?

А мне невольно вспоминается азиатская пословица: «Когда караван поворачивает назад, хромой верблюд оказывается впереди».

И вот дерут горло на эстрадах разного рода охромевшие верблюды, а мы, словно люди из сказочки о голом короле, не смеем сказать им о их бесстыдной наготе!

Долгие годы нам внушалось газетами, журналами, с экрана о непримиримой враждебности Соединенных Штатов Америки. Начало этой конфронтации было еще на заре Советской власти: американские интервенты тогда славно хозяйничали на нашем Севере и в Приморье. Памятны нам всем и циничные слова Трумэна, сказанные им при первом известии о нападении Гитлера на нас: «Пусть они убивают один другого как можно больше. Нам от этого только польза». От подобного цинизма администрация США не отказывалась и в последующие годы. И вдруг резкий, без всякой подготовки, поворот: нам необходимо выжить, поэтому с Америкой следует дружить. Но, во-первых, даже самая закадычная дружба имеет свои законы и обычаи. Сейчас нам намозолили глаза и прожужжали все уши рассказами об американском рае. Слов нет, живут за океаном хорошо. Но с ловкой руки портняжек наш неискушенный зритель и читатель невольно проникается убеждением, что народ в Америке только тем и занят, что потягивает коктейли, смотрит «порнуху» да всласть митингует на улицах. Совершенно почему-то ничего не говорится о высочайшей дисциплине американского труженика и, как следствие этого, недосягаемой для нас производительности труда. Американский рай создан трудом, и только трудом. А мы же, стыдно сказать, отстаем от американцев в промышленности вдвое, а в сельском хозяйстве в пять раз! Так почему мы заимствуем у них проституцию и порнографию с наркоманией и никак не переймем умение работать? Или надеемся, что кто-то нам подобный рай подарит?

К слову, американцы с их демократией чудовищные шовинисты и пуритане. Они буквально преклоняются перед своими гимном и флагом. Оскорбление государственного флага у них наказывается многолетним тюремным заключением. А у нас во многих республиках сбросили государственные флаги, топтали их, ликовали, и наша печать объявила это святотатство пристойными результатами перестройки!

Так разве не горько сознавать, что мы единственная страна во всем мире, где преследуется патриотизм?

Стало страшно заикнуться о Родине, особенно же о малой родине. Эти понятия объявлены пережитком, атавизмом. Родина человеку там, где ему больше платят. И вот уже на щит поднимается роман «Зубр», сочинение о предателе, причем работавшем в годы войны не на кого-нибудь, а на Гитлера, и стоит вопеж о так называемых правах человека, которые, по сути дела, являются правами на предательство. Собственно, «голоса из-за бугра» уже нисколько не лукавят, откровенно заявляя, что речь идет лишь о правах евреев. Остальные народы нашей страны их нисколько не интересуют. И вот поистине диво: маленькая народность, всего 0,69 процента населения нашей огромной страны превратилась в большую и весьма болезненную государственную проблему!

Вещие слова произнес В. О. Ключевский: «У каждого народа своя судьба и свое назначение».

Почему же мы из кожи лезем, чтобы направить потоки западной грязи на нашу древнюю землю? Проводим конкурс красавиц и издеваемся над нашими славными летчицами в шлемах. Кривим губы при упоминании о Павке Корчагине и Павлике Морозове и гордимся тем, что у нас нет теперь статьи о гомосексуализме, узаконена проституция, расцвели наркомания и токсикомания и даже завезена последняя западная новинка — СПИД. И мы не хуже!

По склонности своего ума пытаюсь кое-что сравнивать и снова не могу избавиться от недоумения.

Сколько копий было сломано, пока наконец удалось

остановить заведомых преступников, задумавших поворот северных рек! Представляю хоть что-нибудь похожее в Америке: скажем, поворот реки Миссисипи. Да там такого человека немедленно свезли бы в сумасшедший дом. У нас же всерьез спланировали и уже вбухали миллиарды в поворот нескольких Миссисипи!

Американцы и не думают скрывать, что с полицейским положено разговаривать почтительно. В его лице с человеком говорит сам закон. Всякий остановленный держит руки по швам. Если он дернет рукой, а еще не дай бог сунет ее в карман, полицейский стреляет сразу же, в упор. У нас же на Пушкинской площади активисты «Демократического союза» в стычке с милицией разбили 15 милицейских шлемов, то есть били чем-то тяжелым по головам. И теперь жалуются всему миру, что милиция завела эти самые шлемы... А в Израиле, там еще проще: там солдатня лупит в ребятишек на демонстрации из автоматов. Число застреленных растет с каждым днем. И мировая общественность делает вид, что так и положено... А что, если и нам перенять «израильский метод» в укрощении бандитов? Нет, нельзя. И в русских солдат в Закавказье летят боевые гранаты, в них стреляют, их давят самосвалами, не говоря уже о том, что их оскорбляют, в них плюют — должны терпеть... Нельзя без слез читать материал о похоронах молодого офицера, погибшего от рук бандитов в Азербайджане. Хоронили его на Родине, под Смоленском. Единственный сын родителей, проживший всего 22 года, он нашел смерть вон где. Интересно бы заглянуть в души его разбитых горем родителей!

Мощно бьют и бьют по Сталину. Что ж, усатый вождь натворил изрядно, оправдывать его не собираюсь. И все же, вспоминая былое и оглядываясь сейчас вокруг, не могу удержаться от того, чтобы плечи сами собой не полезли вверх.

У всех в памяти еще доклад М. С. Горбачева на торжественном заседании по случаю 70-летия Великого Октября. Со всей решительностью тогда было заявлено, что исторической заслугой Сталина является разгром троцкизма.

А что мы видим сейчас? О троцкизме забыто начисто!

Слов нет, методы Сталина по искоренению троцкизма гуманными не назовешь. Оперировал он, как опытный хирург, добираясь до самых потаенных метастазов. Но по-

чему же, читая целые потоки газетных обличений, ни слова не находишь о троцкизме, а только об одной жестокости? Невольно возникает подозрение, что историческая заслуга Сталина превратилась в его главную вину и прощенья за это ему нет и никогда не будет.

Давайте, однако, задумаемся: неужели Троцкий был бы лучше Сталина? А ведь выбирать приходилось только из них, третьего не было. Нельзя же принимать всерьез во главе такой партии и такого государства болтливого Бухарина, «Бухарчика», с его неуемной похотливостью!

Так не пора ли остановить мотающийся маятник, прекратить бесконечное шараханье и дать наконец объективное изложение нашей истории, сделав ее именно Историей священной?

Как внушить, что прошлое, какое бы оно ни было, нельзя ни отменить, ни переписать? История не переписывается! Необходимо лишь извлечь уроки из всего пережитого, но при этом недопустимо кривить душой и совестью, а уж животная злоба при этом совсем никудышный помощник.

Недавно мне пришло в голову произвести один простенький подсчет. Л. И. Брежнев, как известно, «правил» нами целых восемнадцать лет. Спроецируем этот срок на Сталина. Когда он начал править? Кое-кто утверждает, что — со дня смерти Ленина. Нет, ни в коей мере. Судя по тому, что в 1929 году Троцкий уезжал из страны со всем своим богатейшим архивом и что ему были устроены пышные проводы с речами, — в том году Сталин всей полнотою власти не обладал. Иначе бы он его не выпустил. Так с какого же года? Примерно с 1932-го. Прибавляем 18. Выходит, и Сталин, и Брежнев правили примерно одинаковое количество лет. Но в 1941 году солдаты гибли с криками: «За Родину, за Сталина!», а наши ребята в Афганистане имени Брежнева не могли слышать.

Разве тут не над чем поразмышлять?

Повторяю: Сталина не следует ни обелять, ни обличать. Необходимо добросовестно написать летопись нашей жизни. Так что жгуче не хватает нам невозмутимого летописца, старца Нестора.

А то льют патоку похвал на автора «Детей Арбата». Захвалили до того, что и сам, бедняга, уверовал в свою гениальность. А ведь сочинение-то неумное, примитивное. Сталин, руководитель такой страницы, каждый день с са-

мого утра только и ломает голову над тем, кого бы ему еще зарезать! То-то и поднялся дружный гул среди делегатов XIX партконференции, едва В. Карпов помянул этот нашумевший роман.

А между тем вульгарный подход к изображению нашей непростой и уже изрядно подзапутанной истории все больше набирает силу. Среди историков-эстрадников идет своеобразное соревнование: кто выкопает из нашего прошлого деталь погрязнее, поскабрезнее. И я понимаю людей, живших в те нелегкие годы. Они закипают справедливым гневом: не так все было, совсем не так! Зачем искажать, кому это нужно?

А кому-то нужно, ох, как нужно!

Не удивительно ли, что общество «Память» существует уже много лет, однако советские люди черпают о нем представление из газетной злобной брани. Да что это за чудища такие? Уж не питаются ли они кровью младенцев? Судя по нашим газетам, так оно и есть. Сам читал, что кто-то из руководителей «Памяти» разрезал свою жену на части и распихал в два рюкзака. Но вот совершенно случайно попадаю на передачу Би-би-си. Корреспондент из Лондона брал интервью у Д. Васильева. Никакой крови и в помине нет! Васильев с болью говорил об истории, о дружбе народов и о тех, кому эта дружба не дает покоя. Сообщил он, кстати, и о том, что в обществе «Память» состоят и евреи — разве у этого народа не должно быть исторической памяти? Мне запомнились слова Васильева: непонятно, сказал он, с какой целью некоторые государственные деятели стараются стравить два народа — русский и еврейский... Слушал этого человека впервые, вспоминал, что о нем пишется в наших газетах, и, признаться, проникся к нему симпатией. Боль его — это наша общая боль. Почему бы не дать ему выступить в газете, в журнале, по телевидению? Надо же знать, чем, как говорится, дышит эта самая «Память»! Нет, от всех средств массовой информации эти люди отрезаны наглухо. У нас перестали глушить самые злобные радиостанции «из-за бугра» и постоянно глушат одну лишь «Память». И советские люди в эпоху широко рекламируемой гласности вынуждены питаться слухами, небылицами, злобной клеветой о деятельности лиц, которым дорога история и культура своего народа. Странное понимание гласности!

Мне кажется, что модное сейчас словечко «плюрализм» означает именно разнообразие спорщиков, пусть даже и непримиримых. Но почему-то это многообразие заметно лишь в одном: в самом оголтелом очернительстве. А возразить нельзя. Не сметь!.. Та же Нина Андреева после своего знаменитого выступления словно набрала в рот воды. Что, ей нечего возразить своим хулителям? Не верю. Скорей всего, не подпускают ни к одной редакции и тем замуровали рот. Что же это за гласность, что за плюрализм?

Зато иностранные радиостанции заливаются соловьями!

Невольно обратил внимание, что дикторы «Свободы» по два раза в час напоминают: радиостанция независимая, хотя и существует на средства американского конгресса. От улыбки трудно удержаться. Это как если бы: «добродетельная девица, живущая на содержании!..» А недавно правительство Польши загнало в матовую ситуацию пресловутую «Солидарность». Ей было обещано признание, однако она должна отказаться от забастовок и перестать получать из Америки деньги. Естественно, «Солидарность» фыркнула: мы что, совсем дураки? Если прекратятся забастовки, то кто же и за что нам будет посылать доллары?

Но это к слову.

Об укоренившейся тенденции превратить всю нашу историю в сплошную помойку высказался недавно на моих глазах даже такой человек, как бывший главный редактор «Литературки» А. Б. Чаковский. Сделал он это по-своему. Посасывая свою неизменную сигару, он с неподражаемым сарказмом произнес:

— Дорабатываю сейчас «Блокаду», вставляю Жданова. Сидит он в блокадном Ленинграде и сочиняет под грохот бомб и снарядов доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград».

А что? При всей ее нелепости подобная сцена будет принята нынче на «ура». Абсолютно в духе «Детей Арбата».

На мой взгляд, сейчас уже никого не удивит, если иной шустрый сочинитель, задумав переплюнуть Рыбакова, вдруг выдаст повесть о том, что в Ленина стреляла вовсе не Каплан, а все тот же Сталин, только переодетый... А еще забористее выйдет, если объяснить тесное и многолетнее сотрудничество Жданова со Сталиным не какими-то идейными соображениями, а, например, гомосексуализмом. Почему бы именно так не прочитать историю?

Заставил же Шатров Ленина опуститься на колени перед Троцким!

Рискну задеть вопрос национальный. Для меня он чрезвычайно острый, поскольку всю свою жизнь не переставал ощущать свою проклятую «инвалидность».

Сталину ставится в вину «наказание целых народов». Он даже подается как изобретатель этих страшных массовых акций.

Мне кажется прежде всего, что историческая объективность в любом случае требует постановки вопроса: а за что? Почему мы его избегаем? Что стоит за этим нежеланием спросить?

Уточняю сразу: у меня нет и мысли защищать массовые репрессии, они поистине чудовищны. Однако давайте не закрывать глаз и на подлые удары в спину в тот момент, когда все население нашего Отечества буквально рвало жилы в борьбе с ненавистным врагом. Осуждая жестокость, не следует защищать подлость, предательство, самозабвенное пособничество смертельному врагу.

Своими ушами слышал рассказы бывших крымских партизан. Своей лютостью против русских татары приводили в изумление даже гестаповцев. А уж туда публика подбиралась отнюдь не сентиментальная!

Так, может быть, в интересах подлинной истории следует дать ответ и на этот вполне логичный вопрос? А то получается, что русские по своему характеру не нашли ничего лучше, как упиваться страданиями малых народов. Как будто русским при Сталине досталось меньше других!

И если уж быть объективным до конца, то давайте глянем, что придумали американцы при известии о трагедии Перл-Харбора. Конгресс США немедленно постановил депортировать всех японцев в своей стране. При всей хваленой демократии американских граждан хватали и тащили в концлагеря, за колючую проволоку. Примечательно, что японцем считался всякий, в чьих жилах текла одна шестнадцатая японской крови. Для сравнения: нацисты считали достаточным для геноцида только одну восьмую еврейской крови...

Так что отнюдь не в нашей стране была изобретена эта бесчеловечная практика наказания целых народов. Пусть получше глянут в зеркало все те, кто с такою страстью орет о правах человека из-за океана...

Странно, что время идет и уходит, а ответов на возникшие вопросы не находится — наоборот, с каждым днем лишь растет количество вопросов. Когда, наконец, и кто даст на них ответы?

Наша страна представляется мне сейчас в образе измученного оленя, которого заедают тучи всевозможного гнуса. И тучи эти растут, хищно жужжат и жалят все больнее.

У нас, в частности, около 18 миллионов всяческих управленцев, людей в большинстве своем абсолютно бесполезных, но тем не менее снимающих все сливки с государства. У нас колоссальная армия, чрезвычайно ожиревшая, теряющая свои мускулы. У нас непомерно раздуты штаты научных работников: только в одной Москве более тысячи научных учреждений, каждый восьмой москвич занят наукой! Но самое поразительное, что миллиарды народных денег идут на заведомое вредительство!.. Поэтому-то народ с такой радостью встретил перестройку, надеясь, что наконец-то всему этому безобразию будет положен предел. Однако выскочили на эстраду «рыцари» и «прорабы», опытнейшие крикуны и перевертыши, и повели дело прежним ладом. Какое самое первое мероприятие зафиксировала долгожданная перестройка? Смешно сказать: театр. А уж дальше пошло само собой. На наших глазах под вопли перестройщиков стали возникать и разрастаться всяческие организации тунеядцев. Имя им воистину легион: общество книголюбов, общество трезвости, союз друзей кино, союз дизайнеров, союз театральных деятелей и еще множество других. А ведь все это своеобразные министерства со своими штатами и привилегиями. В качестве примера назову Народный фронт в Латвии, где председатель получает твердый оклад в 600 рублей.

Невольно получается, что всю перестройку пока что свернули на поиски средств, чтобы прокормить растущую «кодлу» прожорливых тунеядцев.

И все же заметки эти, весьма невеселые, мне хотелось бы закончить на оптимистической ноте.

Давайте вспомним, какую разруху оставила Великая Отечественная. Страна наша лежала в развалинах. Заграничные пророки каркали, что нам не подняться на ноги до конца столетия. И что же? Буквально в несколько лет мы не только залечили ужасающие раны, но и превратились в могущественную державу... Думаю, что нам по плечу и нынешние задачи — в каких-нибудь 15 лет

удвоить производственный потенциал страны. И пусть себе каркают те, кто не верит, вернее — кто не хочет верить. Наш народ — загадка, причем зачастую и для самого себя. «Глаза боятся, а руки делают!»

Нелишне, по-моему, и вот еще на что обратить внимание. При всем существующем сейчас воровстве, при всей укоренившейся безалаберности держава наша не только держится, а стоит настолько крепко, что ее еще боятся! Это ли не крепость, не могучая жизненная сила системы?

Так что же мы спешим ее похоронить?

На мой взгляд, не худо бы и нашим противникам задуматься над тем, как им устоять и выжить.

Афганистан...

На закате моей жизни судьбе угодно было снова окунуть меня в атмосферу пролетевшей юности.

Думается, не я один с недоумением посматриваю на нынешнюю молодежь и невольно сравниваю ее с нами, т е м и, из т е х давних невозвратных лет. Порою в голову приходит вдруг совсем нелепое: а что если бы сейчас снова оказаться молодым? Не скрою, становится страшновато: не смог бы ни вписаться, ни подладиться — словом, оказался бы среди современной ребятни абсолютно чужим, инородным, человеком совершенно другой формации. И лишь в Афганистане словно упало что-то с глаз, открылось зрение, и я, не скрою, с наслаждением вздохнул во всю полноту груди. Здесь я увидел совсем не тех, кто заполняет наши улицы, — собственно, они были те же самые, но только в совершенно ином качестве, в непривычном для нас виде: солдатами. И словно по какому-то волшебному мановению я вдруг очутился среди своих, вокруг меня было мое далекое невозвратное поколение ребят той первой для меня военной поры. Правда, для этого понадобилось перескочить вечно заснеженные хребтины Гиндукуша и очутиться на этой странной и для многих непостижимой войне.

Окончание на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

МОЛОДЕЖЬ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Из Минска в Москву возвращался «четверкой» — вечерним скорым. Поезд обслуживали проводницы-практикантки железнодорожного ПТУ, и я разговорился с хозяйкой нашего поезда Ирой. В бригаде у них 28 девушек, все комсомолки. Работа нравится: встречаешься с разными людьми, многое узнаешь. Но с бытом хуже: в общежитии теснота, нет условий для спокойного отдыха, а чтобы приготовить себе еду, приходится занимать очередь у конфорки. Питаться же в столовой дороговато: на стипендию не очень-то разбежишься...

НАДЕЙСЯ НА СЕБЯ

Я поинтересовался, есть ли у них в ПТУ и на железнодорожном узле фонд молодежи. У Иры удивленно округлились глаза. О таком фонде ни она, ни подруги ее даже не слышали, хотя именно их земляки — молодые авиаторы из летного отряда аэропорта Минск-2 — явились застрельщиками в создании фонда, который помогает молодежи в решении не только финансовых, но и социальных проблем. В летном отряде всего 37 комсомольцев. Обычно такие первичные коллективы-невелички находятся в прямой материальной зависимости от администрации, профкомов, советов трудовых коллективов. Но такая зависимость частенько не оправдывает надежд молодежи.

Вспомнилась в этой связи первичная организация путейцев на Брестском железнодорожном узле. Комсомольско-молодежная бригада Гали Абрамовой — постоянный передовик соцсоревнования, обладает почетными грамотами и вымпелами. Коллектив одним из первых перешел на хозрасчет, дает предприятию сверхплановую прибыль, безотказно и, конечно же, безвозмездно трудится на многочисленных субботниках по расчистке и очистке, разгрузке и погрузке... А вот на поощрения администрация прижимиста. Трудных, долгих хлопот стоит добиться премирования особо отличившихся комсомолок, помощи тем, кто остро нуждается в материальной поддержке, нелегко «выколачивать» деньги и на проведение молодежных мероприятий.

Но вернемся к комсомольцам летного отряда. Материально они независимы: на счету первичной организации в сбербанке свыше 3,5 тысячи рублей. Причем это не «мертвый», а постоянно расходуемый и регулярно пополняемый капитал. Из каких же источников он возникает? Членские взносы сравнительно невелики — примерно 250 рублей за год. Основной вклад определяют другие статьи. В первую очередь труд, гражданская настойчивость самих комсомольцев...

Поселок Сокол, где живут работники аэропорта Минск-2, расположен в 20 километрах от столицы республики, построен сравнительно недавно и, естественно, нуждается в развитии культурно-бытового сектора. Стройуправление предприятия занято крупными объектами, для строительства более мелких заключать подряды на стороне невыгодно. «Варяги», как правило, норовят побольше взять и поменьше дать, затягивают сроки работ, объекты сдают с недоделками. За такое строительство и взялась поселковая молодежь.

— Решили мы, что в городке авиаторов непременно должен быть авиационно-технический клуб: увлечь школьников своей профессией вполне нам по силам,— рассказывает секретарь комитета комсомола летного отряда пилот Олег Бакулин.— Выбрали инициативную группу комсомольцев, в нее вошли инженер техбазы Василий Турлов, авиатехник Геннадий Жук, диспетчер Александр Маховиков и я — от летного состава. Подходящего свободного помещения в поселке не оказалось. Нашли подвал в жилом доме. Простора в нем было достаточно, но... С отсыревших стен, с труб канализации стекала ржавая грязь. Духота, вонючая жижа на полу — по колено. Глаза, как говорят, боялись, а за дело все-таки взялись. Виталий Працукевич, тогда секретарь нашей комсомольской организации, помог заключить договор с администрацией аэропорта. Нам выделили необходимые средства, а бригадиром выбрали меня.

Работали в свободное от полетов время. Осушили подвал, наладили сантехнику, отделали помещение для занятий кружков, авиамастерскую. Работали по подряду, а заработанные деньги вложили в оборудование клуба. Это был первый взнос в фонд молодежи. Клуб стал любимым центром научно-технического творчества для молодых жителей и школьников поселка. Занятиями руководят специалисты авиапредприятия, сейчас строим двухместный самолет — тоже на средства фонда...

Не подачки «доброго дяди» — собственный труд умножил банковский счет комсомольцев. Работая в свободное время по подряду, они перестроили еще одно «бросовое» помещение, оборудовав в нем туристический клуб. Нужное дело для отдыха молодежи: вокруг поселка леса, поблизости речка, а в клубе можно получить палатки, походный инвентарь. Все приобретено на средства из фонда.

Молодые специалисты аэропорта обеспечили кабельным телевидением многие дома в Соколе. Работали опять-таки по подряду, и сотни рублей перечислены на счет первичной комсомольской организации.

Или вот еще одно дело — детский спортивный клуб. Инициатором этой стройки стал молодой коммунист Анатолий Ярошенко. Комсомольцы авиационно-технической базы, заключив подрядный договор с администрацией, создали настоящий спортивный комплекс. В четырехзальном помещении ребята могут заниматься штангой, гимнастикой, боксом, борьбой. Оборудовала клуб бригада Олега Баулина. Заработанные средства пошли на спортинвентарь и частично поступили в фонд молодежи.

— Выгоды обоюдные,— отметил председатель поссовета А. Працукевич.— Молодежные бригады на подряде работают без простоев, качественно, с пониманием, что строят для себя. Отсюда экономия средств, материалов для предприятия-заказчика. А ребята в свободное время могут неплохо подработать как для собственного бюджета, так и для своего фонда. От трудовых инициатив комсомольцев большая отдача жителям поселка. Ведь наш Сокол растет не по годам, а буквально по месяцам. Сейчас на подрядной основе развернулась комсомольско-молодежная стройка спортивно-оздоровительного комплекса. В нем будут залы тренажеров, различных спортивных секций, большой закрытый плавательный бассейн, сауны,

здравпункт, буфеты. Объем работ примерно на миллион рублей — размах широкий.

Не только в поссовете, в любом доме авиагородка о комсомольцах отзываются с уважением: начинания — не трескучие фразы, а конкретные дела, которые ребята непременно доводят до конца.

На авиапредприятии авторитет комсомольской организации также высок. Мнение комитета весомо для администрации, профкома, совета трудового коллектива: в работе, в общественной деятельности комсомольцы показали себя как вожаки молодежи и как твердые защитники ее заслуженных прав.

После перехода авиапредприятия на хозрасчет заострился вопрос о распределении фонда материального поощрения. В прежних положениях указано, да и в традицию вошло, что вознаграждение по итогам года дифференцируется в зависимости от стажа работы на данном предприятии. Получалось, что не только результативность и качество труда, а стаж — значит, и возраст — определяли степень вознаграждения. Перестройка доказала несостоятельность подобной «традиции»! Комсомольская организация авиапредприятия выступила за более справедливое распределение фондов. На профсоюзных собраниях, на советах трудовых коллективов возникли бурные споры. Некоторые не без оснований отмечали, что именно стаж и опыт в основном обусловливают эффективность труда, а кое-кто без всяких доводов высказывался против «новой комсомольской кормушки».

Правомерность запросов молодежи могло доказать только дело. И секретарь комитета комсомола летного отряда Олег Бакулин с санкции администрации и при поддержке парткома сформировал комсомольский экипаж. Он и первый пилот Вадим Мельник, штурман Сергей Новик и бортинженер Николай Драгун летали на таком же, как и у опытных экипажей, Ту-134, не было у них «выгодных» рейсов и особого аэродромного обслуживания. Все на равных, без скидок и поблажек. А при подведении годовых итогов соцсоревнования комсомольский экипаж завоевал одно из первых мест. Таким же образом доказали справедливость своих требований комсомольско-молодежные коллективы других подразделений. Весомым вкладом стал труд молодых строителей авиагородка. И на совете трудового коллектива теперь уже без оговорок было принято решение: 4,5 процента из фондов материального поощрения и социального развития ежеквартально отчислять в фонд молодежи.

— Эти средства расходуем только по решению комитета или комсомольского собрания согласно утвержденной смете,— пояснил Олег Бакулин.— Смета предусматривает полное материальное обеспечение работы наших клубов. Тут приобретение необходимого инвентаря, оформление стендов наглядной агитации, проведение слетов, соревнований, доплата инструкторам, которые занимаются с молодежью и школьниками авиагородка в свободное от работы время. Материально стимулируем комсомольцев-активистов. Например, по решению комсомольского собрания Леонида Кузьменко поощрили путевкой во Вьетнам, а бортинженера Виктора Ломакина — в Югославию. За счет фонда провели массовый турпоход по Крыму. Оказываем денежную поддержку молодым семьям при рождении ребенка и тем, кто находится в трудных жилищных условиях. Есть и другие расходы.

Теперь мы материально независимы от администрации и профсоюза — сами хозяева заработанных средств.

Ю. ЕВГЕНЬЕВ

О. ЛОБАНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

«ЦЕХ НОМЕР ОДИН»

ДЕНЬ 28 МАЯ 1989 года в Москве выдался на редкость солнечным и жарким. И не удивительно, что тысячи и тысячи москвичей с утра поспешили на отдых в столичные парки и скверы, и буквально море людей хлынуло на ВДНХ — манили и пруды, и розарии, и фонтаны, да и наиболее интересные павильоны. Здесь же, на ВДНХ, проходил День ремесел, и особое внимание проявила к этому праздничному событию молодежь.

Большое оживление царило у одного из стендов — там были выставлены кроссовки — такие, о которых можно только мечтать. Впрочем, не только мечтать. Их можно было купить! Это, между прочим, удивляло. Но еще больше удивляло, что продавали эту пользующуюся огромным спросом обувь ее изготовители — учащиеся московско-

Занятия в технологическом кабинете.

В мастерской процессов вулканизации. Третьекурсницы Татьяна Чертан, Людмила Селиванова, Наташа Гузова.

го среднего профессионально-технического училища № 58... Такой вот неожиданный сюрприз!

В обычном телефонном справочнике, в разделе, посвященном московским ПТУ, сообщается, что СПТУ № 58 готовит обувщиков-резинщиков. Вроде бы профессия «непрестижная», но... Не будем спешить делать выводы. Отправимся по адресу, указанному в справочнике: Погонный проезд, 1.

Перед нами светлое, современное здание, четко выделяющееся на фоне зеленого массива знаменитого Лосиноостровского природного заповедника. Широкий ухоженный двор, на фасаде здания — металлическая эмблема: СПТУ № 58.

Нас встретили директор училища, заслуженный учитель техпрофобразования Зоя Георгиевна Данилова и ее заместитель по учебно-производственной работе Лев Аркадьевич Коган. Короткий разговор в кабинете директора, а затем нашим гидом становится Лев Аркадьевич. Он и знакомит нас с большим хозяйством учебно-экспериментального производства.

Первое, что мы увидели, были литьевые агрегаты «Десма» с программным управлением. Вокруг царила нормальная рабочая атмосфера — никто на нас не обращал внимания. С автомата одна за другой снимались пары обуви.

В огромном швейном цехе все девочки тоже занимались своим делом: кто кроил, кто соединял части кроя в единое целое. Заместитель директора пояснил, что каждый день часть учащихся занята производственными делами, другая часть — общеобразовательными дисциплинами, остальные находятся на практике на своем базовом предприятии — Московском ордена Ленина объединении «Красный богатырь».

— Оборудовано училище по последнему слову техники, — сказал Лев Аркадьевич. — Иначе и нельзя. Мы готовим высококвалифицированных рабочих, им ведь предстоит работать на совершенных автоматизированных линиях, иметь дело со сложнейшей аппаратурой...

— А училище готовит?..

— Заготовщиков-пошивальщиков, операторов процессов вулкани-

Наташа Щербакова.

зации, аппаратчиков-сборщиков обуви, наладчиков автоматических линий, операторов ЭВМ, а также машинисток-стенографисток с навыками работы на электронно-вычислительных машинах.

СПТУ № 58 — одно из старейших и в отрасли, и в Москве, скоро

В компьютерном классе.

оно отметит свое семидесятилетие. Начиналось с курсов при «Красном богатыре» (училось всего 25 человек!), потом появилось ФЗУ, затем ремесленное училище, техническое и вот — среднее профтехучилище. Сейчас в нем свыше 700 учащихся. В учебно-воспитательном процессе занят большой инженерно-педагогический коллектив — работоспособный и энергичный. Мастера производственного обучения — в основном выпускники училища, проработавшие определенное время на «Красном богатыре», а затем вернувшиеся в «родные стены». Преподаватели — в недавнем прошлом кадровые рабочие, опытные мастера своего дела, почувствовавшие в себе педагогические способности передать богатый опыт учащимся.

СПТУ развивалось поэтапно, и, естественно, сегодняшний его облик — это результат работы на протяжении многих лет. Практически свыше десяти лет создавалась учебно-материальная база. Хотелось бы подчеркнуть, что огромную поддержку училищу оказало базовое предприятие (хотя, заметим в скобках, это не столь уж характерно в системе профтехобразования). Руководители «Красного богатыря», и в первую очередь его директор Герой Социалистического труда Дмитрий Георгиевич Муравьев, верно оценили главную цель училища и рассматривают его как «цех номер один». Вот почему, между прочим, в мастерские завозится не какое-то устаревшее, уже достаточно послужившее на заводе, а самое новое, чаще всего импортное, оборудование. Осуществляется, так сказать, принцип опережающей подготовки. Есть такая поговорка: скупой платит дважды. Муравьев не хочет платить дважды. Выпускникам училища не придется, придя на завод, переучиваться заново. Интересно в связи с этим отметить, что литьевые агрегаты «Десма», установленные в училище пять лет назад, на самом базовом предприятии появились совсем недавно. И пока осваивают эти агрегаты на «Красном богатыре», молодые операторы СПТУ уже получают на них готовую продукцию. И это совершенно правильно, ибо базовое предприятие сейчас меняет свой профиль, делая ориентацию на выпуск спортивной и кроссовой обуви, а также обуви с текстильным верхом.

В учебно-экспериментальном производстве заняты работники базового предприятия — это руководители, инструкторы, бригадиры. Среди них, например, Антонина Павловна Якушева, кавалер ордена Ленина, много лет проработавшая на «Богатыре». Она уже на пенсии, но пришла передавать свой богатый опыт ребятам.

За последнее десятилетие СПТУ подготовило около двух с половиной тысяч специалистов. Практически каждый второй работник объединения — выпускник училища. Это не только рабочие, но начальники цехов, мастера, ведущие специалисты. Как кузница кадров училище свою задачу выполняет вполне успешно!

Училище всегда искало и продолжает искать новые формы работы с базовым предприятием. Раньше в классах проводилось лишь теоретическое обучение, собственно профессиональная подготовка шла на предприятии. Но завод есть завод, у него производственный план, свои заботы и хлопоты, и ясно стало, что систему обучения надо менять. И вот возникло учебно-экспериментальное производство. Что получилось? Раньше учащиеся, набравшись кое-какого опыта на заводе, выпускали образцы изделий, которые целиком шли, как говорят, в отвал. Сейчас выпускается полезная продукция, идущая в реализацию. Технологические процессы имеют законченный характер, ребята шьют обувь, а контролеры проверяют качество готовой

продукции — она идет не в отвал, а на склад «Красного богатыря». Не случайно поэтому училище часто участвует в ярмарках и днях профессий. Там идет не только демонстрация образцов, но распродажа изделий. Продаются они и в фирменном магазине «Красного богатыря» — наряду с изделиями самого завода.

Естественно, СПТУ не является торгующей организацией и не находится на хозяйственном расчете. И само училище, и все его оборудование — на балансе базового предприятия, оно несет все расходы по сырью и материалам. СПТУ получает лишь деньги за свой труд и часть прибыли за реализацию товаров. Но отдельные элементы хозяйственного расчета в деятельности СПТУ присутствуют.

— Производственный план,— говорит Лев Аркадьевич,— составляет у нас 220 тысяч рублей. Как видите, мы зарабатываем приличные деньги, на которые можно приобретать материальные ценности, мебель, организовывать досуг молодежи, экскурсии, путешествия, проводить спортивные мероприятия. Сейчас мы задумываемся над проблемой перехода на частичный хозрасчет...

— Как вы себе это представляете?

— Как переход на хозрасчетные отношения с базовым предприятием. Оно заказывает нам специалистов, оплачивает их подготовку, а мы готовим и гарантируем высокую квалификацию этих специалистов. Такие договорные обязательства подкрепляются солидной финансовой основой.

Сейчас отношения с объединением несколько иные. СПТУ чаще всего выступает пока в роли просителя. Но «Красный богатырь» работает в условиях полного хозрасчета и самофинансирования, считается каждая копейка! И не всегда есть у него возможность оказать помощь училищу.

— Вступив в хоздоговорные отношения с объединением,— сказал заместитель директора,— мы смогли бы закупать у него необходимые материалы и сырье, изготавливать продукцию и сами ее реализовать. И если сейчас мы имеем мизерные отчисления от прибыли, то в новых условиях хозяйствования могли бы встать на твердые ноги и сами всем себя обеспечить... Вместе с тем я считаю, что в системе профтехобразования полный хозрасчет невозможен. Какая-то часть средств должна поступать из госбюджета... Одна из задач СПТУ — облегчить процесс адаптации выпускника на предприятии. Там существуют бригадные формы труда, введен коэффициент трудового участия. В училище также практикуется бригадная форма, воспитывается коллективная ответственность за качество выпускаемых изделий. В конечном счете все это способствует безболезненному вхождению выпускника в рабочий коллектив, в котором ему предстоит постоянно трудиться.

— Ясно, что за время обучения в училище ребята получают высокие профессиональные знания. Но, как говорится, не хлебом единым... Но вот что́ делается в плане творческого самовыражения?

— Скучать учащимся не приходится. У нас много спортивных секций, кружков художественной самодеятельности. Есть подростковый клуб, в нем — изостудия, театральная студия, хореографический и театральный коллективы. Большой популярностью пользуется «Росинка» — призер городского конкурса хоровых коллективов профтехучилища Москвы. Успешно работает еще одна театральная студия, в ее репертуаре много интересных спектаклей, в том числе «Каширская старина». В нынешнем году у нас создан ансамбль бара-

Барабанщицы ансамбля «Москва».

Вот такие модные кроссовки выпускает училище.

СВЕТ В ПОДВАЛЬЧИКЕ НА УЛИЦЕ СОДУ

В ДОМЕ художника был подвальчик, а в нем его мастерская. Впрочем, похоже, там он обитал постоянно. На телефонные звонки отвечала обычно жена художника. Ответы звучали стереотипно: «Гинтарас работает». Значит, сидит в своей крохотной — два на два — мастерской, где к потолку прибит лист поролона, чтобы не стукаться головой.

Высокий, сутуловатый, худой, в «фирменном» костюме, сшитом, как выяснилось, сестрой Гражиной. В Москве таких парней с этюдниками встретишь сегодня в Измайловском парке или на Арбате. Рисуют прямо на улице. Тут вам и вернисаж, и распродажа. Никто этому давно не удивляется. Друг-художник из Москвы сколько раз приглашал Гинтараса: «Приезжай. На людей посмотришь, себя покажешь...» А тот все никак не решится.

— Не люблю больших городов. Все куда-то мчатся, суетятся. Устаю там,— объясняет свою нерешительность.— Не так давно сам бегал, суетился, даже на бумажке записывал, что надо сделать за день. Не успевал, нервничал, рвался на части. Самое ужасное — это сильно отражалось на работе. В живописи торопиться нельзя. Но в один прекрасный день сказал себе: «Хватит бежать, Гинтарас!» И знаете, мне стало легче. Отбросил все мелкое, нашлось время сосредоточиться.

Рассматриваю его работы. Почти на всех море: на рассвете, при закате, в полдень. В бурю и штиль. Зимой, осенью, летом... Маринист-художник, посвятивший свое творчество морю. И было бы странно, если бы Гинтарас Пушкорюс посвятил его чему-нибудь другому. Ведь он вырос на Балтике, знает ее до мельчайших подробностей, слышит, чувствует дыхание моря, помнит мамины сказки о нем.

Кумир в живописи? Конечно, Айвазовский.

Однако мальчишкой почти не рисовал. Увлеченно занимался легкой атлетикой, быстрее всех в школе бегал, выше всех прыгал. Подумывал о большом спорте. Если бы не недуг, внезапно обрушившийся, когда служил на флоте. Диагноз врачей не сулил ничего хорошего: болезнь Бехтерева, та самая, что некогда приковала к посте-

---

банщиц «Москва», принимавший участие в смотре духовых оркестров в День Победы... Хотелось бы отметить, что демократизация общества не могла не сказаться и на нашем училище. Создан совет училища, куда вошли ребята-лидеры — молодежь доверила им быть выразителями интересов коллектива. Интересно проходят дни самоуправления. В такие дни наши учащиеся выступают в роли мастеров, преподавателей, воспитателей в общежитии, дежурных администраторов. У нас сильная и большая комсомольская организация — шестьсот комсомольцев. Они пользуются заслуженным авторитетом.

В СПТУ № 58 РАБОТАЮТ энтузиасты своего дела. Труд всего коллектива отмечен многими наградами, присуждением в минувшем году переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Недавно училище стало лауреатом премии Ленинского комсомола.

Успехи даются нелегко. Проблема профессиональной подготовки стоит еще достаточно остро. Это сложная, комплексная проблема, решение которой не всегда зависит от усилий одного лишь училища. Но коллектив СПТУ № 58 остается оптимистом, потому что уверен: все проблемы будут решены.

ли Николая Островского. «О нормальной жизни, работе и не мечтай. Ты теперь навсегда инвалид»,— эти слова прозвучали приговором. От таких мрачных прогнозов не хотелось жить. Это в девятнадцать-то лет!

Поначалу совершенно пал духом. Но потом разозлился. Чтобы чего-нибудь добиться, надо как следует разозлиться — есть такое неписаное правило. Только вот не раскрыл Гинтарас секрета, как пересилил свою апатию, неверие. Должно быть, спасла живопись. Подвернулся в ту пору ему старичок плотник и одновременно художник-любитель, неплохо писавший маслом. Это был первый учитель в живописи. Сам того не подозревая, старичок вытащил парня из глубочайшей депрессии.

Демобилизовавшись, вернулся в Палангу, продолжил учебу у известного в Прибалтике мастера — Витаутаса Кусаса. В это время было написано множество работ маслом, пастелью.

Болезнь наступала, а Гинтарас боролся с ней... светлыми, радостными пейзажами. И странная закономерность: чем сильнее скручивал недуг, тем оптимистичнее выглядели его пейзажи, тем яростнее он работал, тем дольше в подвальчике на улице Соду горел свет.

— Если с утра не посещает вдохновение, делаю рамки для картин, грунтую холст...— говорит Гинтарас.

Результат такой самоотверженности — выставки в Паланге, Клайпеде, Шяуляе, Вильнюсе. Пушкорюс становится членом общества народных мастеров, поступает заочно в народный университет искусств, на отделение станковой живописи.

— Ныне развелась масса авангардистских течений, в которых художники выражают собственное мировосприятие настолько «своеобразно», что обыкновенный зритель не всегда и разберется, что к чему. К примеру, зеленое бревно — это, оказывается, женщина. Десяток линий — лес, а точки и тире — выражение духовного мира автора. Как ты к этому относишься?

— К зеленому бревну без особой симпатии,— улыбнулся Гинтарас.— Мода на символы в конце концов проходит. А женщину на картине мне хочется видеть красивой. Разве она не воплощение прекрасного на земле? Ну а если духовный мир автора выражен точками и тире, видимо, и мир его на таком же уровне... Несколько лет назад я посещал одну студию. Собирались там молодые художники, представлявшие наимоднейшие направления живописи. Спорили, обсуждали, страсти буквально кипели и клокотали. Руководитель студии отличался тем, что мог сделать сотню натюрмортов за день. Представляете, какие это были шедевры! Я ушел оттуда... В каждой картине должна быть мысль. И зритель непременно почувствует ее, если ты справился с задачей. Даже когда наши взгляды не совпадают (бывает и так), ничего страшного. Важно, чтобы то, что я делаю, было человеку небезразлично, заставило его остановиться, поразмыслить, а может, и окрылиться.

В маленьких уютных кафе Паланги, в школе, Дворце культуры и санатории висят майские пейзажи Гинтараса. И даже в дождливую промозглую осень от них становится теплее.

Е. МИХАЙЛОВСКАЯ

И ГОРДОСТЬ, И ЗАБОТА

РУССКИЙ Север... С этим удивительным, неповторимым по красоте краем нас познакомила недавно обширная экспозиция «Деревянное зодчество русского Севера» в выставочном зале Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (Москва, улица Разина, 12). На суд зрителей было представлено свыше ста живописных полотен и графических работ. Среди участников выставки были представители разных поколений московских художников. У каждого из них — свой индивидуальный почерк, своя манера, и это определило возможность показать во всем многообразии красоту Севера, уникальную архитектуру, в первую очередь памятники деревянного зодчества. Вместе с тем выставка обратила внимание на то, что в последние десятилетия мы начали лишаться этой красоты и утрачивать свою национальную гордость. Многие уникальные памятники разрушаются, а иные, увы, уже исчезли с лица земли.

Пустеют деревни, сиротливо стоят брошенные, омертвевшие дома... И гордость, и забота — всего хватает, когда знакомишься сегодня с русским Севером!

В. Кудрин — мастер старшего поколения. Любовь к Родине, к ее богатому культурному наследию пронизывает все его работы. Многие годы он изучал Север, работал в самых отдаленных, глухих его уголках. Впечатления, полученные им во время поездок, нашли свое отражение в цикле работ, посвященном интересному, самобытному краю. Одно из полотен цикла — «Кюкма». На полотне — старинное русское село, даже не все село, а небольшой участок одной из его улиц. Художник удивительно точно передал неторопливый, размеренный ход жизни. Женщина, несущая ведра с водой, неподалеку — беседующие жительницы села. Яркие краски создают радостное настроение...

Свою любовь к Северу художник передал сыну — Ю. Кудрину, в картинах которого бережное, порой восторженное отношение к Северу выражено в иной, но также самобытной манере. В одной из лучших его работ — «Натюрморт с хлебом» — изображены бытовые предметы, постоянно окружающие северянина. Это и большая корчага для продуктов, и туесок для грибов и ягод, искусно сплетенный из бересты футляр для стеклянной посуды, простое, но с большим вкусом вышитое полотенце... Но в центре внимания — хлеб, два огромных каравая. И удивительно, смотришь на полотно — и словно ощущаешь присутствие самого хозяина — человека.

Полны жизни яркие акварели Т. Стародумовой. Она запечатлела сценки из народной жизни: молодежь, поющая песни под гармонь, работающие в поле, озорная стайка детей... А вот «Вечер в деревне». Погружены в сумрак дома, все спит, и лишь в оконце одного дома виден свет... По неширокой реке скользит лодка... Тишина.

Большое впечатление производит полотно Е. Гаврилкевича «Мастер». Оно посвящено старому «корабелу», вся жизнь которого была отдана постройке лодок, без которых ни один северянин не может обойтись. Прекрасно лицо старого мастера, выразительны его руки, смастерившие не один десяток лодок, пустившихся в плавание по водной глади,— она рядом, она просматривается через дверной проем сарая...

Хорошо знает русский Север художник В. Комаров, один из организаторов выставки. В его работах отражены своеобразие северной деревни, ее духовная сила и мощь. Полотно «Северные стражи» — это древние постройки, возведенные русскими людьми с помощью топора да пилы. Но что-то печалит нас в этой картине... А то же, что и автора. Красота, завещанная потомкам, медленно разрушается. Не случайны на картине одинокая фигурка в черном одеянии да сломанная береза на переднем плане... Спасти и сохранить красоту — к этому призывает автор «Северных стражей».

График О. Андреев по-своему показал знаменитую Мангазею. «Златокипящая Мангазея» выполнена в технике цветного офорта. Небольшая по размерам, она тем не менее представляет собой целую поэму о древнем городе. Согласно преданию Мангазея когда-то была центром торговли на далеком Севере. Здесь заключались крупные торговые сделки, развивались многочисленные ремесла. Мы видим уникальные деревянные постройки, крепость, людей, которые в ней обитают или приехали сюда по своим делам. Бояре, купцы, простой люд. Город живет своими делами и заботами.

Можно без преувеличения сказать, что выставка пробудила у зрителя интерес к русскому Северу, прежде всего к его проблемам, вызвала желание принять посильное участие в сохранении исторических памятников русского зодчества.

О. ЕГОРОВА

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ПРОВЕРКА НА ДОРОГАХ. Самые суровые в мире наказания за управление автомобилем в состоянии даже небольшого опьянения приняты в Норвегии. Нетрезвых лихачей либо штрафуют на сумму, превышающую месячный оклад, либо лишают свободы на срок от трех до пяти недель с обязательным привлечением к тяжелой физической работе. При отягчающих обстоятельствах дорожная полиция на тот же срок конфискует автомобиль для своих служебных поездок. Если запах алкоголя обнаружен у сыночка, сидевшего за рулем папиной машины, то штрафуют родителя, но на кратковременное лишение свободы отправляют неразумное дитя.

Закон обязывает стражей порядка на дорогах не делать никаких исключений при задержании пьяных водителей. За последний год на крупные суммы были оштрафованы члены королевской семьи, а один министр почти месяц очищал от снега столичные улицы, ночуя под замком в тюрьме.

СКОЛЬКО ПОТРЕБУЕТСЯ ЧЕЛЮСТЕЙ! В Голландии с недавних пор стал весьма популярен рок-певец Ян ван Мэларт. На одном из концертов в Амстердаме он в азарте так высоко подпрыгнул перед микрофоном, что у него выпала вставная челюсть... Она ударилась о рампу и отлетела в гущу публики. Певец в смущении убежал за кулисы, а восторженные поклонники его с криками бросились искать ценный «сувенир».

Импресарио этот эпизод ничуть не смутил. Он решил на последующих концертах повторить «удачный» трюк, имевший явный успех. Возникает, правда, вопрос: сколько же кумиру молодежи понадобится таких «сувениров»!

НЕ ПРЕТЕНДУЯ НА РЕКОРД... Не так давно американскому хоккеисту-профессионалу Эди Шоу посоветовали внести свое имя в книгу рекордов Гиннесса. За двенадцать лет спортивных выступлений ему 14 раз сильно разбивали нос, 5 раз хирурги проводили сложные операции на его сломанной челюсти, не оставив ни одного родного зуба. На теле спортсмена можно насчитать в общей сложности более 980 шрамов. Есть еще и невидимые следы — переломы рук и ног.

Однако сам Шоу говорит не о книге Гиннесса, а о том, чтобы коренным образом изменить стиль игры профессионалов. Жесткий стиль, может быть, и нравится публике, но командам он приносит лишь штрафное время, из-за которого подчас уплывает победа. Игроки же практически становятся инвалидами, которые могут рассчитывать лишь на собственные накопления, но не на государственную помощь.

ОПАЛЕННЫЕ ЛЕНТЫ

ДВА БОЙЦА И ПЕСНЯ...

ПРИЗНАЮСЬ: сейчас берусь за перо с особым волнением, потому что у многих этот фильм на памяти, в сердце...

Однажды, в самом начале сорок второго, когда спецкор «Красной звезды» Евгений Габрилович в очередной раз прибыл с фронта в Москву, ему предложили срочно экранизировать только-только появившуюся на свет повесть другого спецкора «Звездочки» (так ласково величали бойцы свою газету), находившегося на Ленинградском фронте Льва Славина. Называлась повесть «Мои земляки». Как вспоминает Габрилович: «Это была прекрасно написанная история дружбы двух фронтовиков, уральца и одессита, смешная и грустная,— именно то, что я так люблю не только читать, но и переносить на экран...»

Сценарист спешил: близился срок новой командировки. Работал в пустой московской квартире (семья — в эвакуации), рядом только пес по кличке Ингул. Писал, не перечитывая, а когда закончил, прочитал вслух Ингулу. Приложил к сценарию записку на имя режиссера Леонида Лукова и отправил конверт в Ташкент, на киностудию. Отвел, как и раньше, Ингула к соседу — и опять на фронт...

С той поры ни разу не видел он этого сценария, ни отзывов не слышал, ни на обычных в таких случаях обсуждениях не присутствовал, а спустя год до фронтового корреспондента стали доходить слухи о фильме, где есть чудесная песня про темную ночь... И только потом, уловив детали сюжета, понял, что речь идет о его детище...

И вот встреча с картиной. «Я принял Бориса Андреева в «Двух бойцах»,— писал Габрилович,— сердцем, как только увидел, принял и эту неповоротливость жеста, и крепость, и кротость улыбки, и эту массивность ног, не торопясь двигающихся по земле. Это был образ, точно и резко очерченный, без игровых завитушек, актерских безделиц и баловства. И становилось вдруг до предела ясно (не словами, не

фразвми, а всем строем этой неторопливости), что твкую Россию не сломишь ни криком, ни танками! Раз уж поднялся такой парень, взял автомат и надвинул каску, то нет ему ни мороза, ни рек, ни смерти — он победит... В образе одессита Аркадия есть опасность эстрадной чувствительности, опасность излишеств по части южной манеры жеста и разговора. Марка Бернеса, сыгравшего эту роль, я больше в те годы знал как актера с гитарой. Однако он обернулся в картине неожиданной своей стороной. Я увидев эстрадность, услышал одесский говор, но тут же рядом, как бы в одной линии, в одном бегущем потоке, видел другое — обширное и значительное, человеческое, что (опять же без танков и взрывов) говорило о силе народа и верной победе...»

ПОМНИТЕ... Коротквв минута фронтового затишьв. Низкая землянка. Бойцы пишут письма домой. Монотонно капает дождь в подвешенную к потолку жестянку, и из шумв падающих капель возникает мелодия песни:

Темная ночь,
Только пули свистят
по степи,
Только ветер гудит
в проводах,
Тускло звезды мерцают...

Лишь Аркадий Дзюбин не пишет письма: нет у него родных, нет, кроме Свши Свинцова, близких друзей, но Саша — рвдом. И то, о чем ему пока некому писать, Аркадий поет — тихо, грустно, нежно:

— Верю в тебя,
В дорогую подругу мою,
Этв вера от пули меня
Темной ночью хранила...

Светлеют лицв в землянке...

РАБОТАЯ над ролью, Бернес в госпитале познакомился с моряком-черноморцем, раненным в боях зв Одессу. От него артист и перенял манеру своеобразного разговора с сильно смягченными шипящими, со слегка певучими интонациями. Однако не это самое главное, что уловил артист, беседуя с моряком. Главное — он понял самую суть своего героя: важно не то, что его Аркадий — одессит, важно то, что он — советский гражданин и за город Ленина воюет так же самоотверженно, как за свою милую Одессу, где тоже «горе и кровь», что сердцем он со своей страной, родной и единственной...

Композитор Никита Богословский утверждает, что мелодия «Темной ночи» сложилась буквально на одном дыхании, мгновенно, что это заняло у него ровно столько времени, сколько песня звучит сейчвс. Леонид Луков вспоминал, как поздней ночью они бились над песней про темную ночь, как десять раз повторяли запись, но все было «не то» — недоставало душевности, лиризмв. И вот наконец Бернесу удалось добиться того единственного звучания, которое твк искали и режиссер, и композитор, и поэт Владимир Агатов.

Они вышли на улицу, когда над городом уже занялась заря, и остановились потрясенные: какие-то люди, очевидно, работники киностудии, уже напевали их только что рожденную песню.

С этого утрв началвсь долгая жизнь «Темной ночи». Ее пели в окопах и землянкв х, мысленно обращаясь к родным и близким: «Ты менв ждешь и у детской кроватки не спишь...» И над детскими кроватками ее пели тоже, потому что там в тылу, в затемненных городах, песнв помогалв ждать...

Она завоевала весь земной шар! И совсем не случайно вождь американского рвбочего класса Уильям Фостер, принимая однажды у себя дома Иввна Семеновича Козловского, попросил: «Спойте, пожалуйста, «Темную ночь», эту песню у нас в Америке очень любят...»

Еще такая подробность. Вскоре после того, квк «Темная ночь» прозвучала с экранов, ее записали в студии граммофонных пластинок. Когда пластинку стали испытывать, послышался какой-то хрип. Взяли вторую пластинку — то же самое... Поставили третью, пятую, седьмую — брак. Оказалось, что испорчена матрица: техник, записывая песню, горько плакала, и матрица была залита ее слезами...

ФИЛЬМ про двух бойцов до сих пор не теряет своего обаяния. Хотя сюжет вроде бы весьма прост: боевые друзья по явному недоразумению немного ссорятся, но участие в смертном бою снова сводит их вместе — вот, собственно, и все... Однако есть в картине та чистотв человеческих отношений, тот нерв героического времени, та прекрасная игра Бориса Андреева и Мврка Бернеса, которые сделали эту внешне скромную киноленту предметом высокого искусства. Да, здесь счастливо схвачен особый — человеческий нерв войны, который не заглушить никакими канонадами... И поэтому снова — ком в горле, когда слышим:

Как я люблю
Глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу
К ним прижаться сейчас
Губами...

Что ж, это тоже помогло одолеть фашизм...

Лев СИДОРОВСКИЙ

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

МОДА НА ЦВЕТ. Новинка новинке рознь. Не все новое принимается безоговорочно. Вот пример. Большая группа американских режиссеров, актеров и искусствоведов выступает против технического усовершенствования, с помощью которого старые черно-белые фильмы становятся цветными. Разумеется, делается такой трюк на компьютерных установках. Однако оценка специалистов кино однозначна: «Идиотская безвкусица, ибо мастера сороковых-пятидесятых годов рассчитывали именно на черно-белые нюансы на экране». Цветным вариантом стал фильм Чарли Чаплина «Диктатор», а также известная у нас в стране картина «Судьба солдата в Америке». Преобразованы в цветные и многие другие ленты.

Кто же затеял расцветку! Фирмы, выпускающие видеокассеты, у которых продажа черно-белых фильмов идет со скрипом. А вот раскрашенные варианты обыватель берет с удовольствием.

Во Франции министерство культуры такие «обновленные» ленты запретило. Англичане выразили скептическое отношение. Японцы, которые хватаются за все новое, на сей раз остались равнодушными...

НЕ ЭКСТРАСЕНС ЛИ ТЫ! Период пустых споров о необыкновенных свойствах человека, руки которого способны оказывать целительное действие, благополучно кончается. Да, такими свойствами человек м о ж е т обладать. Но много ли среди нас экстрасенсов! На этот вопрос стараются дать ответ польские ученые. В Варшаве проходит испытание компьютерная система, рассчитанная на то, чтобы объективно установить, кто из проверяемых людей одарен от природы необычными свойствами.

Тех, кого «отобрали» приборы, проверяют врвчи и опытные экстрасенсы. В первую очередь новичкам поручается простое дело: убрать мигрень, радикулитные боли, перевозбуждение. Словом, под контролем специалистов эта область нетрадиционной медицины становится на ноги.

ТА ДАЛЕКАЯ ВОЙНА

...Вы легко отличите любительские снимки от открыток времен первой мировой войны, 75-летие которой мы отмечаем в этом месяце.

Выход царя на бапкон Зимнего дворца 20 июля (1 августа) 1914 года, в день объявления войны; Николай II в действующей армии, в беседе с генералом Н. Рузским и генерал-лейтенантом Н. Янушкевичем, возможно, уже предавшим его, как и великий князь Николай Николаевич, который виден во главе конницы, проходящей церемониальным маршем; члены императорской семьи в царскосельском лазарете... Это открытки.

Остальное — любительские снимки, впервые извлеченные из архивов.

Взвод легкораненых: открытые крестьянские лица. Группа немецких пленных — такие же простые, только настороженные. Два вепиких народа оказались втянутыми в жестокую бойню. Не последнюю в наступившем веке. И этому раненому осколком снаряда русскому солдату, возможно, еще придется воевать и в гражданскую, и в Отечественную... За интриги политиканов всегда расплачиваются народы.

Далеко от нас та война с ее арбалетами-минометами (см. снимок), но не слишком ли рано и не слишком ли «прочно» мы забыли о ней!

МОРСКАЯ КОРОВА

ВО ВТОРНИК, 4 июня 1741 года пакетбот «Святой Петр» поднял паруса в Петропавловской гавани на полуострове Камчатка. Судно, которое плавало под русским флагом, находилось под командованием датского мореплавателя Витуса Беринга, а целью плавания было исследование самой северной кромки Тихого океана. Прежде всего предстояло выяснить, существует ли сухопутная связь между Сибирью и Америкой. Сам командор и почти половина его экипажа больше никогда не вернулись на русскую землю.

На борту «Святого Петра» среди его экипажа, состоявшего из 78 человек, находился и немецкий врач и естествоиспытатель Георг Вильгельм Стеллер. Беринг попросил его присоединиться к экспедиции в последний момент, когда внезапно заболел судовой хирург Каспар Фейге.

Первая часть путешествия прошла успешно. Беринг удачно высадился на западное побережье Аляски, где Стеллер стал первым естествоиспытателем, вступившим на эту неизвестную землю.

Но потом разыгралась трагедия. Когда судно уже повернуло домой, среди экипажа разразилась цинга, этот самый страшный враг первых полярных исследователей. Положение больных постоянно ухудшалось еще и из-за плохой воды, которую взяли на борт на островах Шумагина, и к октябрю последствия опасного заболевания стали уже серьезно препятствовать нормальной судовой работе. Страдания экипажа усиливались еще и тем, что сильные штормы и лобовые ветры сбили судно на несколько сот миль с курса.

Наконец 4 ноября вдалеке, в тумане замаячил какой-то высокий, негостеприимный берег, и моряки вначале обрадовались, полагая, что это родина. Но после наблюдений за положением солнца все осознали, что они все еще находились на расстоянии сотен миль от дома, и радость экипажа сразу же сменилась отчаянием. Была созвана вся команда, и так как оставалось всего шесть фляг плохой воды, то было принято единодушное решение сойти на берег. Но к этому времени уже не было достаточно сильных людей, чтобы оставить кое-кого из них на борту, и приняли решение оставить судно. Больные были помещены в импровизированных хижинах и в землянках, вырытых в песке, а неделю спустя «Святой Петр» сорвал якорную цепь и был выброшен северо-восточным штормом на берег и практически развалился.

При этих драматических обстоятельствах Стеллер и открыл животное... В воде, при высоком приливе, он заметил несколько громадных горбатых предметов, которые были похожи на перевернутые вверх дном лодки. Несколько дней спустя, когда ему удалось получше разглядеть эти существа, он понял, что они принадлежат к прежде неизвестному виду; это были животные, теперь известные науке под названием морская корова Стеллера.

Северная морская корова была родственником ламантина и дюгоня. Но по сравнению с ними она была настоящим гигантом и весила около трех с половиной тонн. По сравнению с ее массивным туловищем голова у нее была удивительно маленькой, с очень подвижными губами, причем верхняя была покрыта заметным слоем белой щетины, которую по своей густоте можно сравнить с оперением цыплят. Она передвигалась по отмелям с помощью двух культей, напоминающих лапы, расположенных в передней части ее туловища; но на глубокой воде это животное проталкивало себя вперед вертикальными ударами по воде своего большого раздвоенного хвоста. Ее шкура не отличалась гладкостью, как у ламантина или дюгони, и на ней проступали многочисленные борездки и морщины, отсюда и ее название «Ритина Стеллери», которое дословно обозначает «морщинистая Стеллера».

Места обитания ее ограничивались островами, которые ныне нам известны как группа Командорских островов, в частности остров Медный, где экипаж «Святого Петра» был выброшен на берег, и больший по размерам остров Беринга, расположенный к западу от него. Особое удивление вызывает тот факт, что эти животные были обнаружены в этих ледовых водах, хотя, как известно, их единственные родственники целиком ограничили места своего обитания теплыми тропическими морями. Но прочная, словно кора, шкура коровы, несомненно, помогла ей сохранять тепло тела, от холода ее защищал и толстый слой жира. Вероятно, они никогда не уходили далеко от берега, так как не могли глубоко нырять в поисках корма, к тому же в открытом море они могли стать легкой добычей касаток. Они были абсолютными вегетарианцами, ощипывая, словно громадные стада морского скота, водоросли в северной части Тихого океана, которые растут здесь в большом изобилии.

Несмотря на свою беспомощность, безобидное животное поначалу совсем не подвергалось нападению со стороны моряков, потерпевших бедствие в этих широтах. Это вряд ли можно отнести к какой-то сентиментальности или чувству сострадания с их стороны, ибо для голодного желудка в этом суровом и страшном царстве превозданных природных сил издалека заметные формы коровы могли стать поистине вожделенной наградой. Скорее всего тот факт, что они в течение столь длительного времени щадили этих животных, можно объяснить их физической слабостью, вызванной цингой; кроме того, более удобный и более доступный источник питания представляли собой морские выдры и каланы, которых можно было добыть в любом количестве, для чего надо было лишь спуститься к берегу и ударить их чем-нибудь наподобие дубинки по голове. Но по мере того как здоровье людей улучшалось, а морские выдры начинали проявлять большую осторожность в общении с ними, были предприняты вполне успешные попытки несколько разнообразить меню сочными бифштексами из морской коровы и морского теленка.

«Мы ловили их, — вспоминает Стеллер, — с помощью большого железного крюка, наконечник которого напоминал лапу якоря; другой его конец мы прикрепляли с помощью железного кольца к очень длинному и крепкому канату, который тащили с берега тридцать человек. Более крепкий моряк брал этот крюк с помощью четырех или пяти помощников, грузил его в лодку, один из них садился за руль, а трое остальных на весла, соблюдая тишину, отправлялись к стаду. Гарпунер стоял на корме лодки, подняв крюк над головой,

и тут же наносил удар, как только лодка подходила поближе к стаду. После этого люди, оставшиеся на берегу, принимались натягивать канат и настойчиво тащить к берегу отчаянно сопротивлявшееся животное. Люди в лодке тем временем подгоняли животное с помощью другого каната и изнуряли его постоянными ударами до тех пор, пока оно, выбившись из сил, и совершенно неподвижное не вытаскивалось на берег, где ему уже наносили град ударов штыками, ножами и другими орудиями. Громадные куски отрезались от еще живой «коровы». Животное, сопротивляясь, с такой силой било по земле хвостом и плавниками, что от тела даже отваливались куски кожи. Кроме того, оно тяжело дышало, словно вздыхало. Из ран, нанесенных в задней части туловища, кровь струилась ручьем. Когда раненое животное находилось под водой, кровь не фонтанировала, но стоило ему высунуть голову, чтобы схватить глоток воздуха, как поток крови возобновлялся с прежней силой...»

Несмотря на чувство жалости, которое вызывает этот рассказ, нельзя упрекать этих несчастных людей в том, что они приготовили себе сочные бифштексы, которые стали наградой за их нечеловеческие усилия. Они использовали морских коров в пищу только несколько недель, до того, как отправились на вновь отстроенном «Святом Петре» на родину: сомнительно, что они сыграли большую роль в их уничтожении. Но затем начались события, которые вряд ли можно чем-то оправдать.

Когда потерпевшие неудачу моряки вернулись на Камчатку, то привезли с собой около восьмисот шкурок морских выдр, остатки своего восьмимесячного повседневного рациона. Это был очень дорогой товар, и вскоре начали распространяться слухи, что на Командорских островах в изобилии водятся пушные звери, острова Медный и Беринга стали штаб-квартирами процветающей восточной торговли пушниной, и для любителей статистики можно сообщить, что за несколько лет массовый забой в этом районе, осуществленный, кстати, только тремя охотниками, исчислялся 11 тысячами лис и тысячей каланов. Морская корова не пользовалась такой славой, шкура ее имела ограниченную ценность. Но охотникам и морякам, которые появлялись в этих местах, все еще требовалось свежее мясо. А добывать его, как мы уже увидели, было несложно. Неудивительно, что последовавший за этим массовый забой поставил это медленное, туго соображающее, но совершенно безобидное животное на грань полного вымирания.

Последняя морская корова, как принято считать, была убита на острове Беринга в 1786 году, только 27 лет спустя после открытия этого вида животных. Однако уже в XIX веке профессор А. Норденшельд собрал свидетельства, показывающие, что это животное, вероятно, уцелело до значительно более позднего периода, чем обычно считали. Их шкуры использовались для сооружения легких лодок — типа «скифов». А два русско-алеутских креола утверждали, что на побережье острова Беринга еще в 1834 году видели тощее животное с конусообразным туловищем, маленькими передними конечностями, которое дышало ртом и не имело задних плавников. Все эти наблюдатели были уже знакомы с каланами, тюленями и моржами, а также с другими местными животными, с которыми они не могли никого спутать. Вполне вероятно, что «корова» существовала в этом районе и сто лет спустя. А может, то была самка нарвала? Кто знает...

Н. НИКОЛАЕВ

КЕРАМИКА УКРАИНЫ

ИНТЕРЕС к декоративно-прикладному искусству не иссякает. Да и кого может оставить равнодушным художественная вышивка или роспись тканей, плетение кружев или ковроткачество, искусная обработка металла, камня, кожи, дерева... Лучшие образцы декоративно-прикладного искусства собраны в крупных музеях страны, украшают их экспозиции, с уникальными произведениями мастеров знакомят нас многочисленные выставки.

В чем же привлекательность и сила этого искусства! Да в том, что оно развивается на лучших образцах народных художественных промыслов, истоки которых корнями уходят в глубь веков. Современные народные промыслы, как правило, бережно сохраняют и совершенствуют традиционные формы и приемы, относящиеся к глубинным пластам народной художественной культуры.

Наиболее заметно это сказалось, видимо, на художественной керамике. Не обязательно быть искусствоведом, чтобы определить характерный почерк русской или казахской, грузинской или белорусской керамики, как и керамики Прибалтики или Средней Азии. В каждой республике, области, районе, даже в простом поселке художественная керамика имеет свои стилистические особенности.

К наиболее древним видам керамики относятся культовые фигурки, посуда, украшения... Не потому ли многие из нас, возвращаясь из туристических поездок или командировок, привозят домой как сувениры амулеты, знаки зодиака, фигурки животных, вазы, керамические композиции, отражающие характерные эпизоды народной жизни. Привозят, чтобы, взглянув на них, вспомнить прошлые маршруты, интересные встречи с людьми, привечавшими тебя...

Прикладное искусство любого народа всегда самобытно. Не является исключением и искусство народных мастеров керамики Украины. Работы профессионалов и народных мастеров продолжают развивать многовековые традиции самобытного украинского творчества. Каждый художник-керамист как бы высказывает свое собственное понимание старинного народного искусства.

Далеко не всегда удается подсмотреть, как же работает и создает свое произведение — не профессионал, а народный умелец, чаще всего деревенский керамист, желающий воплотить свои мысли и чаяния в глине. Каков творческий импульс, «стартовый толчок»! Это может быть и утренний крик петуха или кудахтанье наседки, или шелест трав и цветов... А может быть и самое простое и естественное желание сделать для хозяйства обычную молочную кринку или кувшин, да еще при

этом непременно покрыть изделие узором, вобравшим в себя красоту родного края.

Народные мастера часто работают без эскизов, экспромтом воплощая в глине свое восприятие окружающего, но непременно вкладывая в работу всю свою душу.

Может быть, не всегда их энтузиазм встречает понимание домашних. «Опять занялся своей ерундой! Пошел бы лучше воды принес... Доведешь меня как-нибудь, расшибу ухватом ерунду твою вдребезги...» Но обычно это лишь незлобливые угрозы. А без подобной «ерунды» и Сорочинская ярмарка не была бы яркой и неповторимой, и люди были бы обделены возможностью увидеть и насладиться красотами искусства, ощутить богатство таланта мастеров. И осталось бы вне нашего внимания все разнообразие быта и духовной жизни народа, отраженное не только в керамике, но и, к примеру, в ярких рушниках или неповторимых костюмах...

«Может быть, нет в мире другого, влюбленного с таким исступлением в природу, как я,— говорил Н. В. Гоголь.— Я боюсь выпускать ее на минуту, ловлю все движения ее и, чем далее, тем более открываю в ней неуловимых прелестей».

Эти слова можно с полным правом отнести и к народному творчеству, художникам-керамистам, отражающим в своем творчестве самое прекрасное, красоту природы и жизни народа.

О. САНИНА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

Первая страница обложки «Товарища»: В технологическом кабинете СПТУ № 58. Учащаяся 1-го курса Татьяна Зайцева (репортаж «Цех номер один» читайте на стр. 133). Фото А. ЕГОРОВА.

УКРАИНСКАЯ КЕРАМИКА
(материал читайте на стр. 157)
Фото А. ГЕОРГИЕВА.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Николай КУЗЬМИН

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

Ночные беседы

Окончание. Начало на стр. 30

В Афганистане мне довелось побывать дважды, с перерывом в три с лишним года.

Признаться, Азия всегда привлекала меня больше, нежели Европа. Много читалось, узнавалось из истории, да и жизнь большей частью была прожита именно в Азии. Меня всегда больше тянуло к пагодам, нежели к дворцам, а уж супермодерн Америки не приманивал никогда. До сих пор мечтаю посмотреть древнюю Индию, однако боюсь, что осуществить мечту так и не удастся...

Неожиданная командировка в Афганистан имела для меня еще и сугубо свое, потаенное значение. Больше двадцати лет я считался «невыездным», находился в касте отверженных. И вдруг! Конечно, Афганистан не Париж, не Бразилия, даже не Югославия, но все же устрашающий и унизительный барьер вокруг меня как будто малость рушился.

Впрочем, не рановато ли я заликовал?

В Шереметьевском аэропорту я по привычке вздрагивал и оглядывался. А ну, как и в Находке, сейчас появится какой-нибудь полковник и объявит... Но нет, прошли таможню, уселись в самолет, взлетели. Правда, предстояла посадка в Ташкенте и там новый досмотр. Но и Ташкент миновался вполне благополучно. Следовательно, выпустили. Примерно через час Кабул. Самолет — из поезд, по пути не ссадят.

Напряжение прошло, можно расслабиться. Однако до душевного порядка было далеко. Что за нелепость, в самом деле: жить, думать, поступать, как старый провере-

ный комсомолец, и словно именно за это всю жизнь ощущать себя отверженным, изгоем! Кто опустил передо мной шлагбаум и, главное, за что? К пределу своей жизни я подхожу, как обокраденный: огромный мир так и остался мною не увиденным. Тяжелые, изнурительные мысли, что и говорить...

А внизу под крыльями самолета проплывали суровые картины Гиндукуша. Стояла ранняя весна, солнце золотило белые снежные отроги. Внезапно горная гряда разорвалась, показался рассыпанный по прилавкам город. Самолет круто лег в вираж и начал снижаться, описывая узкие круги. Он словно ввинчивался в ограниченное горами пространство над аэродромом. Впоследствии нам рассказали, что это ввинчивание обусловлено еще и постоянной опасностью получить под брюхо душманскую ракету, территория вокруг аэропорта контролировалась на ограниченном пространстве.

Снижаясь в опасной зоне, самолет через каждые две секунды выстреливал с обоих бортов серию ракет, словно салютуя тем, на земле. Делалось это тоже в целях безопасности: душманские ракеты, а точнее американские, почти не наводятся прицельно, они находят цель сами, притягиваемые теплом двигателей. Так вот наши ракеты и должны перехватить своим теплом душманские. На всякий случай внизу под самолетом кружилась пара вертолетов.

Таможенными формальностями в Кабульском аэропорту нас не донимали. Машины быстро понеслись по прямой зеленой улице, чрезвычайно похожей на алма-атинскую. Так же, как и в Алма-Ате, впереди белела горная гряда. Только здесь по обеим сторонам тянулись глухие глиняные дувалы. Нам попутно рассказали, что вон из-за того дувала совсем недавно по двум проезжающим машинам шарахнули ракетой.

В гостинице нам первым делом выдали пистолеты. Я проверил обойму, вогнал патрон в ствол и попробовал, как одним большим пальцем можно быстро спустить предохранитель и взвести курок. Оружие действовало без помех. Однако где его носить?

Здешние товарищи таскали под мышкой, на ремнях. Нам же оставалось положить в карман. Несколько дней я таскал пистолет, засовывая его за пояс и прикрывая свитером. А потом вдруг осенило: ну что в этой игрушке, если со стороны душманов навалятся молодцы из спец-

группы? Они же нас возьмут голыми руками! И я сдал пистолет обратно.

Об Афганистане сейчас пишется и говорится очень много. О вводе наших войск в эту страну отзываются, как о непростительной авантюре. Я бы не торопился с подобными приговорами.

Критиковать да ломать, как известно, легче всего. Мне же хочется сказать и слово в защиту наших.

Афганистан для нас — это отнюдь не Вьетнам для США. Американцы воевали за много тысяч километров от своего дома, у нас же вулкан созревал под самым боком, на рубеже, причем по соседству с регионом, где еще памятны англичане и басмачи и где все заметней оживают старинные традиции мусульманского фундаментализма. Мы не могли, не имели права быть равнодушными к тому, что затевалось в соседней и традиционно дружественной нам стране.

Не мешает при этом и на историю оглянуться. Только, упаси бог, не глазами ловких портняжек-перелицовщиков! На протяжении веков весь регион Средней Азии был своеобразным Куликовым полем, где Россия насмерть сражалась с далекой Англией. Как в наши дни Америка, так и в те годы Англия считала сферой своих национальных интересов буквально весь земной шар. Джентльмены с берегов Темзы стояли за спинами кокандского хана и бухарского эмира, они наводили ружья мюридов Шамиля и поощряли к набегам на Москву кровожадных крымцев — словом, чем сейчас занимается Америка, тем же самым тогда считала долгом заниматься Англия.

Средняя Азия — особая глава в истории государства Российского. Начиная с экспедиции князя Бековича-Черкасского, путь через пески и пустыни к голубым минаретам Герата являет собой сочетание героизма, государственного смысла и административного таланта. Великий этот путь проделали отнюдь не крепостные рабы. Здесь ступала нога народа великого. И нам, сегодняшним потомкам тех, далеких и позабытых наших героев, следовало бы вспомнить Кауфмана, Скобелева, Черняева, Пржевальского. Недаром же великий наш Пржевальский завещал похоронить себя именно в этой земле, вдали от своих родных мест. Именно здесь, недалеко от границы с Афганистаном, он пожелал успокоиться вечным сном.

Об этом, кстати, черным по белому написано во всех

учебниках истории. Уж не поэтому ли и потребовалось их срочно перелицевать? Посмотрим, посмотрим... Хотя уже сейчас совсем нелишне заметить, что история — не личная вещь, она никому не принадлежит и уж меньше всего поддается перелицовке.

Дав достойный отпор английским колонизаторам, Россия продолжала укреплять свои южные границы. Крепость Кушка была последним достижением русских воинов и политиков, стремящихся «достать» коварный Альбион в самом его болезненном месте — на Индийском океане.

К чести русских землепроходцев следует заметить, что их появление в неведомых краях самым разительным образом отличалось от кровавых завоеваний Атиллы, Македонского, Чингисхана, Тамерлана и Батыя. Здесь, на мой взгляд, более объективно понятие освоение. Горизонты прежней Суздальской Руси раздвигались во все стороны, и в этом была не только историческая реальность, но и предназначенность.

Удивительно, что ровно ничего у нас не пишется о Русском географическом обществе. А ведь от имени этого почтенного учреждения действовали и Пржевальский, и многие другие знаменитые русские землепроходцы. В те времена в Географическом обществе состояли люди ученые и умные. Достаточно сказать, что, прежде чем отправиться в неведомые земли, члены экспедиции изучали местный язык, нравы жителей и обычаи, знали по именам вожаков племен и т. п. В русской экспансии меньше всего было крови и насилия, она вся держалась на уважении и почете. А иначе не помогли бы ни штыки, ни пушки.

И еще. На встрече группы писателей с министром обороны Д. Т. Язовым нам показали интереснейшую карту, где обозначены как позиции американских подводных лодок с ракетами на борту, так и ракетных баз на суше. Страшно смотреть: настоящий ракетный частокол возле самых наших границ! Время полета такой ракеты до Москвы — всего шесть минут... О многом думается, когда рассматриваешь эту карту. Например, не будь русской экспансии на юг, граница нашей державы по-прежнему лежала бы под Оренбургом и зазевавшихся наших мужиков и девок кочевники еще долго таскали бы на арканах. Да что арканы! По нынешним временам американские ракеты стояли бы именно под Оренбургом!..

А если бы, допустим, мы не ввели войска ни в Венгрию, ни в Чехословакию? Свои ракеты американцы установили бы под Прагой и Будапештом... Хорошо геройствовать и заявлять протесты такому, как Евтушенко. Он уедет в Англию, в Америку, в Израиль и оттуда будет любить Россию. Но нам-то снова придется лезть на танки — только на этот раз не на «тигры».

Только подумав обо всем этом, следует, на мой взгляд, говорить о нашем скандале с Афганистаном.

Хваленая наша гласность до сих пор ничего не сказала о том, что же все-таки произошло. Как принималось это ответственнейшее решение? Кто его принимал? Злые языки утверждают, что все произошло, как с назначением какого-нибудь директора гастронома. В данном случае будто бы «Ленька позвонил Митьке», и войска перешли границу. Похоже, слишком похоже. Нравы были такие, что обстановка в стране зависела от того, был ли, простите, с утра «стул» у первого лица. Телефонное право сработало и тут — Брежнев позвонил Устинову, и началось!

Скандалище, конечно, получился грандиозный, мировой. Но, как я считаю, вовсе не потому, что наши войска перешли границу. Их переходят, эти самые границы, и будут еще много раз переходить. Вспомним, как поступили американцы с Гренадой, как управились израильтяне со своими соседями-арабами. У государственной политики свои интересы и методы. Но в нашем случае прямо-таки поражает тупость руководства, безголовость, зажиревшее хамство. Словно спустили «сверху» указ о запрещении продажи водки!

А ведь любой студент знает, что на Афганистане трижды обожглись такие опытнейшие колонизаторы, как англичане. И разве можно было не принять в расчет наш опыт в Средней Азии, где басмачество, по официальным данным, существовало до тридцать пятого года, а по неофициальным — до начала пятидесятых?

Желудок, ненасытная утроба, а также тряпки и награды — вот что преобладало в наших, с позволения сказать, руководителях!

Но хочу сразу же отделить от них наших военных.

Переступив границу Афганистана, наши солдаты и офицеры, ребята со средним и высшим образованием, попали в самое настоящее средневековье. Вполне понимаю наших парней, своими глазами увидевших ужасный быт.

О том, что воочию предстало перед ними, они лишь читали. Но одно дело прочитать, а совсем другое — увидеть собственными глазами. И какое-то время наши ребята верили, что их жертвы не напрасны. Ими руководила комсомольская вера, что, переступив границу, они принесли народам этой беднейшей в мире страны избавление от многовекового гнета горстки богачей. Именно так они понимали свой интернациональный долг.

О нищете несчастного афганского народа не расскажешь никакими словами. Даже не верилось, что девочек там продают замуж в девятилетнем возрасте, но я своими глазами видел на кабульских улицах буквально тучи этих матерей-девочек с писклявыми комочками на руках — они набрасывались на каждого прохожего с мольбой о милостыне. Смотреть на их корявые сморщенные ручонки невыносимо.

Поразительное имущественное неравенство и в кишлаках. Спина дехканина согнута вековой покорностью королю и мулле. Но если короля ему посчастливится лицезреть, может быть, раз в жизни, то мулла все время рядом, его слово для дехканина закон. И вот как раз этого-то и не учли «Ленька с Митькой». В действиях наших советников в Афганистане сказались навыки уполномоченных в каком-нибудь колхозе: сказано — исполняйте! И все полетело с первого же дня в тартарары.

Земля и вода в Афганистане принадлежат исключительно богатым людям. Наши сразу же постановили: отобрать и перераспределить. На первый взгляд вроде бы правильно, в пользу бедных, в пользу подавляющего большинства. Но не взяли в расчет аллаха, а тот устами кишлачного муллы сурово изрек: брать чужое — воровство. А за воровство в странах ислама полагается суровейшая кара. Дехкане, несмотря на декреты, дружно отдернули руки от предлагаемой земли. Нельзя, это — чужое! Наших взяло за живое. Кто это там мудрит? Мулла? Какой еще мулла? Забрать. Посадить. Расстрелять, если что... И затронули тем самым сокровеннейшие струны души мусульманина, получили проклятие как кяфиры, как неверные и вызвали всенародную непримиримую войну под зеленым знаменем пророка — джихад.

Джихадом, священной войной мусульман, руководит трубный призыв пророка ко всем правоверным: убивайте проклятых кяфиров везде, где только их ни встретите! И смерть повисла не только над головами наших парней

в защитной форме, но и над теми афганцами, кто поверил в новизну в своей стране.

После этого следовало уходить из Афганистана как можно быстрее, но мы ввязались в войну и стали нести ничем не оправданные потери.

Правда, израильтяне после так называемой шестидневной войны тоже получили джихад, однако смешно сравнивать: за спиной Израиля сразу же мобилизовался весь могущественный мир золота, печати и индустрии, и он же, этот самый мир, немедленно обозначился за спинами душманов. Выиграть такую войну было немыслимо.

Но это вовсе не значит, что мы имеем право закрывать глаза на собственные ошибки.

Наш посол Ф. А. Табеев рассказывал о некоем офицере, по национальности казахе. Появившись в кишлаке с солдатами, он начал с того, что отправился в местную мечеть. За ним наблюдало множество глаз. Дехкане изумились: оказывается, этот «шурави» (советский) вовсе не кяфир, а самый правоверный мусульманин. И отношения с кишлачным населением сразу же пошли на лад.

Неужели нельзя было заранее подобрать таких вот офицеров и советников? Какой же дурак додумался ломать через колено многовековой религиозный уклад такого воинственного свободолюбивого народа!

Не подготовившись как следует, не взяв в расчет аллаха, мы с первых же шагов показали себя врагами ислама и тем самым не помогли афганскому правительству, а только навредили.

И вот, увидев голубые изразцы мечетей Герата, Мазаришарифа и Джелалабада, уже вдохнув ветер Индийского океана, наш «ограниченный контингент» принужден был думать об отступлении с возможно малой кровью.

Крови, однако, пришлось пролить изрядно. Снова в действие вступил проверенный трумэновский принцип: пускай они убивают один другого как можно больше... К душманам приехали советники, к ним потекли транспорты с оружием, боеприпасами. В солдатах недостатка не было, а на оружие Америка не скупилась. Они прилагали все силы, чтобы как можно глубже утопить нас в «афганском болоте». Изнурительную войну на наших южных рубежах им удалось затянуть почти на десять лет.

Американцы ко всему прочему еще и испытывали впол-

не понятное мстительное злорадство: в гористом, плохо проходимом Афганистане мы получили свой Вьетнам. Не нужно забывать, что события происходят в азиатском средневековье со всем его коварством, вероломством и невообразимой жестокостью.

До сих пор туман домыслов покрывает смерть руководителя Апрельской революции Тараки. После свидания в Москве с Брежневым он, ничего не подозревая, вылетел на родину. Кабул, готовясь к его встрече, весь расцветился флагами и лозунгами. На улицах царило праздничное настроение. Амин встретил Тараки у трапа самолета, они обнялись и уселись в лимузин. Правительственный кортеж двинулся к королевскому дворцу. Рассказывали, что уже в машине, сидя рядом с Амином, Тараки понял свою обреченность. Из роскошного лимузина он вышел уже узником. Жить ему оставалось считанные минуты. Будто бы вынув из карманов все, что там находилось, он попросил своего убийцу передать эти вещи жене. Его увели в подвал и задушили.

На троне правителя Амин находился всего три месяца. Но за это время он успел уничтожить более миллиона человек. Нам рассказывали, как разгружались афганские тюрьмы. Заключенных плотно набивали в бомбардировщик, затем самолет взлетал и открывал люки над глухими безлюдными местами в горах.

И в такую страну мы решились сунуться со своей плакатной идеологией! Странное мероприятие для застойного периода. Никакой враг не придумал бы диверсии хуже этой...

Не могу также понять, что произошло с Амином. Он успел лишь обратиться к нашему правительству с просьбой о введении войск и тут же погиб. Дворец Амина охранялся нашими десантниками. Но и штурмовали его тоже наши десантники! Большого боя, по рассказам, не было, охрана будто бы недоумевала, однако ее всю выкосили огнем автоматов. Убита была даже женщина-врач, лечившая Амина. Сам кровавый диктатор успел сбежать на площадку второго этажа и тут спрятался за бархатной портьерой. Его расстреляли в упор.

В бывшем дворце Амина помещался штаб армии. Офицеры в полевой форме. У многих на груди мысок тельняшки десантников. На мятых погонах защитного цвета едва заметны невзрачные звездочки.

Член Военного совета армии, совсем молодой генерал,

с волнением признается, что наше командование поражено массовым геройством молодых солдат.

— Чего греха таить: на наши улицы страшно глянуть, особенно по вечерам. Хулиганы, проститутки, наркоманы... Но тут! Вот недавно, например, экипаж вертолета... Да им всем надо давать Героев! Не можем, к сожалению. Всем не можем. Поэтому командиру — Героя, остальным — ордена.

Да, наши ребята не посрамили боевых традиций. И не надо на них валить вину за годы застоя. Как в Великую Отечественную солдаты защищали не одного Верховного главнокомандующего, так и в Афганистане ребята сражались не за убогого умишком Генерального секретаря. Кто-то правильно сказал, что мальчишки — социальный барометр народа. Среди молодых солдат в Афганистане я не видел ни одного с кривой ухмылкой, расслабленного, с полуоткрытым ртом, не слышал жеребячьего гогота. Всюду мужественные лица рано повзрослевших солдат, сыновья своего великого Отечества, без всякого сомнения исполняющие то, что солдату и положено — воинский приказ.

Достоевский в свое время проницательно изрек: «Русские мальчишки — совесть и цвет нации». Так вот мне еще раз в жизни повезло: этот цвет нашего общества я увидел в деле на полях Афганистана.

И вовсе не эти отважные ребята виноваты в том, что их так безрассудно подставили под огонь озверелых душманов. Свой воинский долг они выполнили безупречно.

Боевые действия в Афганистане начались почти десять лет назад. Однако долгое время в нашей печати ни словом не поминалось о неизбежных жертвах. Мне самому приходилось сталкиваться с требованием цензуры: убрать малейший намек на то, что автоматы наших солдат заряжены боевыми патронами. И журналисты умиленно расписывали, как наши бойцы и офицеры сажают в кишлаках деревья и распределяют среди голодающих дехкан муку с консервами.

В наши газеты того времени стыдно взглянуть. Сплошные панегерики безголосым хрипунам с гитарами. Вот кто, оказывается, работает па износ! Что там доярки, трактористы, сталевары — самая тяжкая доля на эстраде. И примерно в те дни страна праздновала награждение Брежнева высочайшим военным орденом Победы!

А в это время гремели выстрелы и взрывы и без устали

мотался через границу печальный «Черный тюльпан», доставляя на родину гробы с убитыми. Но если бы гибли только в боях! На первых порах наши плохо обученные, неприспособленные к войне парнишки, случалось, попадали в плен. Кровь стынет от рассказов, что с ними вытворяли кровожадные воины ислама. Вот один штрих: после нечеловеческих мучений пленному подрезали кожу на поясе и заворачивали ее на голову. Поэтому, чтобы не попасть в лапы душманов живыми, каждый из наших сберегал последний патрон, а еще лучше — гранату...

Обычный военный городок с воротами контрольно-пропускного пункта. Здесь размещена десантная дивизия. Она прибыла в Афганистан первой и ушла последней.

Возле домиков горой свалено снаряжение воинов-десантников. Огромные рюкзаки в дырах, в заплатах. К каждому рюкзаку бечевкой привязана охапочка изломанных ящичных досочек. Солдаты тащат их с собою в горы для обогрева. Поход иногда растягивается на недели, бойцы живут всухомятку, на крохотном огне можно вскипятить чай.

Возле длинной казармы два строя. Прибыло свежее пополнение, ребята сменяют демобилизованных. Новички беленькие, в необношенной форме, угловатые и застенчивые. Ветераны поглядывают на них со снисхождением взрослых. Два года назад они приехали такими же. Их сделал, их вылепил «Афган».

В клубном зале собрался комсомольский актив дивизии. Мужская стать ребят в военной форме, крепкие плечи и удивительно суровые, прекрасные своей юностью лица. «Настоящим мужчинам военная форма к лицу...» Кое-кто отрастил усы, выгоревшие на свирепом южном солнце.

Армия... Много лет я связан с этой важнейшей государственной организацией. Каждый год встречаешься с военными на семинарах молодых литераторов, бывают выступления в частях. Я находился в Калининграде, когда туда возвращалась дивизия из Чехословакии, и наши военные много рассказывали, что они увидели под маркой «пражской весны». Также от участников и очевидцев довелось слышать о кровавой бойне в Будапеште в 1956 году. Трудно забыть о том, что «борцы за свободу», словно озверелые душманы, бросали грудную детвору в мусоропроводы, а коммунистов и комсомольцев вешали за

ноги. Сколько наших ребят не вернулось тогда из Венгрии! Безымянные герои, чью светлую память сейчас поливают грязью со всех эстрад оголтелые архаровцы перестройки.

Армия необходима, народ без армии обречен. Так с какой стати у нас сейчас начат поход против армии?

В мое время, помнится, в армию **призывали**, и этот ежегодный призыв проходил как самый настоящий праздник. Подрастающее поколение проникалось сознанием своего долга и получало в руки оружие для защиты Отчизны. В наши дни в армию **забирают** (термин явно из милицейского обихода) и многие всеми силами стараются отвертеться, избавиться от своего первейшего гражданского долга. А небезызвестный киношник Э. Рязанов даже не постеснялся с экрана телевизора поведать всему миру о том, как ему удалось избежать призыва на фронт. Слушаешь и ушам отказываешься верить: дезертирство становится доблестью!

Дискредитацией армии сейчас занимаются не только болтливые киношники, но и литераторы. Чего стоят публикации журнала «Юность»! А ведь они обращены к молодежи, к тем, кому может выпасть доля защищать свою страну, свой народ, своих родителей.

А защищать придется, если только мы не захотим разделить участь американских индейцев. Время от времени из недр архивов США выплывают на свет божий секретнейшие планы атомных ударов по Советскому Союзу. Эти планы совершенствуются постоянно. Палец американской военщины постоянно на спусковом крючке. Удерживает сих стратегов лишь одно — какой бы мощный удар они ни нанесли, у нас все равно останется возможность ответить тем же самым. Так что миролюбие их объясняется только нашей силой, одно это удерживает их от желанной и вынашиваемой агрессии, а отнюдь не Комитет Генриха Боровика.

Приняв все это во внимание, невольно задумаешься: тогда зачем же нам самим всеми силами помогать Пентагону в его кровавых планах?

Свою лепту в это мерзкое дело внес и пресловутый академик Сахаров. Разъезжая по Америке, он не закрывал рта, повествуя о том, что наши вертолетчики стреляли не столько по душманам, сколько по своим раненым товарищам. Я понимаю: если Россия и ее народ Сахарову ненавистны, то и тогда надо же знать меру в клевете!

Наши вертолетчики отличались именно тем, что лезли в самое пекло, стремясь вывезти не только раненых, но даже убитых, ибо знали, в отличие от Сахарова, на какие зверства способны душманы.

Естественно, жить в мире, а еще лучше в дружбе предпочтительнее, нежели воевать. Но это желание должно быть обоюдным. А что же мы видим? Со своей стороны мы призываем нашу молодежь чуть ли не брататься с американцами, они же, словно нарочно, об этом и не помышляют. Достаточно прочесть свежие впечатления А. Боровика о кратком пребывании в роли новобранца армии США. Оказывается, американского солдата с первых же дней службы воспитывают в лютой ненависти к русским. Любой армейский — а в особенности сержантский состав — готов перерезать русскому горло. «Убей русского!» — вот боевой девиз вояк за океаном. А посмотреть знаменитый фильм «Рэмбо». По художественному уровню это самая примитивная агитка. У нас таких фильмов уже давно не выпускают. Но американский зритель валом валит посмотреть эту дешевку и, по свидетельству очевидцев, аж вопит от исступления. Воспитание головорезов! Ну и не забудем, что военный бюджет США достиг уже поистине астрономических сумм: больше 300 миллиардов.

Так не рискуем ли мы, раскинув руки для объятий, получить в ответ могучий удар хорошо тренированного кулака?

Но все это лишь попутные мысли.

В дивизии воспитано несколько Героев Советского Союза. К сожалению, многие из них увенчаны звездами посмертно. Славные наши мальчишки, показавшие своим примером, что в настоящей жизни всегда есть место подвигам!

В боевой обстановке разговор идет с предельным откровением. Помню старшего лейтенанта, усатого, со светлыми славянскими глазами па загорелом до черноты лице.

— Сколько вы там будете о нас сказочки рассказывать? — энергично начал он. — Мы здесь что... цветочки разводим?

К счастью, незадолго до командировки нас, небольшую группу литераторов, принимал начальник ГлавПУРа генерал армии А. Д. Лизичев, и разговор там шел как раз об этом. Пора было кончать с позорным лицемерием и

говорить о нашей войне на южных рубежах во весь голос. Не найдется, пожалуй, такого уголка в стране, где не появились бы на местных кладбищах свеженькие обелиски с традиционной красноармейской звездочкой. Военная авантюра за хребтами Гиндукуша собирала свою кровавую жатву. А наша печать продолжала талдычить о непостижимости сложного внутреннего мира проституток, фарцовщиков и наркоманов.

Признаться, я чувствовал себя неловко. Упрек был заслуженный.

— Ребята, можете поверить: скоро все пойдет совсем иначе. Вот увидите!

Действительно, буквально в те же дни положение изменилось враз, и страна стала узнавать имена своих молодых Героев. А их к тому времени, если мне не изменяет память, насчитывалось уже более семидесяти. Целая галлерея отважных сынов нашей Отчизны!

Нет, не прервалась связь времен и поколений! Незримые, но неистребимые нити тянутся с гражданской через Великую Отечественную и туда, в желтые горы Афганистана. И не нужно этим отважным ребятам клеить ярлыки бессмысленного существования. Они знают, постигли главный принцип нашего бытия: страшно жить, если не за что умирать!

В Кабуле нас возил на джипе симпатичный паренек-таджик по имени Сайфутдин. Мы называли его Саша. Мастер на все руки, он с одинаковым успехом управлял автомашиной, бронетранспортером и даже танком. В Афганистане Саша работал больше семи лет, приехал туда еще при короле. Он рассказывал о былом отношении афганцев к «шурави»: оно было на грани преклонения. Король однажды собрал вождей племен и строго предупредил, что если с головы советского человека упадет хоть волос, отвечать будет все племя. И «шурави», советские специалисты, работавшие в Афганистане, чувствовали себя там, пожалуй, даже лучше, чем дома. Один из них, устав в дороге, прилег отдохнуть в тени кустов и задремал. Разбудили его разбойники, оборванные, хорошо вооруженные люди. Узнав, что перед ними «шурави», они пришли в ужас и ударились в бегство...

Судите сами, что должно было произойти в душе афганца, поднявшегося на священную войну. И это кровавое

побоище мы вызвали сами, вломившись в чужой монастырь со своим уставом.

Одним неверным безрассудным шагом перечеркнули многолетнюю кропотливую работу!

У Сайфутдина-Саши прелестная семья: молоденькая жена и двое ребятишек. Жена мастерски варит русский борщ, невероятно вкусный. Живут они в микрорайоне за речкой. Рядом до заката солнца кипит небольшой азиатский базарчик. Как-то за разговорами не сразу обратили внимание, что затих сынишка Саши карапуз Адиль. Кинулись в одну комнату, в другую — нету. Увидели — входная дверь открыта. Жена Саши помертвела и схватилась за щеки. Лишь прошедшей ночью население микрорайона было взбудоражено отчаянной стрельбой. Патрули заметили мелькнувшую в кустах тень, послышался окрик. Человек ударился бежать. Автоматная очередь настигла его возле поворота за угол дома. Душман выл и катался как раз под Сашиным балконом. Минут через десять он затих... Днем во всем микрорайоне возле своих подъездов играет советская ребятня. Отлучаться далеко от дома ей строжайше запрещено. Время от времени кто-нибудь из взрослых выглянет с балкона вниз: все ли на месте.

Маленький Адиль отыскался на базарчике. Ему наскучило домашнее затворничество, и он, как в Душанбе, спустился вниз, не стал играть с ребятней, а отправился побродить. Ноги привели его туда, где многолюдно и шумно. Зная восточный обычай, он, как самый младший, первым подошел с протянутой рукой к старикам. Прижав его крохотную ручонку, умиленные старики пригласили карапуза пить чай. Привычно подогнув ноги, Адиль степенно потягивал янтарный напиток из пиалы и отвечал на расспросы. Увидев насмерть перепуганных родителей, Адиль не уронил достоинства и солидно обошел своих гостеприимных хозяев с рукопожатиями...

Таковы черточки быта наших людей в Кабуле.

Ранняя весна в Афганистане напомнила мне алма-атинскую. Тепло днем и морозно по ночам. Едва сядет солнце, с гор дует резкий ветер, и жители в заскорузлых опорках на босых ногах изо всех сил кутают головы в какие-то библейские хламиды.

21 марта в Афганистане празднуется «науруз», мусульманский Новый год. По древнему летосчислению наступает 1362 год. Средневековье дремучее. Недаром американцы намеревались сохранить эту древнейшую страну в

неприкосновении — как своеобразный исторический, географический и этнографический музей. Что-то вроде резервации, где туристы со всего света могли бы воочию посмотреть самое пастоящее средневековье.

Новогодняя ночь проходит как обычно. Комендантский час начинается с десяти, на перекрестках дежурят танки и бронетранспортеры, кое-где теплятся небольшие костры. Вдруг прострекотала автоматная очередь. Ждем, сейчас закричит подстреленный, однако нет, вязкая, густая тишина, безмолвие. Кто же стрелял? В кого? Невольно вспоминается рассказ, больше похожий на местный анекдот. За несколько минут до наступления комендантского часа по улице несется автомобиль. Шофер торопится. Раздается окрик патруля: «Дриш!» («Стой!»). Солдат с автоматом подходит к высунувшемуся из кабины водителю и спокойно всаживает в него очередь. На вопрос, зачем он это сделал, ведь десяти часов еще нет, он отвечает: «А я его знаю. Он все равно до десяти не успел бы доехать до дома».

В гостинице, едва входишь в номер, следует первым делом задернуть плотные тяжелые шторы и только после этого включать свет. По человеческому силуэту в окне легко прицелиться. Афганцы — природные снайперы, они не расстаются с ружьями с детских лет. У них на вооружении английские винтовки БУР, они прицельно бьют километра на два. Так что в окнах лучше не показываться.

В новогоднюю ночь далеко от дома не лежится и не спится. Выключив свет, отодвигаешь в сторону штору. Тишина. В темное окно видна яркая звезда, словно уцепившаяся за тонкую иглу минарета.

Чужое небо, чужие обычаи, чужая страна...

Задача политиков, мне кажется, заключается в том, чтобы заставлять своих противников совершать поступки, пагубные для них самих. При искусной стратегии противник должен быть поражен исключительно чужими руками, включая и его собственные. Свои издержки при этом стратег планирует самые минимальные...

Убедиться в этом мы можем на примере Афганистана. Мы, что называется, врюхались в такую ситуацию, что последствия ее невозможно пока угадать. Центральное разведывательное управление США показало высокий класс работы. Недаром там собраны самые выдающиеся умы.

Что ждет истерзанный Афганистан в ближайшем будущем?

Любое пророчество здесь слишком рискованно. И все же одно бесспорно: пребывание «шурави» на этой древней земле не пройдет бесследно. Взять хотя бы положение женщины. При народной власти афганка впервые разогнула спину рабыни и скинула с лица паранджу. Что же, она снова покорной вернется в постылое рабство? Да и обстановка в кишлаках тоже дала капитальнейшую трещину.

Ошибочно думать о сплоченности сил сопротивления. Пока что их объединяет борьба с кабульским режимом. Но незачем быть провидцем, чтобы предсказать ожесточенную грызню за власть между недавними соратниками. Наиболее активную силу, как мне кажется, будут представлять полевые командиры, то есть те, кто вынес основные тяготы войны. В частности, такой человек, как знаменитый Ахмад-шах непременно заявит о себе как искуснейший боец и на политической арене... Само собой, в ход будут пущены племенные, религиозные, этнические и многие другие мотивы. А борьба за власть в Афганистане традиционно сопровождается великой кровью. Так что впереди у афганцев нелегкие испытания.

Но, может быть, здесь последует командный окрик тех же американцев? Едва ли. Во-первых, хозяйские окрики действуют на душманов до известного предела, а во-вторых, самим американцам сплочение всех групп сопротивления грозит появлением на политической арене нового Хомейни.

Повторяю: Азия чрезвычайно нервный и капризный регион.

Нам рассказывали о недавнем случае. Из Кабула в отдаленную провинцию на небольшом автобусе выехала группа советских специалистов сельского хозяйства. На дороге автобус остановила банда душманов. Среди безоружных агрономов находился один человек с пистолетом. Он не успел ни разу выстрелить, его уложили на месте. Пленников отвели в кишлак и заперли в сарае. Предводитель банды намеревался получить изрядный куш за каждую голову захваченных «шурави»... Из Кабула удалось установить связь с родным братом предводителя душманской банды. Соблазнившись крупной суммой денег, он выдал местонахождение пленников и сообщил, что вскоре их попытаются переправить в Пакистан.

Сведения оказались правильными. Группа наших бойцов «спецназа» удачно выбрала момент для нападения на караван, вышедший из кишлака в далекую дорогу. Бой был недолгим. Из наших пострадал только один: пуля попала в руку. Но тут же выяснилось непредвиденное обстоятельство: в разбитом караване оказалась лишь половина пленников. А где же остальные? Душманы рассказали, что группу «шурави» разделили пополам, оставшиеся по-прежнему сидят в кишлаке. Выходит, подкупленный душман сказал только половину правды? Группа «спецназа» кинулась к кишлаку и, конечно же, опоздала: всех «шурави» душманы наспех перебили и ушли в горы.

Такова Азия: коварная, неверная, капризная...

Впервые попав в Афганистан, я встретил там мусульманский Новый год. Вторая командировка пришлась на великий пост правоверных мусульман — рамадан. По преданию, пророк в эти постные дни записал со слов аллаха священную книгу Коран.

Три с половиной года очень много. Ни на один день не утихают выстрелы и взрывы, помимо открытой войны идет еще и тайная, скрытая от глаз. Исчез куда-то незадачливый Бабрак Кармаль, его сменил «на троне» генерал Наджиб, вскоре однако назвавшийся Наджибуллой.

По-прежнему пестры и пыльны улицы Кабула. По-прежнему чернявые солдаты-афганцы, исправно несущие караульную службу, приветствуют «шурави» довольно странным способом: держа карабин на плече, солдат отставляет далеко вбок ногу и вдруг резко приставляет ее, стараясь погромче щелкнуть каблуком о каблук... И все же присутствие «шурави», набирающая мах война, мероприятия народного правительства — все это, в общем-то, заметно сказалось на облике большого города. Исчезли с улиц бесчисленные нищенки с грудными ребятишками на руках, изменились и библейские нравы мужчин — прежде любой из них прямо на тротуаре, среди прохожих, без всякого стеснения задирал свою длинную рубаху и присаживался по нужде. Исчезла, потускнела созерцательная леность Востока — клерки в обязательных пиджаках и галстуках бегали деловито и озабоченно. Но все так же тащились по пыльным улицам громадные телеги, запряженные тощими хазарейцами в захватанных

тюрбанах, проносились замысловато раскрашенные грузовики, а едва солнце склонялось к кромке гор, на улицы выползали бронетранспортеры с тепло одетыми солдатами на броне, на перекрестках появлялись танки. Близился комендантский час.

Религиозность афганцев на уровне фанатизма, особенно во время великого поста. От зари до зари жители не ели, не пили. Работа учреждений шла через пень-колоду. Вся городская жизнь — в мечетях. На полу, подвернув ноги, плотно сидят бородатые мужчины. Муллы, сменяя один другого, читают коран. Причем у каждого из них своя манера чтения. Некоторые чуть ли не поют. Мне запомнился молоденький мулла с редкой бородкой: он зачем-то прикладывал руку к уху, запрокидывался назад и, выставив кадык, издавал пронзительные вопли. Такое чтение, чрезвычайно эмоциональное, мало-помалу нагнетало возбуждение, и толпа бородачей принималась откликаться на вопли священнослужителя дружным глухим ропотом.

Не такая ли толпа фанатиков растерзала в прошлом веке нашего посла в Персии Грибоедова?

Все майские дни, пока тянется рамадан, жизнь «шурави» в Кабуле отмечена особенным затворничеством. Появляться на улице попросту рискованно. Оба «советских» района афганской столицы: возле посольства и за мутной, мелководной речонкой Кабул усиленно охраняются днем и ночью. Для посещения магазинов и базаров нашим отведен четверг. В этот день в торговых рядах один за другим прохаживаются патрули десантников.

Однообразное существование в хорошо охраняемой гостинице угнетает. Попасть в такую колоритную страну и сидеть в четырех стенах! Искушение наплевать на запрет точило и одолевало. В конце концов я сумел уговорить Асефа, молодого афганца, учившегося у нас в Ставрополе. «Кому суждено утонуть, тот не повесится!» А у мусульман на все случаи жизни существует фатальная присказка: «ин-ш-алла», то есть «если позволит бог». И мы с Асефом отправились мотаться по городу.

О, кабульские базары! Мне посчастливилось побывать на базарах в Стамбуле, Каире и Тунисе. Азиатские торжища поражают многолюдием, пестротой, запутанностью улочек и переулков. Без опытного провожатого там заблудишься. Кроме назначения «купить — продать», азиатские базары обладают еще и весомой политической

властью. «Что говорят на базаре?» Или: «Что скажет базар?» Об этом не имеет права забывать ни один политик. Кабульские базары не являются исключением. Здесь зарождаются слухи, здесь вырабатывается политическая линия, которая легко поднимает человеческие массы, здесь выносятся приговоры. Как-то базар решил объявить забастовку и постановил, что с утра все лавчонки-дуканы останутся закрытыми. Народная власть, естественно, бросилась к торговцам с призывом не поддаваться смутьянам. Наступило мрачное утро. Базар непривычно обезлюдел. Открылась лишь лавка отчаянного мясника. Испуганные люди поглядывали на него, как на обреченного. Мыслимое ли дело — пойти наперекор базару! И на следующее утро посетители вновь зашумевшего базара содрогнулись: на металлическом крюке, где вчера висела туша освежеванного барана, была надета мертвая голова храбреца-дуканщика.

Крюк блестит, начищен. На него почему-то уже не вешают мясных кусков. Мне показалось, что в самом назначении его угадывается что-то назидательное. Он словно напоминает и предостерегает от непослушания.

Худенький Асеф, усмехнувшись, принимается о чем-то расспрашивать медлительных надменных торговцев, восседающих на пороге своих дуканов. Улавливаю лишь слово «Брежнев». Бородачи-дуканщики едва поворачивают головы и медлительно указывают куда-то в глубь базара. Их бесстрастные глаза прикрыты веками, однако я прямо-таки ощущаю на своей коже всю силу их пристальных взглядов. Они, конечно же, сразу распознали во мне «шурави» и теперь недоумевают: что за блажь привела меня сюда, в самое чрево кабульского торжища? Однако мужчине подобает степенность. Пусть презренный кяфир бродит себе по базару. Всемогущий аллах для всего подготавливает предпосылки. Во всем его святая воля. Ин-ш-алла...

Асеф между тем увлекает меня все дальше. Вот уже кончились ковровые ряды, исчезли тряпки, косметика. Лавчонки становятся все беднее, невзрачнее.

— Пойдем, я покажу тебе брежневский базар!

От изумления я даже остановился. Как? Неужели и здесь?

Если бы я не слышал, как Асеф спрашивал дорогу, можно было бы все принять за розыгрыш.

Следует признать, что за несколько лет нашего «при-

сутствия» в Афганистане Кабул обзавелся такой повинкой, как знаменитый брежневский базар. После десятка поворотов, преодолев какие-то тупички и переулки, мы попадаем в царство металлического хлама. Сотни лавчонок завалены непонятным ржавьем. Суетятся подручные мальчишки, сортируя болты, гайки, таская блестящие ящики из-под патронов. Сами торговцы степенно потягивают горячий чай. И снова ощущение, что меня плотно ощупывают их удивленные взгляды.

— Чем же здесь торгуют? — спрашиваю я. — Этими железками?

Асеф усмехается. По его словам, здесь можно купить буквально все: от горсти патронов к автомату Калашникова до танка. Ну, а о лекарствах нечего и говорить...

И стыдно, и горько слышать такое. Сумели опозориться даже там! Впрочем, война всегда была прекрасным средством для наживы.

О коммерческой деятельности всякого рода прохвостов рассказывают вслух, нисколько не таясь. Мелочь, вроде проданного автомата, никого не удивляет. В первый свой приезд я удивился предпринимательскому размаху одного высокого чиновника. Работая советником на высочайшем окладе, он время от времени отправлял на родину таинственные посылки. Последнюю посылку вскрыли. Там оказалось 14 килограммов золота. А чиновник уже собирался уезжать домой: на руках у него было назначение заместителем Председателя Совета Министров Таджикской ССР. Естественно, вместо Душанбе он в наручниках отправился в Москву, в Лефортово...

Но ведь кто-то же покровительствовал этому негодяю, помогал и прикрывал! В одиночку он красть не мог, орудовала сколотившаяся компания, «кодла». Жаль, что имен этой преступной мафии мы не узнаем никогда. Хотя по законам войны их следовало расстреливать на месте.

Днями отдохновения у православных считается воскресенье, у иудеев — суббота, у мусульман же — пятница. В этот день в Кабуле не работает ни одно учреждение. Мечети переполнены, базары — тоже. Пыльные улицы запружены человеческим муравейником необычной пестроты.

В один из таких дней военный патруль обратил внимание на ослика, одиноко бредущего к базару. Мелко семеня, ослик тащил два перекинутых через спину мешка-хурджина. Патруль заметил струйку дыма: из одного мешка свешивался тлеющий бикфордов шнур. В хурджинах оказалось несколько килограммов сильнейшей взрывчатки. Расчет был на то, что ослик беспрепятственно достигнет базара и затешется в людскую толчею.

Но кто же хозяин животного, кто снарядил его?

Вечером догадались отпустить осла и тот, не колеблясь, затрусил привычной дорогой к дому. Следователи только руками всплеснули: хозяином дома оказался один из крупных чинов военного ведомства.

Детективный этот случай красноречиво говорит о том, что душманы идут на самые крайние меры. Взрыв может прогреметь где угодно: в магазине, на базаре, на автобусной остановке, в кинотеатре, в мечети и даже в школе. Гибнут мирные жители: дети, женщины, старики. Но, с другой стороны, случай этот свидетельствует и о том, какое глубокое подполье существует у душманов в самой столице. И ничего удивительного в этом нет. Американские и китайские советники не привыкли получать даром деньги. Специалисты своего дела, они ведут подрывную деятельность на высочайшем уровне.

Однажды кабульский базар чуть не онемел от изумления: в Пакистан, к непримиримым, сбежал младший брат самого Наджибуллы. Слух полетел от дукана к дукану и вскоре ворвался в город. Известие и в самом деле ошеломляющее. Ну, если уж такие люди!.. Но что же стояло за предательством? Какая бездна тонкой и целенаправленной работы? Без всякого сомнения, здесь работали специалисты высокой квалификации.

Газеты пишут о раздорах среди руководителей пешаварской «семерки», но ни слова не говорят о разладе в кабульском руководстве. Слов нет, разногласия среди душманских предводителей намного облегчают борьбу с ними, но в то же время и раздоры среди правящей партии в Кабуле явно играют на руку военной оппозиции. Партия Наджибуллы расколота на две антагонистических группировки «Хальк» и «Парчам», и за все годы гражданской войны междоусобица обострилась невероятно.

Мы, советские люди, слишком привыкли судить обо всем на свой манер. Однако в каждой стране свои порядки и обычаи.

На встрече с молодыми афганскими писателями я, сам того не ожидая, попал в неловкое положение. Считая, что

комсомольский билет имеется у каждого, я привычно заговорил в «комсомольском духе» и сразу же почувствовал среди слушателей напряжение. В чем дело? Тут же выяснилось, что среди молодых литераторов почти нет членов Демократического союза молодежи (ДОМА).

— Неужели вы считаете, — заявил один из них, — что патриотом может быть лишь член ДОМА?

Урок нашему брату, и урок, что называется, предметный, ощутимый. Но, с другой стороны, кого винить в этом? Ни в одной же газете об этом нет ни слова!

Фарид Маздак, секретарь ДОМА, парень лет тридцати, с несмелой застенчивой улыбкой. Он носит наглухо застегнутый полувоенный китель, держится прямо, жесты его скупы. Русским языком владеет, но с запинкой. Советником у него работает Саша Балан, человек невероятной энергии. Недавно Фарид стал членом Политбюро НДПА, свидетельство того, какое значение придается в республике работе с молодежью. Однако Фарид, при всем своем оптимизме, нисколько не скрывает трудностей. Слишком много допущено ошибок, слишком много, как он признается, «проколов». А враг постоянно начеку и ни одной ошибки не прощает!

Каждого, кто приезжает из Советского Союза, интересует один вопрос: что же будет, когда наши войска уйдут домой? Фарид сжимает губы и произносит: будем сражаться!

Решимость, что и говорить, похвальная. Но я уже успел достаточно приглядеться. Душманские формирования вдохновляет религиозный фанатизм, они ведут священную войну — джихад. Имеется ли в идейном арсенале молодой республики, вернее, у ее полков и дивизий что-то столь же объединяющее, как зеленое знамя пророка?

Раздумывать об этом невольно заставляет хотя бы тот же случай на беседе с молодыми литераторами.

А через несколько дней, проезжая по центральному проспекту, мы не могли не обратить внимания на поднявшуюся суматоху среди прохожих. Народ бежал в разные стороны, мелькали зеленые мундиры солдат. Нескольких парней, завернув им руки за спину, солдаты вели к закрытым грузовикам... Мы не поверили своим ушам, узнав, что таким вот способом, методом облавы, происходит в Афганистане призыв в армию. Стоит ли поэтому удивляться, что примерно половина новобранцев,

едва получив шинели и оружие, при первом же случае уходят в горы, к душманам.

Впоследствии на встречах с кабульской молодежью я уже не удивлялся, если парни вдруг вскакивали и, не говоря ни слова, бежали к телефону: позвонить и успокоить домашних, что они живы, здоровы и не угодили в очередную облаву.

Так на кого же надеяться в предстоящих сражениях, как не на этих парней?

Тяжелым, очень невеселым мыслям нет конца и края...

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!..»

Поэтому я с такой настойчивостью добивался встречи с кем-нибудь из тех, кто сражался с народной властью. Прожив почти всю жизнь в Азии, я, быть может, чуточку глубже остальных понимал состояние тех, кто с оружием в руках встал под зеленые знамена ислама.

На Востоке говорят: благочестивый человек — это тот, кто испытывает страх перед Господом и трепещет в ожидании Дня Суда. В этот день мертвые пробудятся в невыразимом отчаянии и каждый будет судим сообразно своим делам.

Но в то же время не следует закрывать глаза и на своеобразное восточное диссидентство. Сегодня мы повинуемся нашему повелителю, изрекает гордый кочевник, но завтра мы не слушаемся его. Мы не чувствуем себя обязанными всегда искать совета. Поэтому-то азиатский регион капризен и порой непостижим для европейца.

Желание встретиться и поговорить с глазу на глаз с кем-нибудь из «непримиримых» возникло еще в первую командировку. Нас тогда привели в зал, где собралось около двухсот командиров душманских банд, недавно сдавшихся в плен (тогда они еще сдавались в таких количествах и добровольно складывали заграничное оружие). До сих пор помню ощущение от колючих, но прикрытых восточным безразличием взглядов этих людей. Рука сама собой тянулась к рукоятке пистолета. Но все же что у них на душе, на сердце?

Желание поговорить с душманом — причем я добивался встречи с самым злым, с самым непримиримым — осуществилось лишь в дни второй командировки.

Кабинет уполномоченного комитета госбезопасности. Расспрашиваю о некоем Кудусе, известном далеко за пре-

делами Афганистана. В бою ему оторвало ногу. Его вывезли для лечения во Францию, там ему изготовили три протеза: для ходьбы по горам, для езды на машине. Вернувшись на родину, Кудус снова взял в руки оружие. Его схватили в бою, за пулеметом... Уполномоченный Комитета госбезопасности сказал, что Кудуса уже расстреляли. Но в тюрьме Поли-Чорхи сейчас находится примерно такой же непримиримый, с ним можно встретиться и поговорить.

Знаменитая кабульская тюрьма находится далеко за городом по дороге в Джелалабад. На трех машинах мы отправились в путь. В двух машинах поместились парни в штатском, вооруженные до зубов.

Начальник тюрьмы, подполковник, долго и задумчиво разглядывал меня. Наконец он объявил, что мне следует выдать себя за бразильского журналиста. С советским человеком, с «шурави», душман откажется разговаривать.

— Немецкого языка не знаете? — спросил он. — Он хорошо говорит по-немецки.

Странный душман...

На зеленую лужайку среди высоких кирпичных стен вывели человека лет тридцати с тонким интеллигентным лицом. На нем была традиционная до пят рубаха, вязаная шапочка и сандалии на босу ногу. Быстрый взгляд, поджатые губы. Конвой отошел в сторону, оставив нас одних. Мы уселись на расставленные по лужайке стулья.

Не укладывается этот человек, похожий на аспиранта, в традиционный облик озверелого душмана!

И все же передо мной сидел один из самых отчаянных, самых непримиримых. Он долгое время возглавлял боевой отряд, действовавший в окрестностях Кабула. В этот отряд обычно наезжали западные журналисты, снимавшие сцены боев. Отряд действует до сих пор, только уже без своего командира. Душман попался, как он выразился, по-глупому: пришел ночью проведать своих, пробрался незамеченным в дом и тут нагрянула облава. Наивно спрятавшись в подпол, он даже не захватил с собою пистолета. Взяли его, что говорится, тепленьким.

Судьба этого воина ислама складывалась не совсем традиционно. Ему уже 35 лет, а он еще не женат. Обычно афганцы женятся рано, заводят кучу ребятишек. Этот же встал на путь аскета, на семью у него попросту не остается времени. Рассуждая о будущем своей страны, он видит образец для подражания в Иране. Мусульманский фундаментализм имеет тенденцию к объединению под зеленым знаменем пророка трех стран-соседей: Пакистана, Ирана и теперь вот Афганистана.

О жестокости душманов написано уже немало. С особенной изощренностью они отводят свою душу над пленными советскими солдатами. Буквально на днях несколько солдат забрались в автомашину и отправились за гравием для стройки. Ехать было совсем недалеко, никто из них не взял даже карабина. На самой окраине Кабула к автомашине выскочила засада душманов. На виду всего города солдат связали и уволокли в лощинку. Ни одного из них не оставили в живых. Душманы орудовали в основном ножами. В лощине они оставили груду зверски освежеванных трупов. Зрелище, как рассказывали, не для слабонервных...

Вполне могло быть, что действовали мясники из отряда вот этого. Месть за командира.

— Нет, — замотал головой душман, — я с пленными не расправлялся. Я их сдавал.

Именно от него я услышал, что в Пешаваре находится примерно двести наших солдат. Думаю, эта цифра наиболее реальная. Из 311 наших пленных, о которых сейчас пишется, вероятно, больше трети погибли.

Душман неохотно рассказывал, что он из крестьянской семьи, учился в университете. Крестьянин? Я обратил внимание на его руки. Тонкие пальцы, даже изящные — руки музыканта.

Он усмехнулся:

— Я уже семь лет воюю.

В то время в печати стали появляться новости о каких-то разногласиях душманов с китайцами. Дело доходило чуть ли не до разрыва.

— Мы и с Китаем будем воевать, — небрежно обронил мой собеседник. — Пока нас всех не убьют, мы не покоримся.

Бывший боевик принадлежал к группировке знаменитого Гульбеддина. О сложной системе взаимоотношений между членами всех семи партий непримиримых он имел самое приблизительное представление. Да это его и не интересовало. Сначала следовало изгнать из страны ненавистных «шурави».

В настоящее время окружающий мир представляется ему исключительно в черном и белом изображении его оттенков. Так ему проще. Он словно автомат, заряженный

на прицельную стрельбу. Рассуждать пока не требуется, в голове полная ясность. Невольно вспомнились примерно такие же разговоры в Алма-Ате, с тамошними националистами. «Убирайтесь домой!» Причем в ходу это требование лишь у работников умственного труда, ни сталевар Темир-Тау, ни чимкентский колхозник, ни угольщик Экибастуза никогда себе такого не позволит. И в этом его отличие от человека праздного, стригущего жизненные купоны за счет своего безответственного языка... Но и у тех, и у этого вот четко видно стремление повелевать, владеть, распоряжаться. И как раз в этом-то и заключены предстоящие схватки за власть, но уже не с пришельцами, а исключительно между своими. Место наверху одно, а желающих множество. И каждый из претендентов не один, а со своим воинством... Словом, самая большая кровь у афганцев, на мой взгляд, еще впереди.

На вопрос, чего он ждет от судебного заседания, душман поднял глаза к синему-синему небу, затем взглянул на свои босые ноги и без всякой рисовки объявил, что скорее всего его расстреляют.

Мы поднялись. Он вдруг с хрустом стиснул пальцы и быстро проговорил, что просит передать на Запад о том, какое количество невинно заключенных томится в здешней тюрьме.

Невинных? Да, быстро говорит душман, недавно сюда привезли несколько сот арестованных офицеров.

Конвой повел его обратно в камеру. На крыльце он оглянулся и в последний раз взглянул на удивительно синее сегодня небо над горами. Весна уже пришла и от унылой ледяной зимы не осталось и следа.

Из головы не выходят арестованные офицеры. Несколько сот... Почему так много сразу? Раскрытый заговор? Чистка по подозрению?

Ясно одно: нелегкие, скрытые от глаз процессы ни на минуту не прекращаются в этой терзаемой войной стране.

Если войну не видел собственными глазами, приблизительное представление о ней дают мучения инвалидов. Сколько их прошло и до сих пор ходит перед нашими глазами! С сороковых годов наши инвалиды поседели, огрузли. Да и меньше их становится на наших улицах, в очередях: сказываются возраст и застарелые увечья. Где-то сейчас, жив ли, отважный минометчик Иван Табала, орденоносец, смолоду принужденный прыгать через всю оставшуюся жизнь на одной негнущейся ноге? И нет уже на белом свете моего старинного друга, скромного писателя Володи Даненбурга, в свои 18 лет угодившего в Австрии под разрыв немецкой мины и покалеченного так, что страшно смотреть. После девяти тяжелейших операций на черепе у него головной мозг был прикрыт лишь пленкой кожи, и она «дышала». Из двух рук у него действовала одна, да и та с «вилкой» — двумя уродливыми пальцами, скроенными хирургами из расщепленной кости.

Прошу вдуматься в эти слова: стать инвалидом первой группы в 18 лет! А впереди еще целая жизнь. Так вот всю свою оставшуюся жизнь Володя, прошу прощения за такую житейскую подробность, не мог сходить в туалет без своей тихой и самоотверженной мученицы-жены.

К таким людям я с малых лет отношусь с поклонением. Своим увечьем они заплатили и за меня!

Но те, тогдашние, сражались на Великой войне, они защищали народ, страну, само существование человечества. А эти? Эти-то за что гибнут и калечатся? «Интернациональный долг...» Как навязли в ушах эти барабанные слова! Выходит, наша детвора появляется на свет уже с каким-то большим, неоплаченным долгом. Кому они должны? Когда успели задолжать?

И снова слова проклятья тем, кто по глупости, по безрассудству послал сюда наших ребят. Послал умирать и получать тяжелые увечья.

Преклоняюсь перед дисциплинированностью и мужеством наших солдат и офицеров и проклинаю тех, на ком лежит вина за это ненужное, преступное кровопролитие.

От посещения кабульского госпиталя осталось тягостное впечатление. Два раза я ощутил в Афганистане, как словно сильная корявая рука сжала горло и сердце: когда заглядывал под брезент, которым накрыты погибшие в бою ребята, и в солдатской палате госпиталя.

В офицерской палате все же легче: имеешь дело с профессионалами. Эти люди сознательно избрали военную специальность. Можно сказать, они для войны и готовятся. Но солдаты... По возрасту они все годились мне во внуки. На железных коечках лежали ребятишки 18—20 лет. Никогда не забуду мальчишку с оторванной ногой. Он лежал на спине, обеими руками прижав к животу подживающую безобразную культю. За все время,

пока мы находились в палате, он не переменил позы, не отвел глаз от потолка. Какая пустота была в его глазах, какая отрешенность! Естественно, он уже отвоевался, выполнил свой «долг», но жизнь только начиналась. Скоро он вернется домой и... что его там встретит? Жалость? Понимание? А, может быть, насмешки? К сожалению, все это не чисто риторические вопросы.

Разве мы не знаем о налоге, который начинают взыскивать с убитых горем родителей, потерявших в Афганистане единственного ребенка? А что сказать о чиновнике, приславшем исполнительный лист солдату, искалеченному в бою с душманами? Этого солдата вынесли из боя обгоревшим. Комбинезон с его тела срезали по кусочкам. И вот негодяй-чиновник решил взыскать с выписавшегося из госпиталя инвалида стоимость комбинезона в десятикратном размере!

Боже, бедная моя страна! Ну когда же мы избавимся от мерзавцев!

Кабульский госпиталь набит битком. Двухэтажные койки стояли в подвале. На нижней коечке сидели двое парнишек. Тонкие шеи, отросшие косицы волос. Один из них задрал пижамную штанину. По всей ноге сверху донизу краснели, словно заклепки, поджившие следы автоматной очереди. Врачи спасли парнишке ногу, но она пока не гнулась. А станет ли гнуться? Оба приятеля сумрачно ковыряли болячки-заклепки. Когда они подняли на нас лица, меня поразили взрослые морщинки возле губ. Они уже перескочили через юность и стали мужиками, солдатами. Афганистан лишил их молодости и враз состарил.

На расспросы они отвечали неохотно. Сказали лишь, что призывались в Костромской области. Следовательно, деревенские ребята, колхозники...

Странно, талдычат и нудят о долге, однако платить его должны почему-то лишь эти костромские ребятишки. А где же, спрашивается, сынки высокопоставленных? Их в Афганистане нет ни одного... О том же самом я прочел не так давно в «Известиях». Известный летчик-космонавт, побывав на строительстве БАМа, с болью констатировал, что среди энтузиастов-комсомольцев не было ни одного «сынка» или «зятька». Для них долг — тепленькие местечки в посольствах за границей.

И напрасно думать, что ребята, прошедшие огонь афганской войны, ни о чем таком не рассуждают...

Никакого зала в госпитале нет. В небольшом дворике, под деревьями, сооружена эстрада и несколько рядов трибуны. Ходячие раненые взобрались на трибунку, лежачих принесли на носилках и поместили в тень погуще. Они лежали, прикрытые до пояса одеялом, подбив под голову подушку.

Никаких лекций я читать не собирался, да и не нужны там никакие лекции. Эти парни жаждут свежего слова, поэтому разговаривать с ними следует с предельной откровенностью, без лукавства и уж, конечно, без надоевшей демагогии.

Нет ничего удивительного в том, что вопросы раненых в основном сводились к одному: что происходит у нас в стране? Оторванные от родной земли, они, как видно, получали самую скудную и тщательно процеженную информацию. Свежий человек с родины там редкость, и на него буквально накидываются. И надо сказать, что писатели, пожалуй, самые безотказные командированные на эту нашу странную войну. Правда, не все, далеко не все. Скривил губы и отказался поехать А. Вознесенский. Не смогли уговорить выступить перед молодыми солдатами и бывшего фронтовика Б. Окуджаву. А такой общественник, как Евтушенко, на предложение поехать в Афганистан прямо заявил: «Вы меня оскорбляете!» Зато недавно в «Огоньке» он опубликовал стихотворение «Афганский муравей». Трудно представить что-либо более гнусное, глумливое! Не вылезая из-за рубежа, в три горла пожирая там всевозможные подачки, он упрекает наших ребят за преданность, за верность воинскому долгу... Маститый блинохват и горлопан, он сейчас вроде бы всеми силами борется с последствиями периода застоя. Подошел бы лучше к зеркалу да хорошенько вгляделся! Кто, как не он, в годы застоя получил Государственную премию и несколько орденов, много раз выпускал собрания сочинений, завел два дворца в Союзе и недвижимость в Англии, объехал более ста стран мира... Это же с ним надо бороться, как с ядовитым чертополохом лет застоя! Так нет же, он в числе самых голосистых «рыцарей» и «прорабов».

Воистину, перестройке еще понадобятся свои рыцари. Но пока что мы больше видим и слышим мародеров и архаровцев перестройки!

Итак, от Афганистана, от наших ребят в солдатской форме эти литераторы шарахнулись в сторону. А вот в

Израиль ездят с большой охотой и воодушевлением. И ездят в то самое время, когда озверелая израильская солдатня в упор расстреливает из автоматов ребятишек и стариков, закапывает живых палестинцев в землю. Своими ушами слышал, как Окуджава с умилением восхищался приемом израильтян: «Я здесь, как дома!». Не хуже встречал Израиль и Евтушенко.

Может быть, это и к лучшему, что маршруты подобных деятелей пролегают далеко от наших ребят с оружием в руках. Что они могут сказать бойцам и офицерам? Пусть уж срывают аплодисменты в милом их сердцам Израиле!

В самом конце встречи в госпитальном дворике на носилках завозился раненый парнишка и вскинул руку. Просторный рукав нательной рубахи сполз к самому плечу. Парнишка нетерпеливо помахал кистью, требуя внимания... Признаться, ожидал какого угодно вопроса, но только не такого. Раненый с носилок вдруг спросил, как я отношусь к убийству царской семьи в июле 1918 года. Среди собравшихся порхнул и стих шумок, глаза заблестели. Что и говорить, вопрос словно выстрел в лоб. И надо же где: в Афганистане!

Лишь потом, ночью, в номере гостиницы «Ариана», хорошенько поразмышляв, я пришел к выводу, что ничего удивительного в этом интересе нет. Мне даже показалось, что именно там, в Афганистане, только и мог родиться такой вопрос. Почему? Все просто: в атмосфере никогда не виданной ими жестокости, когда не только слезинка ребенка, но даже его кровь не останавливала руку с ножом и автоматом, наши ребята впервые задумались о реках крови, которые пролил наш народ. А ведь секрета для пытливого ума тут никакого нет: истоки немыслимых кровавых рек лежат там, в не в таком уж далеком, но страшном Восемнадцатом году...

Вопрос раненого солдата не застал меня врасплох. Уничтожением царской семьи я интересуюсь уже давно, поэтому не стал отделываться общими словами, а отвечал, как того требовала необычная аудитория и сама обстановка...

Упоминаю об этом исключительно для того, чтобы показать, насколько остро, зрело и глубоко начинают задумываться наши дети и внуки, получив жестокую жизненную выучку. Это уже не развинченные, нарочито инфантильные ребятишки с Арбата, а настоящие мужчины, быстро, порою в несколько часов перескочившие через свою

юность, и у них отлично «варят котелки». Прятаться от их настойчивых расспросов попросту преступно. Если мы и дальше станем увиливать, ловчить, то рискуем заговорить на разных языках. А это страшно, ибо будущее-то все-таки за молодежью, а не за стариками.

Бессонница одолевает и в Кабуле. Время от времени в разных концах гигантского города раздаются выстрелы, иногда послышится человеческий крик, а ровно в четыре, когда еще ярки над крышами звезды, с минаретов льется густой голос, побуждающий правоверных вспомнить об Аллахе. Не дают покоя и мысли от всего увиденного и услышанного.

Признаться, вдали от Родины и думается как-то наособицу, — зачастую как бы в двух цветах, без каких-либо оттенков. Причина этого, мне кажется, именно в необычной обстановке. Война, хоть сам ты и не шел под пули, неминуемо обостряет восприятие и реакцию.

За две командировки в Афганистан удалось увидеться и поговорить со множеством людей. Сразу же хочу выделить молодых. Именно они вынесли на своих плечах всю тяжесть этой войны. И там, когда над головою постоянно витает смерть, судят и высказываются с такой прямотой, какая и положена перед боем. Этот бой может для любого из них оказаться последним, поэтому в суждениях молодых солдат нет ни грана лукавства и демагогии. Порою одна боль, и ее много, очень много.

В наши дни мы вроде бы радуемся гласности. Но разве гласность это лишь разоблачение каких-то «кремлевских» тайн? Мне кажется, в первую очередь это предельная честность. Если отважился на разговор с людьми, изволь все вещи называть своими именами. Хватит рядиться, прятаться за лукавыми словами! Недоговоренность означает полуправду, а следовательно, то же самое безгласие, что и прежде. Неминуемо рождаются домысливание, шепотки — питательная среда демона взаимного недоверия и даже ненависти. И этот демон все равно взорвет наше безгласие, так что выгоднее вовремя заговорить самим во всю силу голоса. Зачем ждать?

Не знаю, как кому, а мне уже изрядно надоели слащавые, умильные восторги: дескать, завидуем молодым, они живут в счастливейшее время. Вранье и демагогия! Под барабанные звонкие лозунги ребятишки своими гла-

зами видят расцвет чудовищного «блата», нисколько не прикрытого хотя бы из стыдливости. А к этому прилипчивому, весьма поучительному цинизму добавляется еще и массированная обработка вкусов, привычек, привязанности, идеалов. Так что уши молодых повседневно слышат одно, а глаза их в то же время видят совершенно иное, зачастую противоположное. Что же тут счастливого? Нет, они живут в страшное время.

Нашим ребятишкам можно только посочувствовать: трудно им в подобной обстановке сохраниться, трудно уцелеть.

Достойно удивления, что мы с началом нашей перестройки, с разгулом гласности абсолютно позабыли о таком солидном учреждении, как ЦРУ. А там в одном лишь центральном аппарате трудятся несколько десятков тысяч человек. Спрашивается: что же, обрадовавшись нашей перестройке, американцы не пашли ничего более умного, как переориентировать свое Центральное разведывательное управление на дела благотворительности?

Невооруженным, как говорится, глазом видно, как всяческая зараза поражает в первую очередь молодежь, наше будущее. И ничего случайного в этом нет. За рубежами нашей Родины в соответствующих организациях работают умные, опытные люди. А платить немалые деньги за пустое дело там не принято. Поэтому трудятся они со всем тщанием. Перед глазами у них печальная судьба Наполеона и Гитлера. Сама история доказала, что с нашим народом выходить на открытый бой в чистом поле бесполезно. Даже отступив до Волги, мы не теряем своей великой силы. Следовательно, остается им одно — взорвать нас изнутри. Потому-то и направляют они все свои усилия на молодых. Железного занавеса теперь не существует, заражай без всякого стеснения. Лозунги придумываются самые искусительные, однако суть остается одна и та же: чем хуже, тем лучше.

Вместо былого воспитания умелые люди взялись интенсивно развращать. Сексуальное развитие начинается уже с детского сада.

Недавно прочитал в газете, что в скором времени выйдет в свет первый том «Сексуальной энциклопедии», рассчитанной на читателей... 7-летнего возраста (второй том — для 11-летних). Так и вижу чадолюбивых родителей, бегающих в поисках презервативов для своих де-

тишек: могут же запросто заразиться! А бабушки, видимо, засядут за штопку этих непрочных изделий...

Музыка, зрелища, чтение рассчитаны сейчас исключительно на физиологию. Подростков искусственно возбуждают и толкают на якобы самостоятельные поступки, что на деле является явным подстрекательством, втягиванием людей, духовно еще не окрепших, но развитых физически, в политическую борьбу. Так, кстати, поступали Троцкий и Гитлер.

Если прежде молодежь слушала поучения о долге и обязанностях, то сейчас — исключительно о правах, о развлечениях.

Молодых истошно призывают: развлекайтесь! Плюньте на отцов и матерей, они вас не понимают и не в состоянии понять.

Прежде всего не верьте, что твердят вам о вашей истории. Татаро-монгольское иго? Вздор. Никакого ига не было, наоборот, нашествие этих орд было для России благом... Русские разбили Наполеона, Гитлера? Ну и чего добились? А может быть, их вовсе и не стоило разбивать?

Впрочем, не забивайте вы себе голову подобной чепухой. Гордость... Нашли чем гордиться! Вы лучше загляните себе в душу поглубже, поройтесь, покопайтесь там хорошенько. Ну, видите, что там на донышке? А если не видите, то сходите в кино, в театр, на вернисаж... Что, сходили? Посмотрели? Ну, видите теперь, какие вы гадкие и мерзкие, сколько в вас грязи? Так поскорее кайтесь, а не гордитесь!

Перед молодыми, чистыми, неопытными ребятишками разверзаются глубины темного, подсознательного, обязательно больного, криминального. И они заболевают немощью. А что же требовать с больных!

А ведь при всех режимах смуты и подстрекания считались самыми тяжкими грехами, наравне с безбожием и убийством.

А напор все сильнее и, надо признать, все прилипчивей, так сказать, доходчивей. В страну с помпой завезли сначала бейсбол, затем вдруг гольф. Интересно только, кто же будет играть в этот самый гольф? Уж не колхозники ли?

Предвижу, с какой спесью будут красоваться на зеленых полянах боссы отечественной мафии и валютные про-

ститутки, соревнуясь не в искусстве гольфа, а в суперкондициях костюмов и спортинвентаря.

Когда-то наши ребята, готовясь защищать страну, гордились занятиями в оборонных кружках, сдавали нормативы по физкультуре и стрельбе. Сейчас внедрено повальное увлечение каратэ — искусством убивать без оружия. И есть уже немало жертв молодых садистов, в основном старые люди, имевшие несчастье попасться на пути подгулявших «суперменов».

Когда-то наши ребята исповедывали комсомольский принцип — прежде думай о Родине, а потом о себе. Сейчас само слово Родина не исчезает из лексикона эстрадных юмористов.

Когда-то наши ребята считали себя вечными должниками народа и страны. Сейчас наоборот, очень многие уверены, что и страна и народ задолжали им на много лет вперед.

Когда-то ребята восхищались «Чапаевым», «Броненосцем «Потемкиным», «Мы из Кронштадта». Сейчас молодых пичкают откровенной порнографией. И при этом еще издеваются над легендарными комсомолками в летных шлемах!

Когда-то женщину можно было навек опозорить, сказав только: «Она курит!» Сейчас же предметом гордости стало лесбиянство и даже СПИД.

Испокон веков в спальнях и туалетах вешались двери с замками. Сейчас объектив киноаппарата лезет именно в постель и к унитазу, причем подается это как образцы великого искусства!

Еще совсем недавно мы нисколько не стеснялись и даже гордились тем, что у нас многое не так, как за рубежом. У вас так, а у нас так!

У вас «Лолита», а у нас любовь Гришки Мелехова и Аксиньи.

У вас «Обнаженная» Тулуз-Лотрека (в отвратительной позе), а у нас «Незнакомка» Крамского.

Потому-то мы и растем не такими, как вы!

Примеры? Да сколько угодно!

Немецкий вермахт при Гитлере был превосходнейшей военной машиной. Немцы — и это надо тоже признать — стойкие, отличные солдаты. Они доказали это тем же американцам, когда в самом конце войны, уже, как говорится, на излете, сумели их так шарахнуть в Арденнах, что те в панике слезно запросили у Сталина помощи.

Но я хочу обратить внимание вот на что: даже проигрывая войну, даже в небывалом крахе, ни один из немецких вояк не решился на самопожертвование, на подвиг Гастелло или Матросова. За всю войну немцы не применили ни одного тарана. А наш летчик, кстати, по фамилии Иванов, таранил фашистского стервятника уже на двадцатой минуте войны! И таких таранов было за войну более полутысячи...

Так нас формировали. И такими мы выросли.

И вдруг преданность, героизм, как и патриотизм, объявлены атавистическими пережитками!

Позорные события в Алма-Ате, как известно, произошли 17 декабря 1986 года. В тот день на улицах бывшего казачьего поселения Верного пролилась кровь правнуков тех, кто его когда-то основал. Русские ребята впервые своими глазами увидели звериный оскал национализма.

Буквально на следующий день, вечером, в традиционной передаче «Полевая почта «Юности» диктор начал вещать необычно торжественным голосом. Он обращался к нашим ребятам в Афганистане. На днях, заявил он, в нашей стране произошло событие, которое невозможно переоценить. Наконец-то Высоцкий признан великим поэтом. Что это значит? Теперь каждый из вас обязан знать и помнить, если даже тысяча людей говорят тебе, что ты не прав, но ты сам чувствуешь свою правоту, плюй на всех и поступай по-своему!

И это вдалбливалось в головы солдатам, которые живут и действуют по приказу командира!

Попутно хочу заметить, что превозносимый до небес Высоцкий среди «афганцев» авторитета не имеет. Этот эстрадный камуфляж под мужество выглядит там, на полях настоящих боев, просто смешно. Там у ребят свои песни, сложенные в перерывах между сражениями с озверелыми душманами. Ну, хотя бы «Я в прорези прицела был не раз...» В Афганистане не играют в мужество, там его проявляют, и голливудская дешевка «не проходит».

Высоцкого я знаю еще с Алма-Аты. В свое время он долго околачивался у нас на местной киностудии. Парень, что называется, теплый — выпивки, гитара, песенки. Но кто их принимал всерьез! Были же когда-то и «Гоп со смыком», и «Мурка», и «С одесского кичмана...» Подростки увлекались этим блатным фольклором, однако он

оставался там, где ему и положено: в подворотне. И вдруг вымахнул на всесоюзную эстраду!

Мне кажется, что те, кто изо всех сил раздувают «пузырь Высоцкого», сами сознают ущербность своих усилий. Поэтому в ход пошли байки о каких-то преследованиях хрипуна с гитарой, о его страданиях. Он так и подается безвременно погибшим страдальцем! А этот хрипун является махровым цветком периода застоя. Именно в те годы он имел в своем распоряжении целый театр, в любой день он мог без всяких помех полететь в любой конец земного шара — подумать только, он, пожалуй, единственный из советских людей, кто отдыхал на острове Таити! Запойный пьяница и наркоман, он жил и хрипел свои сочинения под постоянным объективом кинокамер. Его еще в те времена, еще живого, уже готовили на недосягаемо высокий пьедестал. Шутка сказать, отснятый киноматериал исчисляется многими километрами. И когда наркотики все же сказали свое слово, у подъезда его дома моментально оказались все машины специфической скорой помощи, которыми в то время располагала Москва... Так что какие уж гонения!

У каждого поколения своя память.

Из всего, чему довелось стать свидетелем, у меня почему-то не выходит из головы (особенно — в последнее время) пресловутый «конфликт поколений». С чего он начался? Кто его, простите, изобрел, открыл? Жили себе и жили, как говорится, единой семьей и вдруг выяснилось, что семьи-то, да к тому же единой, дружной, как раз и нет, не существует.

Страшное открытие!

Началось все, казалось бы, совершенно безобидно, несенсационно. Появилась пьеса В. Розова, стали «тискаться» статейки о том, что у молодежи исключительно свои задачи, свои пути и направления и что на старшее поколение ей надеяться абсолютно нельзя, — отцы и деды начисто утратили способность понимать своих сыновей и внуков. Дальше — больше, и вот уже молодежь как-то вроде бы совершенно незаметно выделилась в своеобразный класс и в обществе, в нашем социалистическом государстве, стала проповедоваться, поощряться, а па деле разжигаться самая настоящая классовая борьба. Наша

советская молодежь была поднята на непримиримую войну со своими дедами и отцами. Чудовищно!

Недавно шел по улице, вдруг милиция перекрыла движение: пропускали колонну автобусов с ребятишками. Видимо, детей везли в пионерский лагерь. Впереди колонны и позади шли милицейские машины с мигалками. Обычная городская картинка... Пережидая вместе со всеми, я невольно обратил внимание на мальчишку, сидевшего у окна автобуса. И поразился тому, с каким величием взирал он сверху на всю улицу. Это был взгляд небожителя на простых смертных. Поросенок, он уже почувствовал свою значительность, исключительность! Ведь это ради него собрали автобусы, сняв их с городских маршрутов, это ради него хлопотала милиция, задерживая движение огромного города.

И мне подумалось: а почему нигде ни разу с такой же помпой не провезли ветеранов войны и труда? Неужели они не заслужили?

Заслужили, и еще как заслужили! Но...

Для того же мальчишки в пионерском лагере будут спальные корпуса и столовая, бассейн и спортивный зал, библиотека и видеотека и прочее, и прочее. А после лагеря он с таким же почетом будет доставлен домой, затем наденет купленную родителями форму и, взяв портфель с учебниками, тоже приобретенными не самим и не на свои, отправится в заново отремонтированную школу, а после занятий небрежно бросит портфель и жадно откроет родительский холодильник, после чего долго будет болтать по телефону со сверстниками, обсуждая, чем бы сегодня развлечься, с кислой миной замечая, что «предки-козлы» уготовили ему совершенно пресную жизнь. И не исключено, что, возвращаясь поздно вечером домой, он грубо толкнет старика пенсионера, то есть именно того человека, чьими руками сделаны все его жизненные блага, и пожелает ему, старому козлу, поскорее отправиться в крематорий.

Сгущены краски? Нисколько!

Тогда естествен вопрос: кто и с какой целью выделил из нашего общества этот класс потребителей всех жизненных благ и вдобавок еще и вооружил его редчайшей непримиримостью к тем, чьим трудом все вокруг создано?

Мне всегда казалось, да нас так и учили, так и воспитывали, что государство — это как бы одна семья.

А благо семьи — закон для всех наций, для всех народов. Заботами об этом общем благе жили и все мы... до появления «конфликта поколений». А с тех пор все пошло наперекосяк. В стране бездна всяческих нехваток, упущений, пропасть несделанного, незавершенного, и в то же время все общество озабочено исключительно одним — как лучше развлечь нашу молодежь, «организовать ее досуг». Но позвольте! Если в семье беда (а у нас в стране, как это показала недавняя партконференция, самая настоящая беда), то о каких развлечениях может идти речь? Нет, пускай пляшут, развлекаются, греются на своем пожаре!

Но в какой же здоровой семье мальчишка или девчонка будут скакать и веселиться, в то время как отец, мать, дед и бабка из последних сил тянут из себя жилы, чтобы хоть как-нибудь прокормиться?

А у нас это именно так. На плечи взрослых, пожилых и старых возложена обязанность не только кормить молодых лоботрясов, но еще и развлекать их. А если не так, молодые без всякого зазрения совести еще и покрикивают на стариков: как вы организовали мой досуг? Смотрите, а то я запью или начну колоться!

А что же комсомол, наш славный комсомол с его великими традициями?

Признаюсь, очень хотелось бы ошибиться, но пока что вижу, как именно с помощью комсомола наша молодежь все больше отдается под чужое влияние.

Случайно оказавшись возле телевизора в гостях, увидел так называемый конкурс «Московская красавица». Не поверил собственным глазам! Такое поразительное бесстыдство — и напоказ, за деньги! Как выяснилось, на это позорное мероприятие ломилось около трех тысяч молодых москвичек. Ради успеха они шли на все. Естественно, прохвосты пользовались их готовностью. Откровенный, неприкрытый разврат принял такой размах, что перед молоденькими участницами счел нужным выступить некто из начальственного жюри. Он предупредил девчонок, что помочь им может далеко не всякий, и указал на тех, от мнения которых хоть что-то зависит. Таким образом он направил жаждущих успеха в кровати узкого круга «специалистов»... Кстати сказать, победил в отборе лауреаток сугубый вкус М. Магомаева, за что наш «лев эстрады» получил упрек «Московских новостей»: дескать, надо бы быть поразнообразней...

Видимо, воодушевившись притоком желающих на такие, с позволения сказать, позорища, ЦК ВЛКСМ выступил закоперщиком повсеместных конкурсов, по всей стране: от деревеньки до областного и республиканского центров.

Признаться, много пережил я призывов комсомола: на целину, на БАМ, на другие стройки. Но никогда не думал, что доживу до такого комсомольского призыва!

«Московский комсомолец», «Комсомольская правда», областные комсомольские газеты взахлеб сообщают о «сладкой» жизни лауреаток конкурсов. Но их пока что мало, единицы. Ничего, скоро их станет много, очень много, и работенка всем найдется. Лучшие участки Черноморского побережья спешно распродаются иностранным корпорациям, и те возводят там фешенебельные публичные дома для милиардеров со всего белого света. «Живой товар» для этих заведений и поставят конкурсы красоты. А так как зарубежным толстосумам требуется «товар» посвежее, то к участию в конкурсах привлекаются в основном школьницы.

Стоит ли поэтому удивляться, что проституция стала сейчас одной из престижных профессий нашей молодежи!

Легко понять смазливую колхозную девчонку, узнавшую из газет, что валютная проститутка за одно утро зарабатывает более тысячи рублей. А ее, бедную, призывают пойти в доярки, соблазняя двумя сотнями в месяц!

Но надо же знать об условиях работы на ферме: вечная грязь, вилы с навозом и тяжеленные «напузницы» — корзины с кормом для коров. А в распоряжении проституток сауны, бассейны, массажисты, самые отборные продукты и вещи, а теперь еще и поля для гольфа.

Воистину, только гольфа нам и не хватало!

Более ста лет назад мудрый француз Г. Флобер пророчески заметил: «Мир вступает в эпоху глупости и американизма». Оказывается, еще вон когда началось позорное одичание! В самом деле, за последний век пухнущая от золота страна за океаном поражает мир лишь сытостью и цинизмом, не произведя на свет ни одной великой идеи, не родив ни одного великого мыслителя. Проповедуя сиюминутные удовольствия, породив рок и СПИД, американцы заражают народы мира еще и пренебрежением к бриллиантам собственной культуры.

Американская циничная бездуховность расползается по

миру наподобие заразы. Даже у нас, в России, где культурные традиции уходят в глубь веков! Бесстыдство захлестывает наши зрелища.

На днях в «Правде» душевный крик Н. Сац. В детском театре поставили «Собачье сердце». Герой то и дело расстегивает ширинку на брюках и бросается на героинь. Одна из них заслоняет своим телом другую: «Возьми меня, я уже была замужем!»

Так прочитал Булгакова некий режиссер!

Два года назад та же «Правда» с возмущением писала о постановке чеховской «Чайки». Открывается занавес, и герой с героиней валяются на полу, он задирает ей юбку.

Так режиссер умудрился прочитать деликатнейшего Чехова!

На очереди, мне кажется, такое же «прочтение» «Войны и мира». Суровое отношение старого князя Болконского к дочери Марии вполне объясняется кровосмешением, а трогательная дружба Безухова и молодого князя Андрея — гомосексуализмом...

Бросается в глаза, кстати, что гомосексуализм переживает у нас нынче некий ренессанс. Последними словами кроют Сталина — за то, что он решительно не принял и не позволил узаконить у себя в державе этот модный порок. Даже нахамил Андре Жиду! Но теперь, слава богу, нравы изменились... Гомосеки — желанные гости на Центральном телевидении. Павка Корчагин и Павлик Морозов — анахронизм, черноземная темнота, даже выродки. Нашли с кого делать жизнь! Настоящими героями нашего времени становятся лишь те, кто плюет на стыд, мораль, нравы. И вот журнал «Молодой коммунист» в последнем номере за 1988 год солидно и обстоятельно рассуждает о свободе нравов и даже поощряет своих читателей к созданию однополовых семей.

Что ж, может быть, как раз однополовые-то семьи и поднимут нам промышленность и сельское хозяйство!

Страшная, мучительная это вещь — бессонница. Но еще мучительнее мысли, упорно лезущие в голову в тихие и долгие часы без сна.

Однако что поделаешь? Гласность так гласность! Станем говорить вслух...

Как-то в хорошем задушевном разговоре с молодыми

вдруг само собою выскочило: позвольте, а что пели наши предки, собираясь, скажем, на Куликовскую битву? А ведь пели непременно! Что пели разинцы, пугачевцы? Что за песня томилась у костра суворовских солдат, заночевавших в ледяных Альпах? Ничего не знаем. Все утеряно, забыто. И этих утрат уже не восстановят никакие наши раскопки, как бы глубоко мы ни копали. Страшно произносить, но этот пласт нашей национальной культуры утерян навсегда.

Не пора ли вовремя задуматься над тем, что безжалостно теряется и теперь, в наши дни, под хорошо организованным напором так называемой массовой культуры?

Ах, эта массовая культура!

Сказал же в свое время Экзюпери: «Достаточно услышать народную песню XV века, чтобы понять, как низко мы пали». Интересно, что бы он сказал, услышав нынешние хэви-метал и рок?

Всю жизнь любил хор имени Пятницкого с его истинно русским протяжным пением. Но сейчас его совсем не слышно! А если и прорвется на радио трансляция, то слышишь какие-то молодецкие хамские голоса, горланящие: «А я свою любимую шарахнул об сосну!» Интересно, откуда взяты эти песни, кто их сочинил?

Назойливо бренчит балалайка, и те же мордастые молодцы сыпят частушки. Вовсе не частушки характерны для русского песенного творчества. Иначе можно подумать, что русский мужик всю свою многовековую историю только и знал, что плясать, подкидывая колени, возле кабака!

Начисто исчезли куда-то песни рабочих баррикад, каторжные, гимны гражданской войны. Вспомните песню в финале спектакля «На дне» — «Солнце всходит и заходит...» А сколько еще таких! «Склоняется солнце за степи...», «Сижу за решеткой...», «Не плачьте над трупами павших бойцов...»

Воистину наша молодежь не знает наслаждения тем прекрасным, что накоплено ее народом в культуре.

Неужели снова нужен «железный занавес», чтобы огородить наших мальчишек и девчонок от повседневного растления, вырастить их гражданами, крепко помнящими о своем родстве?

Заметим, что наш Большой театр, великий, несравненный, не вылезает из-за границы. Не видим мы и лучшего во всем мире хорового коллектива: ансамбля Советской

Армии. Кочуют они по зарубежью, заколачивая для казны желанные доллары и фунты. Как видим, у буржуев губа не дура, они от пуза лакомятся сливками нашей культуры. Взамен же к нам они щедро шлют всевозможную блевотину массовых развлечений.

И вот мы стали свидетелями того, как нашу страну буквально оккупировала массовая культура!

Ох, не оказаться бы нам с полной мошной валюты, но у разбитого корыта!

Массовая культура — неизлечимая зараза, опасная своей обыденностью и прилипчивостью. Бренькает простенький мотивчик, придуманы несколько слов, и все это навязчиво лезет в уши, привязывается, прилипает, и вот уже пацан или девчонка невольно, не замечая сами, принимаются дергаться, приплясывать. И в таком приплясывании идут, проходят годы, мотивчик въедается в душу, в кровь, становится как бы барабанным боем для старого солдата. Куда теперь бабушкиным напевным мелодиям! Синкопированное дерганье завладевает юным существом полностью и безраздельно. Кумирами становятся крикуны с эстрады, им подражают, их копируют, и горе тем поколениям, над колыбелью которых юная мать не мурлычет традиционный мотивчик, а выплевывает что-то вроде «то ли як, то ли бык, то ли тур». И что ее винить-то, эту юную мать? Она такой выросла, ее такой вырастили! Завезли ей эту музыку и заразили, забили уши, чтобы не услышала она родимых песен и мотивов.

Точно так же в наши дни завезли и прививают СПИД. Не сами же мы его изобрели! А теперь скребем в карманах и планируем миллионы, если не миллиарды, на борьбу с этой заразой. Как будто у нас эти миллиарды лишние!

Полагаю, после всего этого вопрос напрашивается сам собой: да кто же это делает, с какой целью? А ведь это именно делается, проводится с поразительной настойчивостью.

На всю жизнь запомнилась мне фраза из газетного отчета о дебатах в американском конгрессе. Один сенатор, выступая в прениях об ассигнованиях на ядерное вооружение, заметил очень знаменательно: «Сионизм и эстрада, господа, сделают гораздо больше, нежели все ваши ракеты». Прочел и прямо варом обварило: до чего же точно и глубоко, программно, так сказать!

Как работает эта, с позволения сказать, программа,

мне кажется, видит всякий. Собственно, ее уже и не скрывают, не маскируют — слишком все стало откровенным.

К музыкальной отраве прибавляются и все другие: кино, театр, живопись, литература. Везде торжествует пресловутый авангард. Снова, как и 70 лет назад, классику теснят, так и норовя скинуть с «корабля современности».

Нет числа кумирам и пророкам. Не удивительно ли, что Ельцын в наши дни затмил эстрадную славу Пугачевой и Леонтьева? А сколько кликушествует всяческих экономистов? А историков? А чем прославлена в истории нашей страны такая деятельница, как Елена Бонер? Только супружеством с Сахаровым? Но что же тогда молчат жены Курчатова, Исаева, Келдыша и многих других? Не слышно голоса даже жены Брежнева, а голосишко Бонер не умолкает, ее откровенно человеконенавистнические заявления тиражируются на весь мир.

Больно становится за само наше с вами время, когда видишь, как недавняя цедэловская дамочка превращена чуть ли не в символ грядущих перемен! Уж не готовится ли она стать «советской Тэтчер»? Или на эту роль планируется некая Новодворская, одна из крикливых лидерш «Демократического союза»?

Кипит и пучится пена популярности «Огонька», «Московских новостей», «Знамени», «Советской культуры», комсомольских изданий. Одинокими утесами стоят и принимают на себя валы озлобленной клеветы «Наш современник», «Молодая гвардия» и «Москва».

Предвижу злословие остряков и все же не удержусь и сравню их с легендарными тремя богатырями. В наши дни им требуется особенное мужество, чтобы выстоять и не упасть, не п а с т ь на положение «шестерок».

Весь мир как-то смирился с тем, что США ведут себя на земном шаре подобно прожженному «пахану» в затурканном «кодлой» лагере. Расчетливо подкармливая разного рода отщепенцев, американцы затем натравливают их на неугодных. Так, в частности, происходит с тремя советскими журналами, которые отважились сохранить свое гражданское и национальное достоинство. На них спущена целая рать идеологической шпаны. На глазах оторопелых соотечественников творится наглая бесцеремонная расправа, поистине уголовная, типа «развод без последнего»!

Так ныне понимается пресловутый плюрализм — поло-

жено соревноваться в наплевательстве на свое Отечество, но никак не в возвеличивании.

Коротич, как он сам объявил, ведет гражданскую войну. Ну что ж, на войне, да еще гражданской, как известно, средства не выбирают.

Что стоит за неожиданным взлетом скромного киевского стихотворца Виталия Коротича? Только ли срочно возникшая необходимость сбежать от гибельных хвостов Чернобыльской катастрофы? Недаром в Киеве злословят по адресу москвичей: «Вы нам — Чернобыль, мы вам — Коротича!»

Смешно, конечно, но сейчас в стране установился настоящий культ Коротича. Невольно вспоминается Берия, в свое время ставший даже над партией. Что же — теперь, выходит, Коротич?

Борзописцы — у нас и за рубежом — не стесняются превозносить его многочисленные достоинства. Откуда только что и взялось! Он, оказывается, великий редактор и издатель, выдающийся дипломат, несравненный врач, замечательный поэт, а под конец проскочило, что он еще и лучший друг советских физкультурников. Удивительно знакомый набор похвал! Но и этого оказалось мало. Сейчас замышляется создание Союза учителей. И кто же, думаете, во главе? Правильно, Коротич. Интересно только, отважатся или нет назвать его Великим и Мудрым?

Словом, с чем боролись, на то и напоролись.

Не знаю, собирается ли он отпустить усы, а китель и мягкие сапоги, я думаю, уже пошиты...

Невольно вспоминаются слова знаменитого Альфреда Нобеля, за чьи премии нынче столько суеты во всем мире: «Любая демократия приводит к диктатуре подонков».

Утром с крыльца кабульской гостиницы долго наблюдал, как совершал посадку рейсовый самолет из Москвы.

Первой приметой появившегося на дальнем горизонте «гостя» служат вертолеты, поднявшиеся с аэродрома близ Саланга. Они барражируют над территорией столичного аэродрома, готовые в случае чего пожертвовать собой. Тяжелый Ту-154 уже явственно виден. На обе стороны от него пучками отлетают ракеты. Все небо над Кабулом расцвечивается султанчиками взрывов. Сегодня этим же самолетом мы улетаем домой.

Двор гостиницы кишит народом. Повсеместно раздается хорошая русская речь. Оказывается, в Кабуле начинается совещание советников по сельскому хозяйству. Люди съехались из самых отдаленных глубинок. Одеты наши специалисты прямо-таки по-районному: шапки из искусственного меха, телогрейки и испачканные глиной сапоги. Ни дать ни взять районный слет где-нибудь у нас на Алтае!

И снова мысль: ну разве останется без следа работа этих агрономов и зоотехников в афганских кишлаках?

В последний раз машины проносятся по прямому проспекту к аэропорту. Тянутся желтые дувалы. На скудных деревьях уже появилась зелень.

Посадка в самолет проходит торопливо. Таможенного досмотра нет. Заметно ощущается нервозность. В салоне, в самом конце, расположилась группа демобилизованных солдат. Почти у каждого медали, поперек погонов лычки. Старослужащие. Ветераны...

После разбега самолет круто лезет в небо. В салоне глубокое молчание. Лица солдат замкнуты. Мне представляется, какая ракетная вакханалия творится сейчас в кабульском небе. И где-то в глубине души возникает неприятное ощущение чьего-то пристального недоброго взгляда. Без сомнения, наш самолет сейчас провожают десятки глаз притаившихся душманов. Но начеку вертолеты, работящие «вертушки», стригущие воздух по всей трассе начального пути пассажирского самолета.

Через несколько минут напряжение солдат проходит, они расправляют плечи, начинают негромко переговариваться. Кто-то полез в рюкзак. По проходу пробежала молоденькая стюардесса. Сомнений нет: самолет набрал высоту пять километров и вышел из опасной зоны. Теперь ему душманские ракеты не страшны.

Покопавшись в рюкзаке, солдат достает бутылку. Разливается она в разномастную посуду. Выждав несколько минут, ребята вдруг сдвигают свои посудины и негромко произносят: «Ура!» Каким-то чутьем они точно определяют миг, когда самолет пересекает государственную границу. Для ребят служба «за бугром» остается позади, они с войны попадают домой, на родную землю.

Прежде чем выпить, ребята мгновение, не больше, смотрят в глаза друг другу. Необъясним этот быстрый и проникновенный взгляд в самые зрачки! Мне кажется, что таким взглядом до самого дна души умеют обмениваться лишь кровные побратимы.

Выпив, они вяло жуют и смотрят себе в колени. Что, воспоминания? Образы друзей, оставленных там, на полях сражений? О многом есть что вспомнить этим двадцатилетним ребятишкам.

Впрочем, за два года «за бугром» они познали столько, что хватит целому легиону детей беспутного Арбата. Их взрослая жизнь уже началась, сознание сформировалось и окрепло, и в этом, мне кажется, их преимущество перед сверстниками, все еще чрезмерно увлеченными немытыми хиппи, фальшиво мощными культуристами или уголовниками на ревущих мотоциклах.

Один возрастной слой, а насколько же разные люди!

Ребята возвращаются домой, исполнив свой долг. Что встретит их на Родине, особенно на малой родине, чьи огоньки и запахи мерещились им под звездами Кундуза, Кандагара и Шиндада? Гражданская война «боевика» Коротича?

Этим ребятам, опытным солдатам, придется реагировать на разгул крикливой демагогии. Как соотнесут они все, что услышат, с тем, что ими узнано и закреплено кровью?

На выгоревших гимнастерках среди медалей я замечаю комсомольские значки. Какая редкость! На Арбате эти значки уже начисто вышли из моды. Следовательно, у демобилизованных парней крепкий фундамент. И я заранее не завидую тем, кому вдруг взбредет в голову поерничать над ними. Эти мужчины, прошедшие через огонь боев, везут домой сложившиеся принципы и идеалы. И к ним лучше не соваться тем, в чьих глазах комсомольский значок потускнел перед рекламой зарубежных сигарет поперек живота.

Во мне живет надежда, что кто-то из этих солдат в конце концов властно остановит болтунов с эстрады.

Честь и добро еще восторжествуют в нашем Отечестве...

●

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЛОБУС

ПОЭТЫ БЕЛЬГИИ

Бельгия — страна небольшая. Но плотность ее населения — одна из самых высоких в мире. Этим в определенной мере и объясняется та партия, которую она ведет в международном оркестре культуры, экономики и политики, — роль, большая по удельному весу, нежели ее площадь.

Другая причина заключена, вне сомнения, в самом факте разнообразия народов, страну населяющих. Десять миллионов бельгийцев воистину не однородны: у нас три официальных языка — французский, фламандский и немецкий. Это совершенно естественно отражается в творческой жизни, в национальных искусствах. Литература, и в особенности поэзия, развиваются в полном соответствии со своей природой, сообразно главным своим линиям.

Наши советские друзья попросили меня представить своим читателям нескольких поэтов, принадлежащих, как и я, к бельгийской франкоязычной поэзии. Задача непростая, чтобы не сказать невыполнимая. Как выбрать пять-шесть поэтов в литературе, объединяющей сотни их? Шутят, что Бельгия — страна, где больше всего поэтов на квадратный километр...

Но отказываться от предоставленной мне возможности не в моем характере. И я сделал выбор... — не выбирая, просто представить вам несколько человек, которые живут рядом со мной в течение многих лет, со времен становления небезызвестного «Журнала поэтов», одного из старейших среди изданий такого рода, — журнала, который вот уже пятьдесят пять лет пользуется неизменным уважением в мировой поэзии.

Конечно, развитие поэзии не устанавливает абсолютный критерий качества для нескольких ныне живущих поэтов. Да будет мне позволено вообразить, что мои товарищи по журналу суть поэты, причем поэты подлинные, масштаб таланта которых не уступает масштабу их личности. Это Филипп Жон, член Института Франции, Фернан Вересан, член Королевской академии Бельгии, Андре Дом, Марк Дюгарден — поэты, чьи произведения закончены, заметны, признанны.

Я включил в этот список еще одного поэта, близкого мне, — Андре Шмитца, который недавно удостоен почетнейшего поэтического приза Бельгии — Премии Гоффена*. И — тем хуже для моей скромности — предложил пару собственных текстов.

Остается надеяться, что мы узнаем мнение ваших читателей о своем творчестве. От глубины души благодарим наших друзей и переводчиков, давших нам возможность предстать перед советскими любителями поэзии.

Преисполненный дружеских чувств

Артюр ОЛО,
Президент международного Дома поэзии

* Гоффен Робер — один из крупнейших представителей франкоязычной поэзии Бельгии, друг Арагона. (Прим. пер.)

Фернан ВЕРЕСАН

* * *

День безымянен был.
И не нашлось
посредника меж забытьем и явью.
Вдруг — здесь,
в таком убогом месте, —
нечетко различимое лицо.
А вскоре —
без нотки повеленья голос ясный.
Песнь жизни
на холодном взморье.

* * *

Набрасывается на белом
живое ощущение
                    заката.
Как некий отблеск, отраженье,
                              которое тревожит тени,
выведывает ход,
и тайный жребий
                    бушующего горнего огня,
и настроение планеты,
когда разгуливает солнце
                              в небе.
Прекрасен
          честный путь
          простого дня.

* * *

Кто делит молнию,
кто все подверг сомненью —
живущие сегодня!
Горизонты
свои пределы скрыли.
А жесты и слова
добычей ветра стали.

Фруктовый сад играет
опорами времен.
А жерло мрака
поглотило тени.

* * *

Да промолчит ли он
          средь голосов других в пространстве,
          куда он сам привнес еще и чувство
          языка?

Tabula rasa *

          и первые слова
          о чуде бытия, —
еще одно свидетельство его
          подписывает провозвестник
          рожденья времени.
Здесь место всех свиданий
          и беззвучных слов,
          дорог, откуда нет возврата.
Воссоздается свет
в структурах изначальных.

Филипп ЖОН

ЛАСТОЧКА

Лук и стрела, что вечно нераздельны. Он трепетный, она покорна, а вместе обрели движенья силу. И речь их то взовьется, то скользит у самой поверхности земли, хватая на лету то здесь, то там весомый аргумент. При всем при том звучанье — нескончаемо живое, хотя и прихоть чувствуется в этом, и тоны длятся, и пока не отзвенит строка, — не обращаются к иным сюжетам.

---

* Tabula rasa — чистая доска (лат.): о ребенке как предмете воспитания.

О ШАГЕ И КАМНЕ

Ты откровенна — я обезоружен,

кому ж страдать, когда в твой мир вхожу я
и проникаю в сердцевину тех владений,
где вечно неизменно все.

Ты замкнута — я защищен,

вовеки облик — не только сочетание движений,
но и костяк для сотворяющего нас, для пониманья,
что все мы — трепет, всплеск желанья.

Ты постоянна — я меняюсь.

ПАМЯТНЫЙ ИСТОК

Гора — вот память и сплетение истоков,

вода живая переносит образ,
гранит звенит, звук зрим,
где место наслажденью?

Сама живою будучи, гора — живое изваяла,

скажи мне, счастлива ли ты?
Желанье поднимается от мягкости долины
на пик вершины.
Слова — первопроходцы; любовь очерчивает гребни
гор.

Перевела с французского Марина ШИЛИНА

Андре ДОМ

* * *

Откуда эти воды,
броды,

разъединяющие нас?
Опять пресекся путь,
ведущий
к твоим ногам,
к сиянью глаз.

Неужто сбыться не дано
тому, что было суждено...

* * *

Я опираюсь о купол утробы,
чтобы
родиться.
Кровинка твоя, —
как никогда, я младенец, дитя.
Сердце твое, озаряя меня,
чувствует волю мою.
Пусть далеко до урочного дня —
я на своем настою.

* * *

Опустошает страх.
Отягощает
насыщенная пережитым кровь.
Спокойствие мое —
в твоих стенах.
Я суеверно
вижу в небесах
твой ясный лик,
спасающий от скверны.
Ты так мудра,
что страхи —
эфемерны.

* * *

Я вхожу.
Встречает
кров мой — пустотой.
Холодом пахнуло

с лестницы крутой.
Только — чу:
мой возглас
в комнате, где пусто,
следом — твой,
как литургия
Иоанна Златоуста,
ради твоего лишь голоса
присваиваемая мной.

Марк ДЮГАРДЕН

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

I

Бережно под вéками храню
утро ослепления тобой,
кожу, снега белого белее.

Лучшие слова земли — тебе,
ибо все — твое; морской прибой
тоже посвятил себя тебе.

Путы с ног снимает голос мой,
жажду губ читаю по складам.

Как ты мне желанна — с тишиной,
знавшей о тебе гораздо раньше,
нежели тебя окликнул я!

II

Вот лампа, вот угасла...
Вечереет.
Спокойно
за распахнутым окном.
Там запахи,
омытые дождем.
И птицы,
оставляющие память.

Повсюду мотыльки, поденки, мошки:
их шорохи, шлепки, биенья крыльев,
их вольные забавы с тишиной.

Запаздывающий...
продлит созвучье —
таинственную дрожь всего живого,
всего, что жить и дале норовит
(а стóит ли, вопрос и не стоит).

———

Бессонно
раздувая угли слов,
по-детски откровенничает ветер
с влюбленной парой, им завороженной.

Минута озаренья:
жить да жить,
и ведать, где...
в согласьи —
жить да жить.

(Нежнее, чем ты есть, нельзя представить;
я с музыкой твою венчаю тень.)

Лишь этим восхищением, когда,
посеребренный звездной солью ночи,
приснится на рассвете женский лик, —
лишь этим восхищеньем движим день
в реальность чистоты неизъяснимой.

III

Я утверждаю: ты
действительно тот сад,
с которым часто схожа.
На что упал
твой взгляд,
то происходит въявь.

Простая проницательность,
ты скажешь...

Ты правду молвила.
Мы —

двое безрассудных,
пустившиеся вплавь, —
и что́
нас держит в равновесье
меж этим берегом и тем,
меж тем и этим жвалом?

Но ты —
кругом права,
коль даже стан твой —
прямое доказательство того,
коль звездочка — и та
в твои уста
свое влагает имя.

Андре ШМИТЦ

* * *

Она пришла.

Он скинул ветер с плеч ее,
ладонью счистил с ног
дорожный снег.

Он вызвал в ней решимость говорить.

Осмелившись, она заговорила
о саде брошенном,
о трех иль четырех покинутых березах,
о мирном соглашении с волками.

Он отдал ей ярчайшую из ламп
заката.

* * *

Свидетельства не явны,
не ясны́ приметы.

Не время утверждать,
что день родится,

что небо солнцу растворит уста,
нельзя сказать определенно.

Безмолвствуешь,
дыханье затаив.
Росе — разрешено ресниц коснуться,
а птице — все, что хочет, говорить.

Дождаться,
уловить неведомого дрожь
в тона́х от извести до пепла...

Желанье причиняет боль.

* * *

Здесь, у могилы, в которую
будет опущен д р у г о й... Вздыхаешь,
ясное дело, но — облегченно,
видя и светлую сторону дня —
кроткого, ровного дня пребыванья
с почвой, с плодами, с достатком безделиц,
что позволяет верить: резонно
не ограничиться прожитым днем.

Артюр ОЛО

ПРЕЛЮДИЯ

Вспыхнула звезда у мира на виду —
это ничего не изменило.
Десять миллионов солнц погасло,
новые бескрайние пространства
мир оповестили о себе —
это никого не удивило.

Нам отводится всего минута скорби,
соразмерная способности понять,
что диковинные вещи пресыщают.
Друг — ученый человек — ошеломлен
двойственной природой бесконечности.

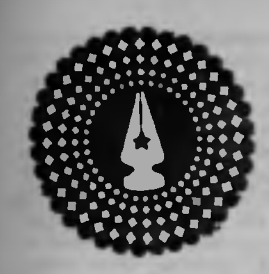
Я не молод, не витаю в облаках,
я — к тебе себя приковываю прочно,
в меру собственного мужества и сил,
меченных клеймом недолговечности.
Мне сейчас нужны: спокойствие Луны,
сны Венеры и незыблемый порядок
знаков Зодиака —
чтобы разгадать
тайну женских черт, их безупречности.

Что́ — в мирах умерших и новорожденных —
может мне внушить уверенность такую?
Я — себя к тебе привязываю крепко.
Ключ ко всем исходам —
в сердце у меня.
Скрытые препятствия...
Неведомые бедствия...
Я — провозглашаю радость бытия
ради вероятной новой вечности.

ПОУЧЕНИЕ

Мой милый сын! Прими напутствие мое:
характер закаляй, как шпаги острие;
прикрой шеломом лоб, чтоб выстоять в борьбе.
Желаю чистоты и мужества тебе.
У папоротника и зарослей черники
их терпкое тепло в скитания возьми.
И помни — я с тобой: в селеньях — меж людьми;
в лесу — где бродит лань под птичьи переклики...
Отходит горизонт, притягивая взгляд:
у каждого из нас удел первопроходца.
Пускай души твоей не выстудит закат.
Но если надо, пусть в кулак рука сожмется!
Тебе — продолжить путь, который начал я.
С тобою — не боюсь бесследного ухода.
И да вольется в грудь усталого народа
дыхание твое, как свежая струя!
Велик запас любви, растящей человека
неласковой порой почти на склоне века...

Перевел с французского Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Николай РОДИЧЕВ

СКАКАЛ КУРАЙ ЧЕРЕЗ ДОЛИНУ...

Юрмала... Холодно поигрывает бликами у горизонта мелкая зыбь. Справа низкорослые северные сосны с полуголыми вершинами. Под ногами слежавшийся песок, местами влажный. У самой кромки воды прогуливаются двое: молодая женщина и ее дочь. Девочка худенькая, нахохлившаяся от непривычной сырой погоды. Длинноногая, словно чайка на отмели. Маму зовут Тамарой, девочку Олей. Пятиклассница. Приехала на каникулы. Познакомились мы вчера за обеденным столом санатория. Живут они в столице, на Можайском шоссе.

Добровольное шефство над застольем и отчасти над столовой взял на себя по праву старожила здешних мест пенсионер Василий Андреевич, рижанин. Служил человек на флоте. Любит во всем порядок. Однажды отдыхал здесь, и теперь удивляется переменам. Поковырявшись в сухой каше — крупа да вода, — бежит с тарелкой на кухню за маслом. После принятия пищи идет к главному врачу...

Официантки — вежливые, среди них одна совсем юная, стройненькая и высокая, по имени Валя. И другие, постарше, чем-то приятны, старательны. С виноватым

видом гоняют по проходам между столами тележку с едой, пока подголодавшаяся за полдня публика, устав надеяться на что-либо повкуснее, разберет что бог послал. О заказах на завтра не может быть и речи. Свои обычаи.

— Мы же не вес набирать сюда приехали! — замечаю я, успокаивая сотрапезников. Неожиданно встречаюсь с продолжительным взглядом Тамары. У ее девочки сине под глазами. Прямо заморух какой-то. Вот уж кому не помешало бы прибавить в весе!

Но Тамара, по всему заметно, уступчива. Ни разу не повысила голоса на ребенка. Сказывается профессия — воспитатель детсада. Где бы дочь заставить проглотить лишний кусочек, сама вчера поковырялась в тарелке, отодвинула от себя еду. Была причина для расстройства.

— Только поселились в палату, стук в дверь. На пороге рослый блондин. Щеки надутые, как у суслика, и глядит куда-то поверх головы. «Оккупанты приехали?» — изрек вместо приветствия.

Слово это, — продолжает москвичка, — знакомо по рассказам отца-фронтовика. А еще из книг о войне. Отвечаю импозантному мужчине вежливо: «Извините, я не немка... Мы с дочерью совсем с другой стороны». А он еще более сердито: «Вот потому и оккупанты, если из Москвы!.. На немцев намекаете зря... При немцах нам жилось лучше». Тут я рассмеялась. Подумала: разыгрывает молодой человек... Говорю ему: «Мы же с вами родились после войны... А вам и в войну было хорошо?» Пожевал мясистыми губами и глаза в сторону: «Зачем приехали в нашу страну?» Ткнула под нос путевку: «Узнаете? По-латышски напечатано. Рассылаете по областям, значит — приглашаете? И стоимость люксовая — двести рублей. Выходит, зовете, чтобы потом грязью обливать при встрече?..» Намекнула, что разговаривает-то с женщиной.

Сказал что-то злое на своем языке, вышел. Похоже, исполнил некую миссию.

После я гадала: может, перед администратором каким в чем-то провинилась. Оказывается, не врач, не завхоз. Такой же человек, по путевке, как другие. Живет на нашем этаже, через комнату.

— Возможно, старший по этажу? Бывают такие... — Что-то не понравилось рижанину в претензиях к здешним порядкам со стороны московской дамы. Пенсионер сказал в ответ на недовольство Тамары.

— Приезжал недавно к нам в Ригу гость из ваших краев по фамилии Коротич. К февральскому митингу и уличному шествию рижан подгадал. Скорее специально наведался по такому случаю. Как раз в тот его приезд, а может, и в честь визитера красный флаг молодчики с городской ратуши опустили. Подняли штандарт буржуазной республики. Люди ждали, что москвич призовет к согласию между народами, населяющими республику, к добрым делам во имя перестройки. Ан вышло наоборот. Исходя из того, что во всех бедах латышей виноваты русские, заявил в микрофон: «Пусть русские сначала выучатся разговаривать по-латышски да поблагодарят хозяев за хлеб и воду, а потом разрешения спросят, в каком углу переночевать». И по радио нес в таком же духе. Вот вам и московский житель!

— Сейчас всяк говорит, что бог на душу положит, — вставил свои слова я. — Коротич, между прочим, не москвич. Переселился из Киева. Столица тоже не всякому дом родной. Иные от нужды туда перекочевывают. Бывает — гонимые.

Это сообщение удивило моряка:

— Сам-то успел в таком разе отблагодарить москвичей за хлеб и воду? Впрочем, не в словах суть. Понятия о хлебе и воде, если на то пошло, имеют особый оттенок для жителей Латвии. Прибалтика лишь наполовину снабжает себя хлебом, это каждому, кто живет здесь, известно. Остальное привозим из России. С водичкой еще больший курьез: плату за воду изымали с любого здесь, в буржуазной республике, свои хозяйчики, а во время оккупации — немцы, невзирая на национальности. Отменили плату с приходом сюда красноармейцев... Я к тому веду, что если поднялся на трибуну перед глазами тысяч людей, подумай: о чем толкуешь? А еще бросал в толпу Коротич: «Я против Интерфронта, я за Латвию свободную. Есть Латвия, и я есть. Нет ее, и я не существую». В таком духе. Разве все упомнишь? Русским, белорусам не по душе были его слова. Латыши тоже слушали с оглядкой: не хватил ли гастролер лишку в попытке угодить за хлеб и воду?

Не будем вдаваться в спор с участником февральского митинга. Один услышал одно, другой — другое. На второй или третий день после приезда в Юрмалу стал замечать: по местному радио чуть не ежедневно цитируют новоявленного пророка из Москвы. Когда коротко, в несколько слов, а в другой раз на пять и десять минут заведут пластинку со знакомым голосом. Создается впечатление, что Коротич, однажды приехав в Ригу, так и остался в том городе, горячо полюбил его и не собирается уезжать.

В интервью для радио у заезжего человека спрашивают: «Вы такой деятельный, понимающий беды других... Почему не баллотировались в народные депутаты?» Пророк скромно и почти застенчиво ответствует любопытным: «Зачем мне брать на себя лишнее? Я — редактор журнала... Свои книги пишу». Выходит, не до парламентской работы? Не хитрит ли? Мог ведь сказать и поточнее: из Киева турнула своя пишущая братия за непомерный словесный блуд, в Москве трижды выдвигал себя в кандидаты и всякий раз получал отставку. Может, еще куда подастся? В Одессу, например. А может быть, в Харьков? Там-то уж наверняка выберут.

Но пока вот витийствует перед народами Прибалтики. Выходит, где родился — не пригодился?

Вспомнилась неприхотливая травка, растущая по обочинам. В простонародье — верблюжий корм, курай... На Украине верблюдов не водится, растет себе бурьянец без надобности. Поскольку на тот сорняк внимания не обращают, а если обратят, рано или поздно из поля вон вышвырнут, травка злится за такое невнимание и матереет потихоньку в ложбинах и на возвышенностях. Особенно не углубляется корнями. К осени становится колючей, острой, готовой при первом порыве ветра всем клубком поскакать через поля — и обратно, пока не угомонятся предзимние ветры. Катится и разбрасывает злые свои семена... Единственная защита от курая — сжечь свалявшиеся из множества особей валки. Курай любит огонь! В нем он непревзойденная из всех видов сорняков растопка. В дыму и пламени досушивает вырванные корни, обломанные сучья и прочий мусор, подстрекает его злыми искрами — куражится, отводит душу!

«Что можете сказать о Софронове?» — спрашивают приехавшего на пожар междоусобицы любителя таких «очагов». Казалось бы:

престарелый писатель Анатолий Софронов — и Латвия, какая связь? Но для Коротича все имеет отношение к его делу. Ответ готов:

— Софронов? Это старый редактор журнала... Пять раз женился. Каким может быть человек, если пять раз женится, сами знаете.

Как обыватель, только что пришедший с базара, о другом обывателе... Между тем один сменил другого на посту главного редактора, как будто члены одного творческого союза и даже одной партии и вроде бы — неэтично этак запросто нести базарные сплетни о коллеге по творческому цеху. Кроме того, близкие к Анатолию Софронову люди знали многие годы его жену, она умерла от тяжелой болезни. Остаревший человек женился и живет с другой. Если уж так неудержимо влечет к сплетням или, как говорят на Украине, **кортыть**, то Коротичу можно было бы обратиться к коллегам, более близким по возрасту, к друзьям, единомышленникам, скажем, к таким хотя бы, как Евтушенко, у которого на этот счет есть богатый опыт, даже международный.

Конечно же, речь идет не о женах. Изгаляются недобрые люди в своей ненависти ко всему русскому, не щадят ни молодых, ни стариков. Помню нашего солдата в Праге, в памятном 1968 году. Он стоял на посту у продовольственного склада. Оберегал от разграбления разошедшимися молодчиками. Поскольку он русский, к тому же — часовой и не может в силу приказа уйти с поста, к нему подходили хулиганствующие обыватели и плескались грязью, пивом, бросали облатки от мороженого, ругались, лишь бы позабористее. Нечто схожее с теми действиями я вижу в словах рижского гостя.

Дальше, будто по некоему сценарию, следует вопросик об Алексееве, Проскурине, Викулове, Бондареве... Других писателей в том сценарии не существует.

Подожду пересказывать ответ всезнающего кочевника из края в край. Поинтересуюсь у других, кто, как говорится, не видел и не слышал путешественника. «Как бы вы, почтенные, отозвались о товарищах по творческому цеху, если бы именно вас спросили об этих известных романистах, да еще сразу? Ведь каждый из названных авторов — известный писатель, автор десятков книг, отец детей, в конце концов? Большинство из них с оружием в руках отстаивало родную землю. И, в частности, спасали жизнь того же Коротича, попавшего в оккупацию в раннем детстве».

Непросто это — давать оценку собратьям по перу, да еще в таком солидном подборе имен! Однако положение мессии, установившийся контакт со слушателями обязывали. И вот — готовый ответ московского гостя:

— Есть такая группа... Нахватали денег и наград в годы застоя. Теперь им не до перестройки...

О Бондареве можно и поконкретнее: «При встрече с избирателями предложил нынешний волжский город переименовать в Сталинград». Судите, мол, рижане, сами: по пути ли нам с такими нехорошими людьми?

Но оторвемся от радиоинтервью. По мнению Василия Андреевича, Коротич все же наш, московский человек. Рижанин за москвичей не в ответе.

— Ваши дети знают латышский? — спрашиваю моряка.

Хмурится человек, неприятен вопрос:

— Плохо их учили! Как-нибудь... Видели бы вы этих учителей!

— А сейчас, когда обсуждается или даже принят закон о переходе на единый язык, латышский, наверное, при каждой школе и в клубе открыты кружки? Много ведь говорят и пишут об овладении русским и языком коренного населения. А русских здесь восемьсот тысяч.

Моряк смотрит с удивлением.

— Только на одном заводе в Риге открыты кружки с охватом двухсот желающих.

Клубок все туже... Его не распутать митинговыми откровениями. Тем более рассуждениями о том, сколько у того или иного писателя было жен. Подсказки Коротича — отправить всех русских на учение в Ленинград — тоже, видимо, не выход. Проблема сложнее шуточек на этот счет. Она коснулась многих. Одни сами по себе приехали в Прибалтику, других вуз направил, а кого приманили посулами такие же гастролеры, умеющие перевертываться при нужде, приспосабливаться к обстоятельствам. И ни за что не отвечать.

Этажом выше Тамары, в том же здании санатория кабинеты массажисток. Одна из них, не старая еще, миловидная женщина, белоруска. Зовут Мария Сергеевна. Замужняя, двое детей школьного возраста. На работу и после дежурства ездит электричкой из Риги и обратно.

— Мы с мужем здесь по вербовке. Сначала на строительство нас пригласили. По прошествии долгих лет окончила курсы массажисток.

От нее и от других, посвященных, узнаю: восемьдесят семь процентов строителей в Латвии — русские. Строят новые дома, мосты, дороги. Вслед за людьми шли сюда потоками: арматура, цемент, лес, кирпич. Выходит, приехали со своим жильем и старожилам строили?

— Куда нам теперь с семьей? — спрашивает Мария Сергеевна. — Кто даст квартиру на новом месте?

Женщина эта и ее муж — люди обычных профессий. Добывают хлеб своими руками. Ни о какой оккупации других они и не помышляли. Теперь же попали в «оккупанты».

Сосед мой по триста восьмой палате, Николай Николаевич Горюшкин, инвалид войны, в прошлом офицер. Защищал Москву, воевал с «хорошими» фашистами в Прибалтике. Вступая в села и города, он видел только разорение. Отнюдь не за признанием своих заслуг появился в тех же местах сорок лет спустя.

Не привилегии обеспечили ему жилье здесь, в маленьком городке Прибалтики, в двухстах километрах от пляжей. Остарел человек, не может себя обиходить. А здесь сын служит. Внуки, невестка... Горюшкин поменял свою квартиру в Омске на гарнизон, где сын. Теперь рад бы обратно, да как? Найди в Омске латышскую семью, чтобы обменяться жильем!

Функционеры антирусского фронта действуют порой очертя голову.

Утром отправляемся с Николаем Николаевичем к ближнему киоску за газетами. Заодно — разминка перед завтраком. Киоск недалеко, напротив продмага. Пришли рановато. Киоскер расфасовывает печатную продукцию. Стоим пока вдвоем, но постепенно накапливается цепочка. Многие ждут еженедельник «Юрмала». Там перевод статьи французского президента Валери Жискар

д'Эстена о встречах с Брежневым. Хлестко пишет француз, без всякой дипломатии! Вплоть до таких подробностей, квк челюсть у русского державного деятеля отвисла во время разговора. Во многом он прав, насмешливый француз. Над недостатками смеются... Однако русские так о французах не писали, хотя тряслась, бывало, у их руководителей перед нашими не только челюсть подчас... А физический недостаток есть физический недостаток. Тут не до насмешек. Однако любой отклик о нас, русских, интересен. Французский президент, московский гастролер...

Время уже девять, но окошко не открывается. Наконец, минуя очередь, к киоску приближается некто в берете. Бдительная женщина тут же набирает для него пачку газет. Первым стоит, опершись на палку, наш инвалид. Ладно, может, берету и впрямь некогда. Вслед за излишне торопливым гражданином просовывает руку в окошко Горюшкин, придерживая под мышкой костыль. Рука его с мелочью тут же вылетает обратно. Из запахиваемого окошка слышится визгливый окрик:

— Куда лезете? Я еще не начала работать!

Горюшкин, припадая на ногу, отбредает прочь. Так и ушел, ничего не взяв. Нашлась женщина из очереди, которая на латышском что-то сказала киоскерше. Та молча продолжала раскладывать газеты, бросая настороженные взгляды через стекло. Не снесет оскорбление или «проглотит»? Ничего не сказал Горюшкин, отбрел подальше от источника раздражения. Что ни говори — женщина...

Ближний полустанок к санаторию имеет название «Дзинтари». Что-то солнечное, звонкое, лучистое в этом слове. Столь же очаровательна за стеклом железнодорожной кассы билетерша. Девушка лет двадцати с небольшим. Надо сказать, что латышки милы на взгляд. Встречаются совсем красавицы, исполненные достоинства и грации. Так и хочется сказать приятное человеку, вручающему тебе билет на проезд. Речь, правда, не об электричке. Мне билет на поезд Рига — Москва. До отправления три недели. Можно уехать и пораньше. Как говорят на Руси: в гостях хорошо, а дома лучше. Да и погодка не из приятных.

Едва услышав русскую речь, янтарная девица произносит с шипом:

— Билетов до Москвы нет... Школьные каникулы.

О каникулах понятно. Забота о ребенке — священна. Однако до возникновения стаек малышей на вокзалах еще больше полумесяца. И поезд на Москву не один. Мямлю что-то в ответ. Согласитесь: если удар в лицо, пусть даже грациозным кулачком с накрашенными ноготками, не сразу сообразишь, чем ответить.

— Да... Но... А нельзя ли все же у диспетчера спросить? У этой умной машины? — киваю на аппарат, стоящий возле в бездействии. Понимаю: слово «умной» здесь может быть воспринято как некий намек.

— Незачем спрашивать! — режет словами янтарная красавица. — Поезда на Москву переполнены.

— Все ли?

Но это уже похоже на спор дилетанта со специалистом. Не будем осложнять. Горюшкин ведь ни слова не сказал на хамство киоскерши. Обошелся без газет. Авось и я обойдусь... без билета.

Отдыхавший со мной мужчина, профсоюзный деятель из Челябинска по имени Валерий, сидевший до отъезда за столом, где

сейчас капризная на еду Олечка, как-то толковал по случаю: «За билетом поезжай на станцию Майори...» Почему так сказал? Дзинтари к санаторию ближе.

Гоню прочь от янтарной красавицы дурные подозрения:

— Может, мне с другой станции запросить билет? — На этот раз жду лишь совета, как поступить приезжему.

— Там ответят то же самое! — слышится голос через окошко.

Подкатывает электричка. Как раз в сторону упомянутой неперспективной станции. До нее всего лишь километр, одна минута езды. Была не была!

В Майори за чистеньким стеклышком столь же светлая ликом венценосица. Синие глаза спокойно взирают из-под челки золотистых волос. Едва услышав заказ, девушка повернулась боком к железной своей помощнице, тронула пальцем клавиши. Через минуту я уже держал в руках проездной документ. Успела не только выслушать, но и взглянуть на пассажира: в каком веке пришел в сей мир...

Так хочется верить в Юрмалу с душой чистой, уважающую себя. Вокруг десятки пансионатов и санаториев. Практически любой приезжий здесь впервые, и всякая мелочь оставляет о себе память на всю жизнь! Не только об очаровательных кассиршах на станции или продавцах газет. О народе в целом.

Что за грубостями человека? Обычно провалы в воспитании. Не существует культуры только для себя и квазикультуры для выдачи через окошко. Всякий изъян души даст о себе знать непроизвольно в самое неподходящее время. Та же кассирша станции Дзинтари завтра, мы это знаем наверняка, приедет в Ялту, в Москву, на Кавказ. И будет ведь требовать к себе внимания и уважения. А сама-то?

«Проваливай, здесь хозяева мы» — формула спеси. Она не сейчас сложилась в умах незрелых. Но сколько за нею недоразумения и... крови! Увы, недоверие друг к другу одиночек не раз в прошлом сплеталось в клубок взаимной ненависти, требующей бездумной разрядки черных страстей.

Платят за напыщенность отцов обычно совсем другие: дети, внуки. А пока в этом разберутся дорогие мои современники, страсти кипят — кухонные, подворотные. Выплескиваясь подчас в нечто грандиозное. Как две демонстрации в Риге, показывающие ненависть друг к другу. Затем все это дробится, брызгаясь шипучей пеной в сердце каждому случайному в толпе, неслучайному. Прежде всего прохожему или приезжему. Может, об этом не стоило говорить вслух? По принципу: не мы начинали, не нам кончать. Но с чем-то приходится кончать именно нам, хотя начинали в свое время другие, бездумные. С одними нитями прошлого кончаем, другие — сучим и сматываем в клубок про запас?

Каких-то двадцать дней... И нет конца открытиям! На почте в Дубултах юная прелестница, она же приемщица посылок, кроет злыми словами по-живому согбенную от бремени годов старушку. На вытянутых жилистых руках посетительница держит раскрытую, как должно по правилам, коробочку, а там видимая всему миру плитка шоколада, свернутые в трубочку гольфы, три или четыре кусочка детского мыла.

— Дочка... Голубушка... Милая...

«Голубушка», увидев мыло или чего там, отодвигает бабкину коробочку в сторону, бежит за перегородку советоваться. Кли-

ентка ждет. Теперь уже нам объясняет, надеясь на сочувствие: «Сиротке хочу послать... В газете вычитала». Сразу вспомнилась Армения. Да мало ли сирот у нас? Ждет старая женщина, поимевшая жалость к сироте, решения своей участи. Девушка возвратилась, но будто не замечает старенькую, принялась за посылку другого клиента.

Работает, надо сказать, проворно, с неким шиком. Поучиться бы некоторым русачкам, что на приемке посылок в Москве. Радетельница о сиротке, чей вопрос, кажется, решен и обжалованию не подлежит, внезапно для всей небольшой, правда, очереди разражается длинной гневной тирадой... на латышском. Девушка на миг замирает, округлив глаза, и еще через миг посылочка оказывается в ее руках завернутой.

На остановке автобуса подхожу к столь необычной посетительнице.

— Я из тех двухсот тысяч русских, что жили в Латвии до революции, — пояснила охотно. — Муж по национальности латыш, учился в Петербурге, там и познакомились. От родителей он получил фабричонку. Жили сначала в Риге, разорились, уехали в Швецию, затем в Канаду. Внуки еще знают, что я русская, правнуки уже нет. Так вот в Швеции разговаривают на двух языках, так же в Финляндии, Канаде, Швейцарии. Всяк изъясняется на своем наречии. В Организации Объединенных Наций русский почитают за рабочий язык... А здесь на ваш язык, — она так и сказала: «ваш», — повальное гонение. Почему терпите, не даете сдачи?

В голосе акцент иностранки. Отвыкла бабуся... Не в том смысл. Не выдерживаю взгляда — осудительного, гневного. Похоже, меня защищают... Или — язык?

— Ну, это не по мне! — опускаю лицо. — Вы же знаете: русский скорее стерпит, чем бросится отстаивать свое, кровное. Рязанский пахарь или орловский металлист сном-духом не ведают, что в далекой стороне, на берегах Балтики, для них придумали слово «оккупант». Братьев, как известно, бог дает, их не выбирают. А вспоминает русский о братьях всякий раз, когда приходится потуже пояс затягивать. Об эстонской колбасе или рижском трикотаже он понятия не имеет. Все своим горбом, а к тому же шестьдесят процентов, в ином краю даже семьдесят выработанной им продукции вечно уходит на всякие помощи младшим братьям, как ему внушают со школьных лет. Это в награду за «старшинство». В ответ лишь брань за спиной и прозвища вроде Ивана-дурака...

Бабка, не дослушав мои благонамеренные речи, садится в автобус. Она даже не выглянула в окно, во всем несогласная. И здесь виноват русский.

По обычаю родных мест, начинаю жалеть сирую, возможно, одинокую к исходу лет мамашу: «Неприкаянная душа! Жизнь, полная противоречий... Воплощение изгоя, вечная скиталица... Однако есть в ней что-то свое, искреннее, дарованное от рождения: язык! Из всех приобретенных и вновь утраченных богатств хранит родное слово в душе, готова за него в бой...»

В купе поезда — двое: инвалид войны, «афганец» — рослый парень, в корсете. Едва ввалился, цепляясь костылями за высокий порожек, и тут же лег вниз лицом. Обвел кротким взглядом купе, улыбнулся, рад месту. Его сопровождает краснолицый, с налитыми плечами прапорщик. Крикливый, горластый, только вошел,

поддерживая окалеченного воина, сразу в упор: «Вы ничего не понимаете! Вы ничего не знаете!» Он — за отделение Прибалтики от Советского Союза. Чем-то допекла жизнь или наслушался за месяц в Юрмале смелых декламаций от людей, не признающих ни ока, ни бока...

Возможно, сработала фраза, услышанная в десять вечера на переговорном пункте. Четырежды прапор приходил, чтобы связаться с Челябинском по предварительному заказу. Так и не соединили. Вдобавок пульнули в спину оскорбительной фразой, когда потребовал начальника смены: «Пошел вон, свинья!» И еще была добавлена национальность.

Сработала в памяти властной телефонистки травка, напоминающая больше колючую проволоку, чем верблюжий корм!

— Знакомо? — спрашивает у меня, ухмыльнувшись, разглядев фронтовые планки на пиджаке. Я думаю в ту минуту: «Зачем же израненных парней везут в Прибалтику? Госпиталей своих недостает? И вообще, почему напичкали Юрмалу пансионатами, санаториями, теперь вот и госпиталь здесь... Климат дрянной, с туманами, все жалуются на головную боль. Территория города и парки (разве это лес?) — засорены, истоптаны вкривь и вкось. Вода в море буквально смешана с отбросами бумажной фабрики. Не сходят с газетных страниц вопли местных жителей — и поделом! Кому взбрело в голову распространять по мелководью кислотные отходы целлюлозного производства? В минувшее лето не купались. Вздымаются волны протеста, возмущения людей, здесь живущих постоянно! Но приезжие-то ведь ничего о том не ведают! Из глубин страны, с юга и востока озабоченные свободными койко-местами профдеятели гонят новые толпы людей на исцеление, на отдых, на экскурсии... Туда, где никаких условий ни для исцеления, ни для отдыха! Теперь вот пристраивают «афганцев». Поистине вавилон недомыслия!

Василий Андреевич уныло роняет над тарелкой с охвостьем ледяной рыбы, не исключено, выловленной им самим в последнем рейсе перед пенсией:

— Главврач — русский, оттого на базе не дают нашему санаторию мясопродуктов.

Каких только догадок не строят отдыхающие! Но почему не чешется ни один из кураторов прибалтийских санаториев? Везде перемены, а в санаториях тишь да гладь, все отрегулировано на века и всех удовлетворяет?

В рижской вечерней газете «Ригас Балсс» некто Эдгар Смехов, перелицевав бородатый анекдот на латышский лад, пишет: «Крестьянин-национал косит сено. К нему бежит сын-пионер и радостно кричит: «Папа, русские уже в космосе!» — «Что, все русские?» — «Нет, только один!» — «Так чего же ты радуешься, дурачок?»

Вот вам реакция некоего пахаря на полет Гагарина в космос. Автор этой стряпни не удосужился даже поименование землепашца здешнего обозначить в духе католической веры, и называет его по-русски крестьянином. Все торопятся со злым словом. «Конечно, этот анекдот, — пишет дальше автор пошлой стряпни, — придумали русские, которым все прошедшие годы «песня строить и жить помогала...». В огороде бузина, а в Киеве — дядько... Чушь

какая-то, ахинея, словесный блуд. Уже и песня плоха, если она в устах другого народа? Разве латыши обходятся без песни или она им ни в чем не помогает? Насилия над привычными понятиями тоже годятся в борьбе без правил. Все в самый раз, лишь бы позабористее ляпнуть в адрес русского Ивана.

Носится по свету курай, отряхивает с себя ядовитое зелье! Где-то за океаном люди стремятся избавиться от надуманного ловкими нагнетателями страстей за годы «холодной войны» образа «врага». На берегах Прибалтики усердствуют Смеховы да Коротичи в направлении обратном. Если всякий русский, то бишь «враг», изображался за океаном или в Западной Европе традиционно бородатым, в лаптях и в рогатой каске с большой красной звездой, то народ в целом и язык другой нации не принято было трогать, тем более охаивать. Прибалтика муссирует русский, изображает этот язык как можно хуже. А по данным ЮНЕСКО, русским пользуются в мире около трехсот миллионов человек.

Под рубрикой «В порядке обсуждения проекта закона Латвийской ССР о языках» в местной газете сообщается мнение учеников и учителей 28-й рижской средней школы: «Для них неприемлема статья 14 закона. Кроме этого, неприемлемы вообще 13 статей закона, где хоть в какой-либо форме упоминается о возможности применения русского языка, даже если это просто перевод с латышского этикетки по пользованию товарами». Обратите внимание, что первыми, кто огульно отрицает русский, поставлены — ученики!

Создается впечатление, что кто-то из русских или весь народ России давит на юных латышей, навязывая им свой язык, заставляет пользоваться только чужим языком взамен родного. Если это действительно так, то укажите же адрес конкретных виновников насилия, навязывания чужого языка, подавления речи местного населения. Кто и когда повелел прекратить занятия на родном языке, открыл на месте латышской русскую школу? Не для меня лично сформулируйте претензии конкретно, не для вятского или орловского крестьянина-националиста, давящего латышей в Прибалтике, спросите у классных дам и юных воспитанников, репетировавших хоровую ненависть к русским: что ты, тетя или детка, знаешь о русском языке? Да, о языке! Ведь война-то идет против языка на этикетках к колготкам, сработанным русской трикотажницей из узбекского хлопка?

В Латвии часто упоминают имя Ленина... Разумеется, в образе Иисуса Христа, раздающего всем народам свободу. Но напрасно в хоре голосов поискать упоминания о том, что Ленин был человеком русским, гордился языком предков, первые декреты писал и провозглашал мир народам на русском, вслух мечтал о братстве между людьми, мыслил на том же, ныне охаянном на всех перекрестках Риги русском языке.

Свою статью о языках доморощенный советолог Э. Смехов заканчивает, естественно, открытием в русском человеке ревностного прирожденного националиста: «...у русских выработалось обостренное чувство национальной чести и национального достоинства, которое русские во все времена защищали **любой ценой**». Слова **любой ценой** выделены жирным шрифтом.

Здесь, думаю, нам пора обратиться за проверкой столь серьезных изречений рижского корреспондента к объекту исследования — загадочной славянской душе. То бишь к основному носителю этого нетерпимого языка. Вот вы, пермяк, орловец, калужанин, вятич, — вы пребываете в плену обостренного чувства национального достоинства? Язык ваш, мягко говоря, топчут, буквально наматывают на грязную руку, лезут в душу новоявленные знатоки вашей психологии. Замечали вы эту обостренность в отце, матери, дедушке? Как она проявлялась, в каких случаях? Подскажите! Извините, жизнь доживаю неосведомленным в этом плане. Думалось: совсем иной ныне пошел русский...

Защищали любой ценой страну, землю — это правда. Славянскую веру предки защищали, помогая болгарам освободиться от османского ига. Но так, чтобы чувство национального — и любой ценой? Все русские? Автор так и шпарит: «Русские во все времена». Между тем под носом у автора латыши создают в пору перестройки фронт, именуя его национальным. Русские и другие народы, живущие в Латвии с давних времен, свой фронт называют интернациональным. И создан он в ответ на откровенно шовинистические лозунги возникшего гораздо раньше другого фронта с оскорбительными возваниями против русских. Однако Смехов обвиняет не националов в национализме, а интернационалов в национализме! Таков уровень полемики. Для подкрепления действий взрослого населения мобилизованы дети.

Московская школа № 715 в дни каникул издавна принимает литовских, рижских или финских детей. Можно ли допустить мысль, что кто-либо из русских мальчиков или девочек плевал в лицо приезжим гостям? Но вот юным москвичам пришлось нанести ответный визит в Прибалтику. Их принимала литовская школа. Девочка из Каунаса, обслуживая гостей в столовой, демонстративно, видимо на спор со сверстниками, плюхнула в тарелку с едой, только что поставленную перед московской ровесницей, стопку грязной посуды. Мол, знай наших. Московские школьники поднялись из-за стола и уехали! Об этой неслыханной выходке долго говорила вся Москва.

Как тут не вспомнить о верблюжьей травке, рассеивающей зловредные семена в доверчивую почву? Не курай ли пробежал по неокрепшему сознанию ребенка, больно ранив сердце, посеяв раздор между поколениями, которым еще жить да жить? Кто извлечет из памяти ребенка эту гнойную колючку?

Странная неодинаковость в отношении к «этикеткам» на русском языке наблюдается в Риге. Никто из латышских писателей ни в прошлом, ни сейчас не опротестовал издания книг в переводе на русский. Остаются без протестов получаемые в Латвии ежедневно сотни наименований предметов иноземного изготовления и продуктов питания, поступающие с севера и востока. Идет эшелонами самое необходимое, без чего и дня Латвии не прожить: уголь для отопления, электроэнергия, бензин, хлопок, пиломатериалы, хлеб... Все это произведено другими, в других республиках. Подсчета таким дарам извне, сопоставления с тем, что и в каком количестве производится самими латышами, не ведется.

Несколько лет тому назад в чехословацкой профсоюзной газете «Праце» возникла полемика: надо ли обменивать товары чешского производства на русскую нефть? Да и нефть-то, говорят, плохая. На столь серьезный запрос читателя, возникший после очередного повышения цен на бензин в ЧССР, ответил ведущий специалист республики по энергоносителям. Инженер, доктор наук, в своей обстоятельной статье разъяснил, что марка нефти, покупаемой

у Советского Союза, по своему качеству нисколько не уступает лучшим образцам арабской, привел сравнительные данные основных свойств минерала, где бы его ни добывали. Ко всему прочему, заявил публично специалист, за арабский или американский петролеум * нам пришлось бы расплачиваться долларами или драгоценностями, которых не имеем. Напомнил: золотой запас Чехословакии все еще находится в Америке... А советским товарищам отгружаем за нефть лишь те товары, что можем выработать своими руками. Полезных ископаемых в нашей земле нет.

В Латвии разговоров о том, что имеет республика, чем располагает на сегодняшний день, а чего не имеет и не умеет, а значит, пользуется богатством и трудами других, не ведется. Но на всякий случай любой «иноверец» и прежде всего — русский выставляется как бедный родственник и даже иждивенец. И глядят на него, как на негра или турка в западных странах, часто забывая истину: переселенцы выполняют самую неблагодарную, черную работу.

Впрочем, я нисколько не оправдываю чересчур безоглядных славян, дюже охочих до перемены мест. Что-то унизительное для всей нации в облике неприкаянного человека, нередко оказывающегося в путах того же курая, которому и терять-то нечего. Сей сорным словом, хлобыщи в пьяном угаре что угодно в адрес своего народа, страны в целом. И такие Иваны, не помнящие родства, бродят по городам и весям, создавая инциденты с перенаселением, с нехваткой товаров.

...Неутомимый Василий Андреевич, поскучневший за последние дни, выводит что-то карандашом на салфетке. На обед он не приходил, ездил в Ригу: у сына тяжелая операция на ступне. Все домашние по этому случаю донельзя озабочены. Морячок, взбодренный хорошей вестью после посещения хирурга, заглянул в столовую на улице Карла Маркса. В порядке сравнения нашего меню с блюдами в общедоступной харчевне сделал набор яств, знакомых по санаторным разносолам. Цивильная кассирша насчитала ему за обед шестьдесят одну копейку. Сейчас дотошный человек прикидывает вслух, на какую сумму кормят здесь? Рижанина грызет обида за приезжих, он хотел бы кое-кого вывести на чистую воду.

Мы с «оккупантшей» подтруниваем над его праздными усилиями. Обмениваемся новостями, которые у всех «на слуху». Одна избирательница напечатала в городской газете перечень условий, при которых она будет голосовать за кандидата в народные депутаты — командующего Прибалтийским военным округом Федора Кузьмина. Первое условие: если кандидат публично заявит, за сколько месяцев он овладеет государственным языком республики.

Генерал-лейтенант Кузьмин, видимо, значится здесь как «оккупант» номер один, поскольку для него лично установлены особо жесткие сроки овладения языком хозяев страны. Прочему иноязычному люду по проекту Закона отводится два-три года...

Язык стал притчей во языцех. Создается впечатление, что если бы русские разговаривали только на латышском, никаких проблем

---

* Нефтепродукты.

в жизни республики не существовало бы. Один из кандидатов в депутаты записал в свою программу: «Буду добиваться, чтобы в Латвии открыли высшее учебное заведение для русскоязычного населения».

— Разве такого вуза не было раньше? — удивляюсь я. — Ни в одном городе?

Моряк, в свою очередь, удивлен моей наивностью.

— Есть факультет русского языка и литературы в университете, но принимают туда только латышей. Хуже другое: некому в русских школах учить детей латышскому языку. Не спешат выпускники столичного вуза поделиться знаниями и навыками с русскими детьми. Чтобы после обвинить этих же детей в невежестве и неуважении к языку коренного населения.

На середине пешеходной улицы в Юрмале какой-то кооперативист затеял поставить нечто в виде трактира. Одноэтажное продолговатое сооружение из красного кирпича, с колоннами, фигурными окнами. Парень в пиджаке и войсковом шлеме с полями, какие носят солдаты в Средней Азии, красит валиком фронтоны. Внизу еще двое укладывают из новых плит мостовую. Переговариваются на орловско-курском диалекте. Разве они не могли бы возвести такое же уютное строение где-либо в Кромах, Обояни или в Старом Осколе?

С уездом человека из обители предков скудеет родной край. А что получат, кроме обидных кличек, за свой наемный труд у хозяина ресторанчика эти русские парни, оторвавшиеся от корней? Сколько их, разбредшихся по свету, кому теперь все равно где жить. Почему — все равно? Кто-нибудь из старших задумывался над их судьбой? Или мы, россияне, избыточно богаты на молодые руки? Оглядитесь вокруг: как недостает именно в Центральной России сильных, честных рук!

Давайте обратимся к статистике. Территория Латвии приблизительно равна средней облвсти РСФСР. Коренного населения здесь даже поменьше, чем, скажем, в Брянске, Курске, не говоря уже о Крыме или Краснодарском крае. Понятно, здесь — республика. Однако по выпуску печатной продукции на душу населения до Латвии далеко любой союзной республике, в том числе и народвм Украины и Средней Азии, чья культура уходит корнями в тысячелетия.

Всяк, впервые появившийся на берегах Прибалтики, поражвется обилию газет и журналов, выпускаемых для миллионного с небольшим населения. Вроде бы даже хорошо. Однако возьмем лишь материальный аспект этого процветания печатного слова: где набраться бумаги? Местную фабрику в Слоке загнали постоянными понуканиями вперед, как старую клячу. В ответ на непомерную нагрузку фабрика по-животному заиспражнялась, задавила своим зловонием округу. Воды у побережья неглубокие, отмель на отмели. Растворить в себе чудовищную парашу, водруженную у самых вод, морю оказалось не по силам. В году минувшем отдыхающие лишь пробовали воду кончиками пальцев. Смельчаков окунуться не находилось — волна ошпаривала растворителями.

Виноваты во всем, разумеется, русские. В том соль! Это они, невзирая на вредное производство, брались за самые тяжкие разгрузочно-погрузочные работы, они гонят составами из России лес на переработку.

Бездна возмущения такой предприимчивостью со стороны ближ-

них к фабрике и дальних людей! Но ни одной заметки в газете или журнале о том, сколько же бумаги требуется для выпуска печатной продукции на латышском языке? Навстречу бумажному и грязевому потоку — мутный поток межнациональной розни на почве уничтожения природы. Вдумайтесь в этот заколдованный круг: на что тратятся привозные рощи дерев и труд переселенцев? На поругание.

Задней мыслью всяк бывает умен. Зловонную фабрику все равно ведь закроют. И не такие штучки прикрывали. Иного выхода нет. А то ведь придется закрывать... море. Если оно уже не отказалось служить человеку. Почему бы не посоветоваться с населением сразу? Все можно поправить, если вовремя спохватиться.

Ком наслоений с торчащими во все стороны колючими побегами сорных трав и сорных слов катится по полю дальше...

Иногда думаешь, глядя на него: что внутри сорвавшегося вскачь перекати-поля? Чья-то злая воля, свернувшаяся в кокон, или сам устроитель поганого действа сидит? Приходят на память стихи давней поры:

...На теле места нету пробе;
Где произрос сей дивный злак?
Прогнил у матери в утробе
Или наставник был — кулак?

Конечно, все это изложено с позиций человека, однажды и случайно оказавшегося в зоне противостояния «языков». Судя по прессе, непохоже, чтобы кто-нибудь из руководителей вникал в суть возникшей отнюдь не сейчас конфронтации. Регулировщики движения есть, волны свалявшегося курая проносятся из края в край под улюлюканье прессы, а людей, противостоящих стихии, не видно. Выходит, опять разгребаться в завалах рядовому и необученному, когда станет той или другой стороне невмоготу от перебранок? Или кому-то одному из них надоест выслушивать официальную похабщину в адрес кого угодно, только не себя? История спросит, где мы все были, чем занимались годами, когда другие народы учились жить по-добрососедски, овладевали непростой наукой современности жить под одним небом.

Царь Иоанн III, правивший в XV веке, называл прибалтийские народы ливонскими немцами. Со стороны северо-западной, от студеных морей, видимо, на Русь всегда потягивало холодком. Впрочем, не ангельского характера был и царь. Но и во времена оны не очень просвещенные люди различных верований искали путей к ослаблению надоедающих распрей. Они знали: долгие перепалки между соседями рано или поздно приобретают одну и ту же окраску — кровавую. Иоанн выдал свою дочь Елену замуж за отпрыска Гедимина — Александра. По-нынешнему говоря, отдал в чужой дом свою кровинку, чтобы не допустить большой свары. Царь просил лишь не погубить в русской княгине христианскую веру... Шли на такие уступки ради согласия между землями. Опасность колючего зелья, разбрасывающего семена раздора, а при неосторожном обращении с ним вспыхивающего огнем, существовала и в те времена.

В № 12 газеты «Юрмала» за нынешний год опубликовано сообщение Мары Микелсоне о жертвах латышского крестьянства в послевоенные годы. Автор пишет не от себя, повторяет вслед за

К. Стродсом и А. Швабе: «Решением Совета Министров Латвийской ССР от 17 марта 1949 года было вывезено в Сибирь 43 231 человек (около 2,3 процента), в том числе 9250 так называемых кулаков... Большинство малых и старых ссыльных остались там — на далекой сибирской земле».

Передавая читателям газеты свою боль за репрессированных земляков, за тяжкие потери всех народов в войну, автор приходит к выводам, вполне логичным: «Люди всех национальностей! Сплотимся в нашей вере, в милосердии и добре... Во имя памяти ушедших, во имя матери-земли, для которой все мы равны, — к какому бы фронту, к какой национальности ни принадлежали!»

Здесь, в данном выступлении газеты, упоминается Совет Министров республики, действовавший в согласии с общесоюзными властями. Но во многих других интерпретациях событий упрощения ради принято обвинять во всем только русских. Между тем год сорок девятый не столь уж далек, чтобы нельзя было назвать более конкретных виновников массовых ссылок и расправ. Однако курай раздора проносится мимо таких проблем, всячески избегает ясности.

Можно ли считать уроком конкретности то, что в центральной печати все преступления тех лет, где бы ни совершались, извращения других времен адресуются одной личности — Сталину? Не облегчают ли себе задачу историки, избрав козла отпущения на все случаи жизни? Дело доходит до курьезов. Публицист Илья Константиновский в путевых заметках о Югославии, опубликованных в прошлом году в «Новом мире», видит причину всех нынешних сбоев в экономике страны... в Сталине. Кому не известен факт: между руководителями двух социалистических стран, между двумя Иосифами, произошел разрыв задолго до смерти одного из них. Причину тоже нельзя не знать: Тито избрал свой путь развития экономики страны с ориентацией на займы и помощь западных держав. Давно «почили в бозе» оба, а виноват, по уверениям И. Константиновского, лишь один из них, кому было напрочь заказано вмешиваться в дела Югославии. Такие упрощенные взгляды на исторические события уводят от научных поисков, выглядят профанацией.

Не работает ли и на ниве экономики отдаленных стран все тот же вездесущий курай?

В старину говорили: «Одна речь — не пословица». Едва ли в наше время найдется человек, поддерживающий тоталитарный режим, каким бы привлекательным ни было средоточие силы и власти в одних руках. Однако, склоняя по падежам имя одного тирана, адресуя ему проклятия за свои страдания, нельзя забывать о нюансах именно такого отречения от прошлого. Худая слава одного члена семьи задевает честь всего рода. На российских раздолах не брали замуж девушку из семьи, где обнаружил себя человек с дурными склонностями. Позор, занесенный под крышу дома одним из членов рода, так или иначе касался любого из сожителей.

Сейчас принято обходить молчанием или глухо сообщается об истоках недавних событий в Грузии, приведших к невинным жертвам, а затем и смещению должностных лиц. Какие бы ни были причины волнений, на настроение людей несомненно влияла длительная, я бы сказал, изнурительная, обвальная ругань в адрес Сталина. Открыто издевались в центральной печати даже над тем,

что кое-где в Грузии сохранились уголки памяти об их печально знаменитом земляке. Как бы ни отделяли люди твердь от хляби, моральную ответственность за блудного сына или недостойного брата ощущают на себе его сородичи. Неизбежные ссылки в публикациях на происхождение Сталина создавали в незрелых умах некий стереотип дорвавшегося до власти беспощадного грузина. Операция по удалению из живого организма того, что оказалось в нем лишним, всегда требует осторожности. Соблюдали ли мы, русские, и другие народы эту меру дозволенного? Существует ли такая мера? Разве не забывали, разоблачая Сталина, вспомнить о том, что Грузия явила мировой науке и культуре многих сынов достойных и являет сейчас? Кляня какого-нибудь отступника и выскочку, задумываемся ли мы о самолюбии народа, коему и без того горько?

Почему бы не оглянуться при переоценке своих ценностей на соседей: а как выходили из культового оцепенения народы, зараженные тем же навязанным им недугом? Разве китайцы не демонстрироввли маоизм или их кормчий меньше породил зла на свете? Но с какой некрикливой сдержанностью избавлялись соседи от неважного наследства!

В тирании над собственным народом Сталина все чаще сравнивают с Гитлером. Однако сравниваем мы, но не немцы! Отнюдь не фетишизируя фюрера, разные слои населения в Западной Германии относятся к нему по-разному: кто выбросил из головы, отрекаясь от позорного прошлого, а кто бережет как часть национальной трагедии. Пусть не лучшую часть, но это история. Ведь в становлении зловещей фигуры правителя были повинны многие.

Уинстон Черчилль за время правления страной буквально развалил Британскую империю, сузил ее территорию до маленького острова на севере Европы. Превратил в анекдот главную строку гимна Великобритании, где говорится, что над владениями англичан не заходит солнце... И все же в умах соотечественников Черчилль остается великим гражданином, ибо кое-что ему все же удавалось. Например, начать «холодную войну» против бывших союзников. Пустить свой клубок курая по белу свету.

Прекращаю ссылаться на примеры из жизни народов других стран по той причине, что чувствую нарастание окриков, присущих современной аудитории: «А-а, он Сталина защищает!» Право же, вглядитесь в текст: совсем не о том речь! Не мне защищать убийц. Пишущий эти заметки — сын репрессированного. Мой отец, Иван Данилович, служивший заведующим райземотделом в Касторненском районе Курской области, был уведен из дома в июле тридцать седьмого на глазах у пятерых детей... Ко всему прочему, я считаю, хотя это мое сугубо личное мнение, что за умышленное убийство даже одного человека закономерно лишать преступника всего, что он имеет. Человека, отнявшего жизнь у другого, нельзя прощать, если общество хочет оградить себя в дальнейшем от актов насилия со стороны агрессивных одиночек.

Однако что-то жуткое видится в поведении толпы, когда эта толпа подозрительно долго вопиет, указывая перстом на одного, пусть несомненно виноватого. Если нет меры и в справедливом гневе, значит, что-то патологическое в той немалой группе людей, которая, дорвавшись до средств массовой информации, выдает себя за коллективный разум всего общества. Куст сорной травы, гонимый по полю ветром, это не все поле.

Иные из нынешних ревнителей демократии так приловчились списывать на предков свои собственные грехи, что дух захватывает, наблюдая за проворством.

Пушкинское «Нет истины, где нет любви» должно нас рано или поздно привести к осмыслению своих поступков. Не все же было черным в советском периоде истории страны? Вот научились читать и рассуждать, отыскивать собственные заблуждения. Теперь бы свои же усилия обратить на конструирование модели будущего, с приложением рук, тоже своих, не чужих. Или будем бесконечно продолжать копаться в чужом загашнике, как это делает «интернационалист» Коротич, искать узурпатора своих прав в любом встречном, как поступает тот функционер из санатория, узревший в молодой русской «оккупантшу»?

Тамару я видел в последний раз возле автобусной остановки. Помялась у кассы, отошла:

— Хотела навестить могилу старшего брата у Елгавы, да боюсь за девочку... А вдруг?

Что «вдруг»? — не договорила. И так было ясно.

Бойтесь колючего курая, разбрасывающего семена раздора по свету! Травка эта, не имеющая своего поля, приживиста и на гречневом, и на пшеничном, и на чайном, и на хлопковом. Однако где она посеет свое семя, урожай один — междоусобица.

●

Анатолий ИВАНОВ (СКУРАТОВ)

ЭТО НАЧИНАЛОСЬ ТАК

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ровно три четверти века назад разразилась первая мировая война. О ее причинах написано много книг, повод же принято считать чем-то второстепенным: была бы, как говорится, причина, а повод приложится. Но оправдано ли такое пренебрежительное отношение к поводу?

И до сараевского убийства случались конфликты, порождавшие напряженность, но ни один из них все же не привел к мировой войне. Можно сделать два предположения: либо ситуация к 1914 году стала настолько угрожающей, что малейшая искра могла вызвать взрыв, либо требовался все же достаточной силы разряд, чтобы сдвинуть историю с места. Относительно первого варианта можно сослаться на свидетельство русского военного министра Сухомлинова, что в начале 1914 года в его министерстве войны не ожидали *. И подобную близорукость проявляли не только русские военные. Все европейское просвещенное мещанство полагало, что наступила эра мира и разума, когда уровень военной техники делает невозможной войну, а все конфликты будут решаться путем переговоров. До поры до времени казалось, будто так оно и есть: случились два марокканских кризиса — уладили, случились два-три кризиса на Балканах — тоже уладили, и общество привыкло благодушествовать, оставляя политику на усмотрение дипломатов и надеясь на их умение и компетентность. Такое же настроение царило и летом 1914 года: все думали что и на этот раз пронесет.

В обстановке, когда грозы не ждали, кто-то должен был хорошо рассчитать силу разряда и точку, в которую его нужно направить. Этой точкой стал живой человек — наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд.

Почему удар был направлен именно против него? Ходячее мнение таково, будто он возглавлял военную и антиславянскую партию в Австрии. Именно эта мысль была внушена 19-летнему крестьянскому парню Гавриле Принципу и его друзьям. Однако версия эта на поверку оказывается лживой, поэтому необходимо поставить вопрос о ее происхождении и о тех, кому было выгодно ее распространение.

Превращение Австрийской монархии в Австро-Венгерскую лишь на время и частично ослабило остроту межнациональных конфликтов в этом лоскутном государстве. Трения с Венгрией не прекратились, и именно они склонили Франца-Фердинанда к идее триализма, то есть предоставления автономии и южным славянам. На этой почве эрцгерцог хотел найти общий язык с Николаем II и попытаться восстановить союз трех императоров. Он говорил: «Я никогда не поведу войну против России. Я пожертвую всем, чтобы этого избежать, потому что война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий». «Война с Россией означала бы наш конец. Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на ее сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими. Австрийский и русский император не должны сталкивать друг друга с престола и открывать путь революции» *.

Франц-Фердинанд прямо указывал и тех, кому выгодна такая война, предупреждая рвавшегося в бой начальника генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа: «Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов» **.

Понятно, что такой человек, как Франц-Фердинанд, мешал. И понятно, кому он мешал. Поэтому неудивительно, что в «Revue International des Sociétés Secrétes», II, 788 (1912) появилось предсказание одного масонского деятеля: «Эрцгерцог осужден и умрет на пути к трону» ***.

Но судьи, тем паче масонские, не любят сами приводить в исполнение свои приговоры. Очень удобно в таких случаях иметь под рукой людей, действующих вроде бы по совсем иным побуждениям, чтобы потом можно было доказать свою непричастность.

---

* Сухомлинов Б. А. Воспоминания. Берлин, 1924, с. 221.

* Дедиер В. Сараево, 1914. Београд, «Просвета», 1966, с. 247, 245.

** Фей С. Происхождение мировой войны. М. — Л., Соцэкгиз, т. 2, с. 8—9.

*** Фей С. Цит. соч., с. 69.

Зверем, бежавшим на ловца, оказалось в этой ситуации освободительное движение южных славян.

Яблоком раздора между Сербией и Австро-Венгрией были Босния и Герцеговина, оккупировавнные двуединой монархией в 1878 году и аннексировавнные в 1908 году. Эта аннексия вызвала взрыв негодования и подъем патриотических чувств в Сербии. Была создана организация «Народна Одбрана», начавшая формировать отряды добровольцев. Но война тогда не состоялась, и сербское правительство поспешило ввести деятельность этой организации в легально-культурные рамки. Те же, кто остался неудовлетворен и разочарован, основали тайное общество «Уединенье или смрт», именуемое в историческом просторечии «Черной рукой».

Из руководителей этого общества, оформившегося к маю 1911 года, наиболее известен полковник Драгутин Димитриевич, прозванный за свою физическую силу Аписом, колоритная фигура сербской истории. В 1903 году он был одним из самых активных участников государственного переворота и убийства короля Александра Обреновича и его жены Драги, а в 1913—1915 годах возглавлял разведку сербского генерального штаба. Но инициатива принадлежала не ему, а некоему штатскому по имени Люба Иванович Чупа, который учился в Брюсселе, вступил там в масонскую ложу и «играл большую роль в основании общества «Уединенье или смрт», гораздо большую, чем до сих пор предполагали» *.

Встречное течение формировалось в самой Боснии. Здесь возникло тайное студенческое общество «Свобода» во главе с Богданом Жеричем, который в июне 1910 года неудачно покушался на губернатора Боснии Варешанина и тут же застрелился. Две другие наиболее известные фигуры этого общества — Данило Илич и Владимир Гачинович. Последний заслуживает особого внимания.

На Гачиновиче сходилось много связей. Во-первых, он принадлежал к боснийскому кружку Илича-Принципа. Во-вторых, он вступил в члены обеих сербских организаций — «Народной Одбраны» и «Черной руки». Гачинович очень ценил Ивановича Чупу, называл его «Мадзини молодой Сербии» и поддерживал с ним связь. В-третьих, именно через него осуществлялся контакт с русскими революционерами. В Швейцарии он познакомился с Натансоном, а через него — с Луначарским и Мартовым. Особенно близкие отношения возникли у него с Троцким, с которым он, очевидно, впервые встретился еще во время Балканских войн, когда Троцкий подвизался в Сербии в качестве журналиста, и с Виктором Сержем, племянником Н. Кибальчича и ярым русофобом. Позже Гачинович встречался в Швейцарии с Радеком. Натансон, уезжая в Россию в 1917 году вместе с Лениным, приглашал Гачиновича с собой. Связующим звеном между Гачиновичем и новым поколением боснийских революционеров оставался учитель Д. Илич, в доме которого в 1907 году квартировал Принцип.

В 1913 году Гачинович вдруг вызвал Илича в Швейцарию. Ряд авторов, считающих, что Гачинович играл самую главную роль в организации сараевского убийства, связывают эту поездку с тем, что Гачинович узнал о том, что Илич готовит покушение на губернатора Боснии Потиорека **.

. Дальнейшие действия Гачиновича покрыты мраком неизвестности. Существует очень смутная и противоречивая версия о каком-то таинственном совещании, проведенном Гачиновичем в Тулузе в январе 1914 года с представителями боснийской группы Мехмедбашичем и Голубичем, тоже связанными с «Черной рукой». Якобы именно эти лица по инициативе, исходившей от ближайшего помощника Аписа майора В. Танкосича, предложили совершить покушение не на Потиорека, а на Франца-Фердинанда. Но Гачинович почему-то не очень надеялся на помощь «Черной руки», а попытался своими силами достать оружие в Париже через известного русского революционера Бурцева, одновременно пригласив Принципа приехать в Лозанну.

Сам Принцип тоже нацеливался на Потиорека. Приехав в Белград в январе 1914 года, он поделился этими мыслями со своими друзьями — Чабриновичем, Буковацем и Шарацем. Двое последних через некую темную личность по имени Милан Цыганович довели этот замысел до ушей майора Танкосича.

И здесь опять была выдвинута идея о покушении на Франца-Фердинанда, а не на Потиорека. На суде и Принцип и Чабринович заявили: Цыганович сказал, что масоны уже в 1913 году постановили убить эрцгерцога. По их сведениям, Цыганович и Танкосич являлись членами масонской ложи в Белграде *.

Именно Цыганович передал трем террористам — Принципу, Чабриновичу и Грабежу — оружие и цианистый калий и обучал их стрельбе, поскольку ни один из этих юнцов оружием владеть не умел.

28 мая эта троица покинула Белград. Пограничная стража, выполняя приказ «Черной руки», помогла им перейти границу, и 4 июня террористы прибыли в Сараево. 28 июня в Видов дан, день Косовской битвы, первым неудачно бросил бомбу во Франца-Фердинанда Чабринович, а потом Принцип, воспользовавшись непредвиденной остановкой, чуть не в упор расстрелял эрцгерцога и его жену.

Главными исполнителями стали двое девятнадцатилетних юнцов с явным комплексом неполноценности и психопатической жаждой славы. Принцип во время Балканской войны набивался в отряд к Танкосичу, но был отвергнут как слабак, чего он никогда не мог простить Танкосичу, и потом обязательно хотел доказать, что тот допустил грубую ошибку, не оценив молодого патриота по достоинству. Чабринович же слыл среди своих болтуном, никто, в том числе и Принцип, не относился к нему серьезно, и этому баламуту тоже непременно хотелось доказать, что он не хуже других.

Те, кто непосредственно шел на риск, понесли кару. По сараевскому процессу были осуждены 16 человек, из них троих, в том числе Д. Илича, казнили. Принцип, Чабринович и Грабеж получили по 20 лет, поскольку к моменту преступления им еще не было двадцати, и по австрийскому закону смертная казнь к ним не могла быть применена. Никто из них не дожил до освобождения. Последним умер Принцип — 28 апреля 1918 года.

Ну а остальные, управлявшие заговором на расстоянии? Танкосич погиб на войне в 1915 году. Апис был арестован по приказу сербского правительства в декабре 1916 года. Новый король решил не ждать, пока его постигнет участь старого, и устроил липовый процесс, резонно опасаясь, что раньше, чем соберутся действи-

---

* Дедиер В. Цит. соч., с. 628.
** Там же, с. 461.

* Фей С. Цит. соч., с. 69.

тельные улики, можно и голову потерять. По приговору суда Апис был расстрелян 26 июня 1917 года.

При загадочных обстоятельствах окончил свои дни Владимир Гачинович. В августе 1917 года он внезапно заболел. Швейцарские врачи дважды делали ему операцию, подозревая то одно, то другое, и каждый раз ничего не обнаруживали. 11 августа Гачинович умер. Троцкий почтил его память некрологом. Имело ли место отравление? Интересно, что уже за год до этого Гачиновичу угрожал его прежний соратник Голубич, а вожак далматских студентов Черина специально приехал в Женеву, чтобы убить Гачиновича, которого считал «виновным во всем». Но в чем во всем? Ведь сараевское покушение удалось, его участники были арестованы на месте и потом сами выдали сообщников, значит, здесь Гачинович не мог навредить. И оправдывался он как-то странно: «Я сказал только Троцкому» *. Что мог сказать Гачинович Троцкому? Очевидно, речь шла о готовящемся покушении и о каких-то связанных с ним обстоятельствах, до сих пор остающихся в тайне, поскольку тех, кто слишком много знал, беспощадно убирали.

Эту тайну пытался приоткрыть Радек, когда на московском процессе 1937 года вдруг заявил: «Я хотел бы также рассказать о.. тайне войны... Одна часть этой тайны была в руках молодого сербского националиста Принципа, который предпочел умереть в тюрьме, но не открыл ее. Он был сербский националист и защищал правоту дела, за которое боролся, тем, что скрыл тайну сербского националистического движения. Я не могу скрыть эту тайну и унести ее с собой в могилу. Если бы я скрыл эту правду, ушел с ней из жизни, как Зиновьев и Мрачковский... то в момент смерти я слышал бы проклятия людей, которые погибнут в будущей войне и которым я своей информацией дал бы в руки оружие против надвигающейся войны...»

Радеку не дали договорить. Что он имел в виду, до сих пор остается загадкой. Варианты ее решения — из области гипотез.

В романе Мартен дю Гара «Семья Тибо» в руки некоего революционера по имени Мейнестрель попадают документы, могущие предотвратить войну, но сей персонаж скрывает их, потому что война, по его мнению, будет способствовать революции. Наши критики обвиняли французского романиста в живописании «развесистой клюквы», но, похоже, он был как раз недалек от истины. Троцкий, Зиновьев и Радек знали о подготовке покушения, знали, чем оно может грозить, но ограничивались лишь тем, что своевременно затыкали уши. Австрия и Германия обвиняли потом сербское правительство, что оно будто бы знало, но не предупредило. Эта версия была позже подтверждена признанием бывшего сербского министра просвещения Л. Иовановича, но лишь в той части, что до премьер-министра Пашича дошли слухи о переходе границы группой вооруженных лиц и об их целях, но кто именно шел, было неизвестно. Об этом могли бы подробней рассказать Троцкий с компанией — ведь их друг Гачинович находился в постоянном контакте с Иличем и Принципом, эти имена могли быть своевременно прданы гласности.

Они сохранили тайну. Но, может быть, им и владеть ею было не положено и именно поэтому Черина собирался убить Гачиновича? Может быть, эта тайна потом использовалась против кого-то как орудие шантажа? Против кого?

* Дедиер В. Цит. соч., с. 839.

Если подозревать масонов, то тайны вроде нет. Ведь сараевские обвиняемые назвали Танкосича. Однако все не так просто.

Во-первых, выдумано следующее хитроумное объяснение: Чабриновичу подал мысль свалить все на масонов, чтобы снять ответственность с Сербии, адвокат, находившийся под влиянием иезуита Пунтигама. Ну а враждебное отношение иезуитов к масонам известно. Так компрометируются показания обвиняемых, хотя, если подумать, трудно выгородить Сербию, называя Танкосича, — подобный способ кажется явно неудачным, кивок на международных революционеров типа Гачиновича скорей отвел бы подозрения от Сербии.

Во-вторых, масоны вообще отрицают принадлежность Танкосича к их плану. В. Дедиер делает невинные глаза и вопрошает: почему бы масонам признавать Иовановича, Чупу и отрекаться от Танкосича *, хотя совершенно ясно, почему: Иованович погиб еще в Балканскую войну, а Танкосич по уши увяз в сараевском деле.

Серьезней звучит другой вопрос: не скрыли ли обвиняемые настоящих подстрекателей **? О масонах-то они говорили, а вот о своей поездке в Швейцарию в 1913 году Илич говорить отказался, равно как и о встречах с Шарацем, который тоже представляется довольно двусмысленной фигурой. Именно он, по словам его биографа Д. Славича, предложил устроить покушение на Франца-Фердинанда на встрече босняков в одном белградском кафе 31 марта 1914 года. Он же обставил прием Чабриновича и Принципа в тайное общество мистическим церемониалом, не то масонским, не то разыгранным под масонов. Согласно этой версии он, а не Циганович, достал оружие у Танкосича и обучал террористов стрельбе. 15 июня Апис созвал руководство «Черной руки» и сообщил о подготовке покушения. Поскольку почти все высказались против, Апис послал Шараца в Сараево вдогонку, чтобы приостановить дело. В Сараеве Шарац встречался с Иличем. И наконец, когда Танкосич погиб, хоронил его опять тот же Шарац. Хотелось бы уточнить, где находился Шарац в самый момент гибели Танкосича, а то как-то здорово он везде успевал.

Итак, создается впечатление, будто сараевских судей прямо-таки умышленно наводили на масонский след, пользуясь их известной падкостью на эту дичь, и сбивали с другого, ведшего к Гачиновичу, а ведь масонский след, повторяем, вел именно в Сербию. Разыскивая виновных, можно поставить традиционный вопрос:

Кому принесла выгоду первая мировая война?

Говоря о правящих кругах стран-победительниц, граф Э. Ревентлов подчеркивал, что все выдающиеся личности, ведущие министры, а частично и правители стран, сражавшихся против центральных держав, были масоны 33-й степени по шотландской иерархии. Духовными центрами шотландского масонства являются Англия и США. Его цель — мировое господство англосаксов и управляемого ими мирового капитализма ***.

Главным препятствием на пути к вожделенному господству были монархии Центральной и Восточной Европы, которые нужно было стравить между собой, вызвать крушение существовавших в них режимов «во имя прогресса», и привести там к власти своих лю-

* Дедиер В. Цит. соч., с. 765.

** Там же, с. 785.

*** Graf E. Reventlow. Politische Vorgeschichte des Großen Krieges. Berlin, 1930, s. 30—31.

дей. Этого удалось достичь, но торжество масонов оказалось кратковременным. Россия вышла из-под их контроля уже через несколько месяцев, а Германия — в 1933 году. И тогда снова встал вопрос о необходимости опять стравить эти две страны.

Плоды войны пожали наряду с масонами и некоторые революционеры. И не странно ли, что и те и другие замешаны в сараевском деле? То ли они работали вместе, то ли стремились перехитрить друг друга, свалить вину с одного на другого — неясно. На их взаимоотношениях и впоследствии лежала печать какой-то неопределенности, — они то соперничали, то вступали в союз друг с другом. Не должна упускаться из поля зрения и такая на первый взгляд фантастическая возможность, что уже тогда, в период сараевской провокации, было заключено какое-то негласное соглашение о разделе сфер влияния в будущем; может быть, именно эта тайна и хранится с такой тщательностью. А Черина мстил Гачиновичу за другое: за то, что он превратил югославское освободительное движение в орудие международных авантюристов, которым было наплевать на сербов и босняков (на что, очевидно, и намекал Радек).

Хотелось бы подчеркнуть, что хотя война создала благоприятные возможности для всех революционеров вообще, нельзя воспринимать последних как нечто единое. Если масоны Керенский и Гучков были прямыми агентами англо-французского империализма в России, то приход к власти большевиков смешал масонам все карты. В декабре 1922 года IV конгресс Коминтерна принял резолюцию, запрещавшую коммунистам членство в масонских ложах. Но масоны не были бы масонами, если бы не имели своей агентуры и в рядах революционеров, даже на самом высоком уровне партийного руководства. Сегодня уже доподлинно известно, что Л. Д. Троцкий, очень интересовавшийся масонством *, оказавшись в эмиграции, вступил в одну из лож Великой ложи Франции, объединяющей ложи шотландского ритуала **. Так что роль Троцкого и в сараевском деле могла быть отнюдь не самостоятельной.

Сараевское убийство было использовано военной партией Австрии в качестве предлога для превентивной войны против Сербии. Австрийская политика давно уже отличалась крайним авантюризмом, и Бисмарк пророчески советовал поддерживать равновесие на Востоке, то есть союз с Россией, чтобы не пришлось расплачиваться немецкой кровью за балканскую политику Вены. Но наследники Бисмарка не обладали его политической мудростью, поэтому цепную реакцию остановить не удалось.

Поддержка Россией Сербии трактовалась у нас в 20-е годы как «разжигание сербского национализма». Пресловутый М. Н. Покровский доходил до того, что называл сараевское убийство провокацией русского генерального штаба — именно так трактуется это событие в седьмом томе Малой Советской Энциклопедии (М., 1930). Версию Покровского с радостью подхватил нацистский историк Г. Юберсбергер ***.

Бывший русский атташе в Белграде полковник В. А. Артамонов

---

* Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии, I, изд. «Гранат», Берлин, 1930, с. 144—145.

** Ludwik Hass. Wolnomularstwo w Europe środkowowschodniej w XVIII i XIX wieku. Wrocław, Ossolenium, 1982, p. 487.

*** Виноградов К. Б. Буржуазная историография 1-й мировой войны, М., 1962, с. 164.

в разных органах печати трижды опровергал после войны свое участие в этой провокации. Но главное, конечно, не голословные опровержения, а то, что «когда Советская власть опубликовала документы из архива царской власти... ни один документ никоим образом не подтвердил тезис» * об участии русских официальных представителей в сараевском заговоре. Советский историк С. Полетика, автор книги о сараевском убийстве, излечившись впоследствии от покровщины, назвал истинный источник клеветы: уже упоминавшегося русофоба Виктора Сержа и барбюсовскую группу «Клартэ».

Заместителем Артамонова был А. И. Верховский, будущий военный министр Керенского, а потом красный генерал. Знакомый Верховского, археолог Тридвар-Буржинский, издал за границей мемуары, согласно которым Верховский говорил, будто покушение организовал Артамонов. Но Верховский мог просто в порядке прислужничества к новому режиму поддакивать официальной версии. Доживи он до других времен, он столь же яро опровергал бы ее, как и Полетика. В сараевском вопросе школа Покровского шла на прямые фальсификации. Например, утверждалось, будто полковник Димитриевич разоблачил роль русских военных агентов в этом деле. В действительности Апис рассказал в рапорте от 10 апреля 1917 года о совместной работе с Артамоновым по организации шпионской сети в Австро-Венгрии, но специально оговорил, что о покушении Артамонов не знал **.

Австрия объявила войну Сербии 28 июля. Дальнейший ход цепной реакции зависел от действий России.

Лидерами военной партии в России были великий князь Николай Николаевич, женатый на Анастасии, дочери черногорского князя, и начальник генерального штаба Н. Н. Янушкевич. Они стали требовать от царя отдать приказ о всеобщей мобилизации; тот упорствовал, соглашаясь лишь на частичную. Но в конце концов царь вынужден был уступить мощному нажиму военных.

Впоследствии кое-кто объявил русскую мобилизацию чуть ли не главной причиной мировой войны. Вспомним хотя бы, как бурно разглагольствовал на эту тему Жак Тибо в уже упоминавшемся романе Мартена дю Гара. С литературного персонажа спрос невелик, но профессиональным историкам пора бы отвыкнуть возлагать ответственность за войну на какую-то одну страну, будь то Россия или Германия, Франция или Англия. Теорию «зачинщика» В. И. Ленин в своей работе «Крах II Интернационала» называл самой примитивной из всех. «Зачинщика» в этом смысле не существовало. Была весьма неустойчивая система, рухнувшая в результате провокации, в которой закулисные властители этой системы видели средство к более полному подчинению своей власти тех ее частей, которые еще осмеливались заявлять претензии на самостоятельность.

К счастью, прошли те времена, когда наши историки, следуя указаниям «Краткого курса истории ВКП(б)», объявляли дореволюционную Россию отсталой страной и полуколонией западных империалистических держав. Этот миф давно опровергнут: доказано, что страна наша развивалась накануне первой мировой войны бур-

---

* Дедиер В. Цит. соч., с. 765.

** Там же, с. 785.

ными темпами, достигла уже весьма высокого уровня и проводила вполне самостоятельную политику.

Стремительное наступление германских войск на Париж заставило русское командование изменить свои планы и начать боевые действия с вторжения в Восточную Пруссию. Операция эта была импровизированной, передвижения двух армий плохо согласованными, в результате чего два корпуса 2-й армии оказались в окружении, а ее командующий, генерал Самсонов, застрелился. А. И. Солженицын очень подробно описал эти события в романе «Август 1914», но в его описании они выглядят чуть ли не как общенациональная катастрофа. Германское командование тоже пыталось тогда всячески раздуть свою победу. Но наши военные специалисты оценивают исход этой операции несколько иначе. По мнению А. М. Зайончковского, «катастрофы, наподобие самсоновской, являясь на общем фоне войны только булавочными уколами» *. Н. Н. Головин считает, что в 1914 году для нас главным театром военных действий являлся Юго-Западный фронт и «русская победа в решающем месте покрыла поражение в Восточной Пруссии» **. Если же смотреть на события не с точки зрения русского фронта в целом, а в масштабе всей мировой войны, то, как признавал У. Черчилль: «Русское наступление в августе 1914 года определило судьбу битвы на Марне» ***. Такого же мнения был и тогдашний министр иностранных дел Англии Э. Грей: «Только благодаря энергии и огромному самопожертвованию, которые были проявлены Россией при этом наступлении, союзники были спасены осенью 1914» ****.

Две армии Юго-Западного фронта, который, как уже сказано выше, был главным театром военных действий, вторглись в Галицию и заняли Львов. Австрийцы потеряли 326 000 человек, в том числе 100 000 пленными.

В общем, несмотря на все огрехи, ситуация на фронтах к концу 1914 года складывалась благоприятно для русской армии. Но уже поступали тревожные сигналы, предрекавшие большие беды в будущем. Уже в сентябре начался острый кризис с винтовками, а за ним к концу года возник снарядный голод. Но эти печальные явления не следует считать пороком, присущим исключительно дореволюционной России из-за ряда ее неустанно клеймимых на протяжении десятилетий общественно-политических особенностей. Широко бытовало мнение, что современная война будет скоротечной и продлится самое большее несколько месяцев, поэтому просчитались все, и «недостаток боевых припасов в зимний период 1914—1915 гг. угрожал катастрофой и для французской и даже германской армий» *****.

1915 год русская армия начала победой в итоге Сарыкамышской операции на фронте боевых действий против примкнувшей к центральным державам Турции. Но Россию в этом году ждали тяжелые испытания.

Были предприняты попытки продолжать наступление на Юго-За-

* Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. М., 1962, с. 343—344.

** Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1928, с. 409.

*** Виноградов К. Б. Цит. соч., с. 110.

**** Сб.: Первая мировая война. М., 1968, с. 150.

***** Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937, с. 581.

падном фронте и прорваться через Карпаты на Венгерскую равнину. Русские войска заняли ряд перевалов, а в марте овладели крепостью Перемышль, взяв в плен 120 000 австрийских солдат. Но это был последний русский успех в 1915 году. В мае немецкие войска нанесли контрудар, снова отбили Перемышль и Львов и за два месяца свели на нет все прежние успехи русского оружия. Одной из причин этого поражения была слабая помощь со стороны союзников, в чем каялся потом Ллойд-Джордж: «Историки предъявят счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских» *.

После этого поражения по стратегическим соображениям пришлось оставить Польшу. В сентябре 1915 года царь принял на себя звание верховного главнокомандующего, отстранив великого князя Николая Николаевича. Советский историк В. Дякин считает этот шаг «давно назревшей необходимостью» **, и с его мнением трудно не согласиться, учитывая весьма скромные военные дарования великого князя, а также его вздорный, вспыльчивый характер.

Фактическим командующим русской армией стал М. В. Алексеев, уроженец Тверской губернии, родившийся в небогатой трудовой семье бывшего солдата в 1857 году. По характеристике бывшего военного министра Временного правительства А. И. Верховского, «это был скромный, незаметный в мирное время труженик, всю жизнь работавший над теорией и практикой военного дела». «Внешне Алексеев напоминал корявенького маленького мужичонку из средней полосы России. Держался он необыкновенно просто, не так, как большинство из высшего командования русской армии» ***.

Последней операцией на русском фронте в 1915 году и первой, с которой пришлось столкнуться новому командованию, стал так называемый свенцянский прорыв немецких войск, целью которого было окружение 10-й русской армии в районе Вильны. Но успеха немцам достичь не удалось — русские оставили город и вышли из-под удара, сохранив силы.

Подводя итоги 1915 года, следует сказать, что русский театр был в этом году главным театром мировой войны и обеспечил Франции и Англии передышку, которая была широко использована для достижения конечной победы над Германией ****. Год этот был очень тяжелым для России, но в дальнейшем удалось достичь перелома к лучшему благодаря тому, что русская промышленность сумела мобилизоваться и развить темпы. Например, если в начале войны выпускалось 10 000 винтовок в месяц, то в 1917 году — 130 000. Производство пулеметов за время войны было увеличено в 17 раз. Начинала войну русская армия с 7000 орудий, к началу 1917 года она имела их более 12 000. Годовая производительность русских патронных заводов была за тот же период увеличена с 550 миллионов до 1209 миллионов. Даже пресловутый снарядный голод,

* Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934, с. 137.

** Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы 1-й мировой войны. Л., 1967, с. 112.

*** Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959, с. 32, 116.

**** Зайончковский А. М. Мировая война. 1914—1918. Воениздат. 1938—1939. т. 1, с. 363.

о котором столько кричала либеральная пресса, был удовлетворен к началу 1916 года.

Русское правительство развивало на свои средства военную промышленность не только у себя, но и за рубежом. Главным образом за счет русского золота выросла в Америке военная промышленность громадного масштаба *. Однако американские фирмы не справлялись с заказами, и пришлось командировать в США русских инженеров и техников, которые безвозмездно передали американцам ценный опыт, благодаря чему последним удалось создать свои кадры специалистов по различным военным производствам. В конечном счете поставка винтовок и пулеметов на русский фронт была налажена.

Отвратительно вели себя европейские «союзники». Они заламывали завышенные цены и плохо выполняли взятые на себя обязательства. Франция откровенно требовала русское пушечное мясо в обмен на свое оружие. Благородно вела себя одна только Япония.

О зимнем периоде 1915/16 года А. А. Брусилов вспоминал: «В течение этой зимы мы усердно обучали войска. Постепенно техническая часть исправлялась в том смысле, что стали к нам прибывать винтовки, правда, различных систем, но с достаточным количеством патронов: артиллерийские снаряды, по преимуществу легкой артиллерии, стали также отпускаться в большом количестве; прибавилось число пулеметов... Войска повеселели и стали говорить, что при таких условиях воевать можно и есть полная надежда победить врага» **.

Первый успех в 1916 году был достигнут на Кавказском фронте. Русские войска начали неожиданное наступление в самое неудобное время года. В результате этой операции Кавказская армия под командованием Н. Н. Юденича овладела турецкими городами Эрзерум, Трапезунд и Эрзинджан.

В марте 1916 года, в весеннюю распутицу, русские войска повели наступление в районе Двинска и озера Нарочь. Потери были очень велики, но зато во Франции немцы прекратили атаки на Верден.

В июне 1916 года начался знаменитый брусиловский прорыв Юго-Западного фронта. Хотя задуман он был не совсем удачно, с большим распылением сил, тем не менее австрийцам, которые потеряли в этих боях 400 000 пленными, был нанесен ошеломляющий удар. Для ликвидации прорыва немцы сняли с французского фронта 11 дивизий, австрийцы с итальянского — шесть. Некоторые наши авторы считают, что брусиловский прорыв явился началом решающего перелома в ходе первой мировой войны ***.

Итоги 1916 года ясно показывают, что говорить о каком-то поражении России в первой мировой войне не приходится. На всех фронтах инициатива перешла в руки русских. «Русская армия достигла к этому времени по своей численности и по техническому снабжению ее всем необходимым наибольшего за всю войну развития» ****. И когда в январе 1917 года 12-я русская армия начала наступление с Рижского плацдарма, застигнутая врасплох 10-я германская армия оказалась в катастрофическом положении. Ее спасли лишь волнения в русских войсках.

---

* Маниковский А. А. Цит. соч., с. 822.

** Брусилов А. А. Мои воспоминания. Воениздат, 1963, с. 199.

*** Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война. М., 1964, с. 179.

**** Зайончковский А. М. Мировая война. 1914—1918, т. 2. с. 104.

Как писал военный историк А. М. Зайончковский, «центральные державы ожидали спасения только с выходом России из строя, но этого выхода нельзя было уже добиться на полях сражений». Поэтому русская революция «вошла в расчеты германского генерального штаба как определенная оперативная даннвя» *.

По словам У. Черчилля, «ни к одной нации Рок не был так беспощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду; она уже претерпела бурю, когда наступила гибель. Все жертвы были уже принесены; работа была закончена». «Долгие отступления были кончены; голодовка снабжения была преодолена; вооружение притекало широкими потоками, более сильные, многочисленные, хорошо снабженные армии сторожили огромный фронт».

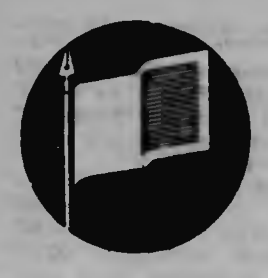
«Поверхностная мода нашего времени трактует царский режим как слепую, испорченную, неумелую тиранию. Но обозрение тридцати месяцев его борьбы с Германией и Австрией должно было внести поправки в эти смутные представления. Мы можем измерить силу Российской империи по тем ударам, которые она перенесла, тем катастрофам, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, по тому восстановлению, которого она добилась».

Царский режим пал не потому, что проиграл войну. Войну он выиграл.

●

---

* Зайончковский А. М. Мировая война. 1914—1918, т. 2, с. 99, 100.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Е. ОВАНЕСЯН

«ПРЯТАТЬСЯ ЗА СЛОВАМИ БЕСПОЛЕЗНО...»

А деятельность наша публична, и никто не расскажет о нас больше, подробнее и вернее, чем мы сами своими писаниями — при этом почти неважно, о чем мы пишем, важна только мера нашей любви... И подделать любовь нельзя, и лукавить, хитрить, прятаться за словами бесполезно.

Т. Иванова

1

Слова, вынесенные в эпиграф, заимствованы из сборника статей Татьяны Ивановой «Круг чтения», выпущенного не так давно издательством «Современник». Мысль эта, хотя и не поражает самобытной глубиной, все-таки сама по себе может служить камертоном для любого литератора. Очевидно, что впечатления от прочитанного так или иначе, но будут зависеть от того, насколько и чему соответствует дух «писаний» автора.

«Имя критика Татьяны Ивановой, — говорится в аннотации к сборнику, — хорошо знакомо читателю». С этим трудно не согласиться, — но именно поэтому можно смело утверждать, что «Круг чтения» явится для читающей публики немалым сюрпризом. Разве не удивится осведомленный читатель, обнаружив, например, такую многообещающую фразу: «Я хочу рассказать вам о писателях, которые с первых шагов в литературе ощутили себя именно русскими писателями и, значит, учителями жизни»?..

Или, скажем, такую сентенцию: «Когда мы говорим о традиционной учительной миссии нашей литературы, мы, конечно, имеем в виду книги, которые учат добру и зовут к свету. И нам надо очень четко понимать, что книги, в которых авторская позиция не обозначена, размыта, отсутствует... лежат не в русле классической русской традиции...»

Как будто совсем другая Т. Иванова предстает перед нами. Какого же рода деятельность способствовала перемещению ее из достаточно безликой массы литературных поденщиков в обойму «хорошо знакомых» критиков эпохи гласности и плюрализма?

Перелистаем подшивки «Огонька» за 1987—1988 годы. Именно здесь под рубрикой «Что читать?» с похвальной периодичностью появлялись обзоры Т. Ивановой, представлявшие собой как бы начальные классы той «перестроечной» школы, которую должен пройти массовый читатель, ведомый «Огоньком» к высшему знанию о путях развития нашего общества.

Т. Иванова задачу видела «в том, чтобы помогать людям наращивать силу, делать все возможное, чтобы сил у борцов за перестройку прибывало» (№ 24, 1988). Что же это за «силы»? Они «не только в решимости, но и в умении противостоять всем, кто, прикрываясь умелой демагогией, под лозунгом «не могу поступаться принципами» хочет перестройку свернуть». Они еще и «в том, чтобы не лезть за словом в карман... Слово должно быть на устах точное, убедительное, разящее...».

Львиная доля этих «разящих» слов на протяжении двух лет доставалась произведениям, в которых затрагивались вопросы русской истории и культуры, сохранения нравственных традиций народа. В своей предвзятости критик была столь последовательна, что можно было безошибочно предсказать, какой автор подвергнется нападкам в очередном ее обзоре.

Появилось, например, в журнале «Москва» (№ 2, 1987) исследование А. Косорукова о «Слове о полку Игореве» — и тут же ударила по нему пулеметная очередь со страниц «Огонька». Поскольку филолог в долгу не остался, Т. Ивановой пришлось изворачиваться: «Достоинств и недостатков этой статьи я не разбирала. Но для исследований такого рода есть академические издания... Мой упрек был обращен к журналу, нерационально в этом случае использовавшему свои страницы...» (№ 46, 1987).

Найдется ли читатель, которого удовлетворил бы такой «довод»? Тем более что, скажем, публикация длиннейшей, смутной статьи «Гринев» О. Чайковской в другом, тоже не академическом журнале вызвала почему-то восторженный отклик Т. Ивановой... (Кстати, исследование А. Косорукова занимает всего лишь около восьми журнальных страниц). В чем же дело? Ведь критик вроде бы не отрицает, что литературовед «имеет право на самые скрупулезные филологические изыскания»? Неужели в том, что еще одно упоминание о шедевре древнерусской литературы в журнале «Москва» вызвало у «либералов» из «Огонька» желание «задвинуть» статью А. Косорукова (а в ней речь идет еще и о Гоголе, о его художническом родстве с автором «Слова»)

в какой-нибудь угол потемнее — в академическое издание, то есть подальше от читающего народа. Так, конечно, рационально е. Но ведь и снос храма Христа Спасителя тоже казался кое-кому вполне рациональным мероприятием!

Редкостное раздражение звучит и в разборе повести-эссе А. Плитченко «Письмовник, или Страсть к каллиграфии», опубликованной журналом «Сибирские огни» (№ 8, 1987). Видно, сильно задела Т. Иванову эта повесть, если уделено ей свыше двух третей не менее дефицитной, чем в «Москве», журнальной страницы.

Чтобы дискредитировать повесть А. Плитченко, критик применяет разработанную еще со времен РАППа схему. В тексте отыскиваются не самые сильные места, многократно обыгрываются в окарикатуренном виде, после чего это выдается едва ли не за основное содержание произведения и подвергается изощренным издевкам. Последние переносятся и на замысел автора, что окончательно извращает суть. Схема эта, хоть и примитивна, действует особенно безотказно, если читатель не знаком с оригиналом.

«...Вообще-то эта повесть-эссе о темных силах. Помните? «Темные силы нас злобно гнетут»? Ну, правда, не о тех старинных, а о нынешних, современных темных силах. Я так, прочитав всю повесть, поняла, что в это понятие входят, примерно, писатели, артисты, режиссеры, студенты, интеллигенты... Не все, конечно. Но я догадываюсь, какие», — ерничает Т. Иванова («Огонек», № 8, 1988).

Но уж не саму ли Т. Иванову и ее круг имел в виду А. Плитченко, когда писал: «Не думаю, что носители зла в нашем обществе слабы и примитивны. Они сложны и сильны, хотя бы потому, что им первые билеты на вернисажи, на лучшие спектакли в лучшие театры, им лучшие книги в достаточном количестве, они видели Европу, они не лыком шиты, в прямом и переносном смысле».

Разумеется, обнародовать эту мысль автора Т. Иванова не рискует — слишком она говорит сама за себя. Выписывается другая цитата, которая должна подтвердить убийственную иронию в адрес «темных сил», но — что характерно! — спохватившись, что читатель может и серьезно и глубоко воспринять монолог автора повести, наполненной тревогой и болью за судьбу народа, критик дробит цитату псевдоироническими вставками *, разрушая цельность восприятия:

«Кому выгодно, чтобы в нашей стране число сирот и безотцовщины росло год от года? Тебе? (абзац. — Т. И.) Мне? (абзац. — Т. И.) Отцам — пусть они дважды алиментщики? Матерям — пусть они трижды омещанились? Рабочим? Крестьянам? Науке? Искусству? Обществу нашему? Кому? Правильно, никому среди нас. (Вы не забываете про абзацы? Я вам показала принцип их расстановки. Вот мы уже приближаемся, приближаемся к ответу, сейчас мы узнаем, кто заставляет наших трижды алиментщиков, а все-таки милых нашему сердцу, наших сплошь омещанившихся

---

* Таков один из приемов дискредитации, когда не хватает более убедительных аргументов. Другим приемом — искажением цитат — Т. Иванова тоже не брезгует. Достаточно сравнить, например, цитату в ее статье на стр. 27 с текстом повести на стр. 59—60.

матерей бросать своих детей... — Т. И.) Рушили избы, жгли нивы, засыпали бомбами — не смогли поколебать наше общество. Что же теперь? Теперь всеми средствами идеологической, психологической войны бросились на разваливание изнутри, одну из ставок сделали на развал ячейки общества — семьи, авось получится! Вот где проходит фронт».

Даже в таком искромсанном виде мысль А. Плитченко вряд ли может вызвать ироническую ухмылку. Наверное, нужно обладать изрядным запасом цинизма, чтобы зубоскалить на эту тему.

Может быть, Т. Иванову забавляет из года в год растущее число дебилов? Или превращение нормальных подростков в тех же дебилов с помощью децибелов «металлического рока»?

Думается, Т. Иванова не настолько наивна, чтобы не заметить здоровой тревоги А. Плитченко о наших потерях в искусстве. А он с глубокой болью говорит, например, о таком явлении литературы, как «Домострой», который десятилетиями подвергался хуле, в то время как мог бы верой и правдой немало послужить укреплению общественной нравственности: «Как можно к литературному памятнику... относиться столь пренебрежительно, что употреблять его заглавие столько лет единственно для ругательства?

Свое же, русское, родное слово, страница нашей истории, история нашей культуры национальной!

Себе же, а не ворогу лютому в душу плюем...»

Слова эти вызывают в душе горькое чувство. Когда по бессилию и беспомощности, а когда и по преступному недомыслию мы многое оставили в нашей истории и литературе без присмотра. Последствия не заставили себя ждать, и одно из них — нравственная глухота бойкоязычных критиков.

В бравадe Т. Ивановой есть очевидная цель — уязвить автора и не привлечь внимание широкого читателя к повести. Ведь стоило ей, допустим, упрекнуть А. Плитченко в «великодержавном шовинизме», как читатели тут же обратились бы к первоисточнику и изобличили критика. И многие из них согласились бы с писателем в том, что — «это же великое счастье, что история не лишила нас с тобой «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», что не оставила «СЛОВО» неведомым до сего времени, затерянным где-то среди редких и старых церковных книг, что хотя бы «Словом о полку» нас никогда не ругали» (ну как же! Не успел добрый человек порадоваться за «Слово», как наш доблестный критик именно и обругала за обращение к «Слову» журнал «Москва»! — Е. О.).

Коррозия нравственности, о которой говорит в своей повести А. Плитченко, не дает Т. Ивановой покоя: «Темные силы вовсю распустились. Я уж не буду вам рассказывать, что они упорно тиражируют конфетные обертки с «уродливыми зверьками на поваленном дереве — гнусную пародию на русскую классическую картину Шишкина». Не буду, потому что вы спросите, где продается. А я не знаю, где продается».

Этот жиденький юморок рассчитан на самый невзыскательный вкус (впрочем, может быть, такой вот «липкий» юмор только и ценим в «Огоньке»). Во всяком случае, от подлинных проблем и тревог перестройки он уводит далеко в сторону. Разумеется, если

в этом сверхзадача огоньковской литературной критики, то читателям журнала можно лишь посочувствовать.

Как бы угадывая, откуда ему будет нанесен удар, А. Плитченко в своем «Письмовнике» заметил о такой двойственности критики: «Критика? Нигде и никогда «массовое искусство», «кич» не критикуют общественные порядки, хотя создатели зрелищ и текстов вполне могут ввести в них нечто остренькое, злободневненькое, проблемненькое, однако никогда не пойдут на честный анализ явлений, на вскрытие настоящих причин и масштабов явлений, на поиск преодоления недостатков и пр., ибо задача их — низвести социальную проблематику до того же пошлого, ползучего бытового уровня, который они насаждают своими поделками».

2

Симпатии Т. Ивановой так же откровенны, как и антипатии, меняется только знак, причем похвальный отзыв превращается в самую вызывающую рекламу. О творчестве своей литературной соратницы Н. Ильиной она пишет, хотя я в каком-то кулинарно-галантерейном стиле, но довольно патетически: «Возьмите «Октябрь» и прочтите «Встречи». Вы найдете здесь пищу уму, удовлетворение эстетическому голоду, потребности в новых знаниях; вы найдете замечательную простоту — мудрую; вы насладитесь подлинной культурой языка, воспитанностью чувств; вы будете пленены искренностью...» («Огонек», № 26, 1987).

В подобных излияниях бросается в глаза налет пошловатого «интима», льстящего обывателю («И увлечетесь, и волноваться будете, и героев полюбите, и расставаться с книгой будет жаль». — № 21, 1987). Это живо напоминает тот безвкусный тип рекламы, которым во все времена упивались так называемые средние слои...

Нельзя сказать, что Т. Иванова — в качестве хозяйки литературно-парфюмерной лавки «Огонька» — явление уникальное. Была у нее весьма популярная предшественница, которая, укрываясь под псевдонимом «Игрушечная маркиза», вела всевозможные светские «беседы» в дореволюционном семейном «Журнале для хозяек». Между этими беседами и обзорами Т. Ивановой обнаруживается удивительное внутреннее родство, а по стилю и тону они вообще едва различимы. Сравните:

«Я лично всегда была против чересчур большого количества туалетов и постоянной их смены, и сейчас объясню почему...» — и: «Нет, и это я не могу вам рекомендовать, не решусь. Возьмете — и потом меня же и ругать будете...»

Чисто литературные рассуждения «маркизы» тоже во многом предвосхитили манеру Т. Ивановой: «Первая книга на русском языке на тему, что надо делать, чтобы понравиться мужчине, — это повесть Боборыкина «Поддели». Давно эта повесть напечатана, я читала ее еще молодой женщиной... Старая это книга, забытая, а если кому она случайно попадется под руки, советую прочесть...» («Журнал для хозяек», № 15, 1916 г.).

Нынешняя «маркиза», разумеется, не совсем «игрушечная», и отнюдь не все ее советы безобидны, рекомендует ли она читать интервью с Н. Эйдельманом или не рекомендует знакомиться с

романом Г. А. Абашидзе лишь потому, что перевод якобы удручающе плох — ведь он сделан Владимиром Солоухиным.

Именно назойливая избирательность рекомендаций литературной «модницы» позволяет говорить о тенденциозности, подменяющей объективный анализ противоречивых явлений литературной жизни.

Вот, едва дочитав первую часть «Доктора Живаго», Т. Иванова восклицает: «Ясно, что начался изумительный роман в духе классических русских романов, неторопливый, чистый, умный, написанный не просто русским, а великим, могучим, правдивым и свободным русским языком». Ясно, конечно, должно быть читателю и то, что стоило именно Б. Пастернаку прикоснуться к «просто русскому языку», которым небезуспешно, думается, пользовались авторы русских классических романов, как совершилось волшебное превращение: сбросив с себя вековечное рабство, язык стал и великим, и могучим...

Есть, правда, один досадный штрих: другой знаменитый писатель, «блестяще писавший и на русском, и на английском» *, — Владимир Набоков, чей «литературный вкус безупречен, язык точен, стиль изыскан» **, — проявил куда большую сдержанность в оценке «Доктора Живаго». Высоко ценя поэзию Б. Пастернака, он в письме Г. Струве отзывается об этом романе «как о болезненном, бездарном, фальшивом...» («Правда», 8.6.1987).

Гомерический восторг вызывает, конечно, публикация романа Гроссмана «Жизнь и судьба», уже величаемого эпопеей: «Кто измерит ее влияние на многие тысячи потрясенных умов?» — или: «Попробуйте сказать мне теперь, что куда, мол, нынешнему литературному веку до века прошлого, когда у нас «Жизнь и судьба»!» («Огонек», № 24, 1988). Что ж, не будем и пробовать!.. Но вообще-то, оглядываясь при виде любимых Т. Ивановой Гроссмана и Рыбакова на не доросших, видимо, до них Толстого и Достоевского, стоило бы спросить: куда до них — если и не веку, то нынешним литературным нравам?

От номера к номеру возрастает азарт: словно наблюдаем мы бешенство погони, стрельбу навскидку... Хотя и то верно — Т. Иванова не одиночка и далеко не лидер в этой беспримерной охоте. Не успевает умолкнуть ее голос, как тут же включаются заунывные речитативы Сарнова и Ильиной, конвульсивные монологи Карякина и Н. Ивановой, вкрадчивые увещевания Лакшина или инфантильная скороговорка Рассадина...

Изредка, видимо, для создания иллюзии объективности Т. Иванова обращает благосклонно-презрительное внимание на писателей-почвенников, но редкие похвалы в адрес, допустим, Л. Фролова звучат и натужно, и глухо. Напечатанные же в мартовской книжке «Нашего современника» за 1987 год рассказы из архива Федора Абрамова удостаиваются и вовсе странного комментария: по мнению Т. Ивановой, далеко не все произведения из писательских архивов следует публиковать. В подтверждение своей мысли она приводит слова «одной читательницы»: «Впечатление, что эти писатели не умерли, а живы, и пишут, пишут,

---

* Е. Евтушенко о В. Набокове. — «Огонек», № 37, 1987.
** В. Енишерлов о В. Набокове. — «Огонек», № 28, 1987.

и все хуже и хуже...» («Огонек», № 35, 1987). Почему только не привела Т. Иванова эту выдержку, представляя незаконченный и тоже извлеченный из архива роман Ю. Трифонова «Исчезновение»?..

Все, кто читал эти рассказы Ф. Абрамова, вероятно, поймут причину высокомерно-равнодушного отношения к ним Т. Ивановой: они никак не вписываются в общую картину нашей жизни, создаваемую «Огоньком», который всецело ориентирован на «левые» круги интеллигенции и на западных наблюдателей. Кое-кому не по нраву глубокая, печальная, вечная любовь писателя к русской деревне, пусть терпящей бедствие, поруганной, но родной и единственной в мире. А здесь бы и остановить критикессе залихватский бег своего пера и задуматься над «мерой нашей любви», — но ведь это будет не «маркизино» дело.

Болевыми чувствами пронизаны и произведения В. Астафьева, который тоже не вписывается в концептуальный перечень «прорабов перестройки». Поэтому, одарив его кисловато-поощрительной улыбкой, Т. Иванова тут же дискредитирует «Наш современник», где печатались главы «Последнего поклона»: «Если раз в год там будет публиковать свои рассказы Астафьев, вся годовая подписка оправдана. Решайте сами, не слишком ли это большая щедрость при нашей бедности, при катастрофе с подпиской...» («Огонек», № 34, 1988).

Да, глядишь, у писателя голова-то и закружится от успеха: шутка ли, он один стоит всей годовой подписки!.. Ну а лучше, конечно, всего, если В. Астафьев вообще забудет дорогу в «Наш современник» и примется печатать свою прозу, скажем, в «Знамени»...

Поскольку обзоры Т. Ивановой простираются преимущественно на журнальную территорию, мы можем узнать, какие журналы для «прорабов» и «застрельщиков» перестройки наиболее предпочтительны: это «Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Нева», не говоря о самом «Огоньке», отчасти и «Новый мир», ряд еженедельников, — одним словом, большинство изданий в Москве, а отчасти и за ее пределами оказались в руках некогда смиренно молчавших «плюралистов». Все другие журналы, по бесспорному мнению Т. Ивановой, просто «бесполезны. Но бесполезное — вредно, вот в чем горькая суть журнального дела». («Огонек», № 46, 1987.)

Надо думать, эти «вредные» журналы было бы невредно прикрыть, — разумеется, для наилучшего и безболезненного развития демократии и гласности. А бумагу, освободившуюся в результате этого триумфа плюрализма, поделить между журналами «полезными»!..

Несомненно, лицо всякого журнала определяют его постоянные авторы. Хотелось бы узнать, не выбивает ли их из творческого состояния вот такого бульварного пошиба реклама: «Не расставайтесь с журналом, пока не прочтете статью Отто Лациса (это захватывающе интересное произведение на экономическую тему), большую пищу уму и душе удовольствие, обещаю, получите от статьи Игоря Дедкова...» и т. д?.. Настойчиво рекламируется и Н. Шмелев — ох и «долго шел к нам этот писатель», к «все не мог, наверное, пробиться», но уж теперь-то, пробившись, такую отгрохал статью, что стоит над ней поработать «с карандашом в руках», ибо она сразу «поможет нашему гражданскому чувству быть не бесплодным...». Уж он-то подскажет вам, «как влиять, за что бороться, чему противостоять» («Огонек», № 24, 1988).

Антиподом прогрессивного Н. Шмелева выступает, конечно, консервативный М. Антонов, чьи работы, как злорадно сообщает Т. Иванова, «охотно печатают «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник». Его статьи читать нужно лишь «в том случае, если... чувствуешь потребность противостоять борьбе с уравниловкой, кооперативному движению, хозрасчету. Михаил Антонов, витийствующий в основном о пользе энтузиазма и вреде материального стимулирования, конечно, вооружит аргументами».

За этой сомнительной рекомендацией — опять подмена и дискредитация авторских идей. Еще задолго до того, как в печати замелькало имя Н. Шмелева, М. Антонов обращал внимание общественности на тревожные несоответствия в экономической жизни страны: «Великолепных идей, способных радикально преобразовать технику и технологию производства, появляется немало. Но внедрить эти новые идеи в практику бывает непросто. И дело тут не только в бюрократизме и безответственности... а в несовершенстве хозяйственного механизма, в экономической незаинтересованности предприятия» («Наш современник», № 1, 1984). Где же здесь «противостояние хозрасчету»? Непредубежденный читатель не может не испытывать уважения к публицисту, который в самые безотрадные годы «застоя», когда тот же Н. Шмелев усердно и безопасно занимался экономикой США и Канады, корпел над диссертациями, способными обеспечить безбедное существование в любые глухие времена, — в эти же годы М. Антонов изучал положение дел на родине, одним из первых бил тревогу, не дожидаясь, пока настанут благоприятные для критики застоя дни гласности и перестройки.

Его суждения при всей остроте критического взгляда опираются на глубокое знание жизни, веру в необходимость духовного усовершенствования человека, которое должно опережать политические и экономические реформы. Это именно то, что начисто отсутствует в работах Н. Шмелева, как бы свысока озирающего некую абстрактную страну, где на необозримых пространствах копошатся не то муравьи, не то «винтики», которых следует вогнать в новую рациональную схему... Но зачем же нам предлагают стать «винтиками» перестройки, если мы только недавно избавились от клейма «винтиков» эпохи культа личности и застоя?..

3

По мере развития отечественного плюрализма Т. Иванова все чаще пытается вплести свой голос в идеологический хор «прорабов перестройки». Ей становятся не чужды политические проповеди с литературно-исторической подкладкой.

Вот она делится своими впечатлениями о том, как не оправдал ее ожиданий в вопросе «разоблачения» Сталина К. Симонов, чьих мемуаров с таким нетерпением ждали. По ее мнению, они проникнуты «уважением, почтением и даже (страшно вымолвить! — Е. О.) благоговением» перед тираном, что повергает ее просто в растерянность. Да, не дотянул знаменитый писатель до сегод-

няшнего уровня ненависти «плюралистов» к некогда всесильному вождю, подвел, не оправдал!..

Критикессе «жаль Симонова», и поэтому она просто не рискует рекомендовать его воспоминания «для непременного прочтения и тем более для публичного обсуждения» (№ 24, 1988). Иными словами, никаких гласных дискуссий!

Между тем от литературного критика мы вправе были ожидать анализа этого феномена: как писатель, задавшись целью низвергнуть кумира, оказался не в состоянии это сделать?.. Почему Сталин у него предстает как крупнейший государственный деятель и дальновидный политик?

Неприкрытая растерянность перед реальностью, схематизм и заданность мышления лишний раз свидетельствуют о том, насколько далеки от истинного желания понять и восстановить нашу историю многочисленные теоретики «перестроечного» пошиба.

Вот Т. Иванова рекомендует в качестве обязательного чтения воспоминания Я. Рапопорта о «деле врачей», уже призывая обсудить их на собраниях, говорить о них на лекциях, — «а хорошо бы и перепечатать, размножить»! Но ведь и так, кажется, немалым тиражом размножены эти воспоминания «Дружбой народов»... «Можно не знать больше ничего, а только прочесть» рапопортовские мемуары — и «все станет ясно», — совсем теряя чувство меры, уверяет критик (неужели и «Дети Арбата» перед ними померкли?), но тут же прибавляет к этому бесценному труду и воспоминания дочери Я. Рапопорта, тоже космически размноженные «Юностью» совершенно синхронно с отцовскими!

«Как делают прививки от холеры, от оспы, от чумы (чувствуете прямо-таки допинговое возрастание страсти! — Е. О.), — так я вменила бы в обязанность учителям литературы вслух на уроках прочесть эти воспоминания детям. Пусть содрогнутся, пусть обольются слезами и придут в ужас— это будут очистительная дрожь, целительный ужас. Они должны знать, что творит сталинизм с человеком, должны быть бдительны, уметь различать его под любыми масками, чтобы сражаться с ним, не щадя себя».

Что-то уж очень знакомое видится в жутковатой картине исцеления малолетних грешников: не сцена ли это из времен усиления классовой борьбы? Бдительность, срывание масок... — только все это с обратным знаком. Не совсем, правда, ясно, почему именно д е т и должны испытать «очистительную дрожь»? От чего, собственно, им исцеляться?.. Разве что с самых пеленок они растут сталинистами?

Войдя в раж политиканства, Т. Иванова смещает и угол зрения на тему репрессий 30-х годов. Кому сочувствовать, кого больше жалеть? — вопрошает она: «...честных ли революционеров, не сумевших противостоять культу, создавшему мощный репрессивный аппарат, и в результате пожавших с поля, где жестоко сеяли (она не уточняет, как видим, «что «честным революционерам», которые именно и сеяли, не было никакой нужды «противостоять культу», поскольку ими он и был создан. — Е. О.). Или «простых» людей, население, народ, не сумевший оказать сопротивление произволу и — будем смотреть правде в глаза — поддержавший репрессивный аппарат, утвердивший культ личности...» (№ 49, 1988).

Здесь отчетливо видно, как ответственность за культ, да и за сами репрессии сместилась с «честных революционеров» и Сталина на «простых» людей — не то население, не то народ. Так либералы, ведомые «Огоньком», отмежевываются от некогда присущего подлинной русской интеллигенции чувства вины перед народом, — не зря же она называлась «кающейся», по свидетельству Н. Михайловского, интеллигенцией.

4

Бледные копии «огоньковских» обзоров Т. Ивановой вскоре стали появляться, минуя «Огонек», в еженедельниках «Книжное обозрение», «Новое время», в других изданиях. Суть их осталась прежней, но очевидным сделалось их основное свойство — безликость и вялость. Может быть, это связано с временным отлучением критикессы от «Огонька»? Словно человек потерял что-то свое, очень важное, и пытается найти, воскресить: какое оно?.. как выглядело?.. А может быть, ничего своего и не было? Был азарт, страсть погони, травли настоящих талантов?

Впрочем, охота не окончена, и сейчас бывают «удачи». Вот статья «Привет, рок-муза!» в «Новом времени» (№ 5, 1989) — получила благодарный отклик от юного поклонника рока, который не считает, «что от увлечения этой музыкой мы становимся духовно беднее» (№ 22, 1989), и поэтому рад, что нашел в лице Т. Ивановой понимающего человека. Есть чем гордиться, не правда ли?..

Но вернемся, пожалуй, к «Кругу чтения». Нелегко, конечно, перебросить мост между скандально-витиеватыми обзорами в «Огоньке» — и благонамеренно-поверхностными статьями «Круга», будто и впрямь они писаны, несмотря на ощутимое единство стиля, разными авторами.

Здесь, правда, стоит обратить внимание на то, что статьи, скорее рецензии, в которых упоминаются писатели, близкие к «почвенникам», — А. Жуков, В. Личутин, В. Крупин, Г. Немченко и др., — относятся к 1981—1985 годам и характеризуют, видимо, тот период, когда Т. Иванова, не претендуя на легкую популярность, еще не вполне определилась в своих воззрениях.

Дневниковые заметки датированы в сборнике тоже скопом — 1982—1987 годами. Во всяком случае, в «огоньковском» обзоре немыслимо было бы увидеть, скажем, такую фразу: «Теперь Вадим Кожинов открыл для нас целую плеяду поэтов — тютчевскую», — или, допустим, встретить сожаление по поводу включения в книгу «Русская историческая поэма» модернистских произведений В. Хлебникова и В. Каменского....

Возникает вполне резонный вопрос: зачем выпускать сборник, состоящий из достаточно блеклых статей эпохи застоя, в то самое время, когда уже были написаны и печатались резко тенденциозные статьи по заказу «Огонька»?

Что это — лицемерие, беспринципность, цинизм?

В те дни, когда подписывался в печать сборник «Круг чтения», Т. Иванова готовила очередной обзор, в котором нападки на «антиперестройщиков» — по терминологии «Огонька» это писатели, сотрудничающие с «Москвой», «Молодой гвардией» и «Нашим современником», — уже выходили за рамки литературной дискуссии.

«Не перестаю удивляться, слыша от писателей-«заединщиков»

(по слову Анатолия Иванова) панические возгласы о растлевающем молодежь влиянии вырвавшейся наконец на волю литературы. Позвольте мне без околичностей и эвфемизмов сказать, какое чувство вызывают у меня их речи, — презрение» (№ 34, 1988).

Ничем не прикрытое презрение проецировалось на значительную часть нашей литературы: «Порядочно «заединщиков» почитала я в последних номерах «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Москве». Сначала думала вам о них рассказать... а потом решила, что не буду». Каприз? Да нет, просто найдена еще одна форма издевки: «Мне сдается, что частое упоминание их на страницах «Огонька» для них слишком большая честь. Оно создает им популярность, непропорциональную их реальному значению».

Воистину неизмерима, по «Огоньку», пропасть между уровнем «либералов» и всех тех пигмеев, которых могут осчастливить даже брань и поклеп, — лишь бы они исходили из-под пера Т. Ивановой, и ее подруг — литературных надзирательниц.

Развивая в дальнейшем этот «сильнодействующий» (а если без эвфемизмов, то всего лишь плоско-самодовольный) прием, критикесса использует его уже в качестве средства «индивидуального террора»: «Один критик, обретший известность потому, что его писания не раз опровергались Б. Сарновым, В. Кичиным, Н. Ивановой...» (№ 49, 1988). Неужели Т. Иванова всерьез полагает, что выделенные ею «опровергатели» прочертили столь огненный след на журнальных страницах современности, что можно прославиться благодаря одной только полемике с ними?..

Читатели, знакомые с Т. Ивановой только по «Огоньку» и впитавшие громыхающий пафос ее образов, были бы немало удивлены, если бы им захотелось перелистать подшивку «Нашего современника» за 1985 год: все двенадцать номеров (и еще два номера следующего года) вышли при непосредственном и, можно сказать, почетном участии Т. Ивановой! Заведуя отделом критики, она входила и в редакционную коллегию...

Возможен ли такой сокрушительный переворот в сознании, в душе? Или то был лишь холодный перерасчет энергии — на кого ставить в новой игре?

Ответ, конечно, следует искать (к чему призывает и сама Т. Иванова) в ее «писаниях». Анализ статей разных лет приводит к парадоксальному на первый взгляд выводу: никаких решительных перемен, в сущности, с нашим критиком не произошло. «Игрушечная маркиза» никогда не изменялась. С полной очевидностью обнаруживается не только единство стиля, но и единство усредненности, которое возможно лишь в том случае, когда позиция подменяется позой, когда душа лишена корней, а самолюбование заменяет подлинную любовь.

«Семьдесят лет назад революция провозгласила на весь мир победу этого высшего идеала, к которому стремится человечество: свободы» — такого рода выражениями пестрит «Круг чтения», и той же удручающей пустотой веет от страниц «Огонька»: «Это нашим-то согражданам стало не во что верить?! А в собственный народ? А в разум? А в торжество правды, добра? А в то, что в конце концов восторжествует на земле самое справедливое человеческое общество?» (№ 46, 1987).

Вот Т. Иванова заводит речь о русском крестьянстве: «Традиционный герой русской литературы. Рабочая лошадка истории. Кормилец и хранитель великой державы, отчаянно боровшийся за свою жизнь. Теперь мы называем его «человек труда». (Это не пародия на глупое школьное сочинение, это рецензия профессионального (!) критика на роман А. Жукова. — Е. О.). Он, отвоевавший себе гражданские свободы, ставший хозяином страны, стал и главным героем нашей литературы. За исторически краткий срок он выдержал величайшие испытания, выстояв в революционных боях и войнах, в перестройке вековых жизненных устоев...» («Круг чтения», с. 115).

Почти в стиле небезызвестного Ляписа-Трубецкого, который уверенно писал о том, о чем не имел ни малейшего представления, Т. Иванова рассуждает и о русском характере: «Необычайная душевная крепость... Необычайная? Но не русский ли это характер, воплощенный с большой художественной силой?.. (Уж не будем говорить о чрезвычайной убогости, опять-таки усредненности языка критика. — Е. О.). Не типичный ли это характер?.. Не такого ли склада люди выстаивали во всех испытаниях, выпадавших на долю России, не они ли, не ими ли (? — Е. О.) и сегодня стоит земля, не в них ли надежда и опора... (с. 86).

Так и подмывает продлить этот ряд: не они ли пашут землю, не они ли выплавляют сталь, не они ли защищают наши границы... и т. д.

Немало сказано критиком и о любви, которая питает творчество. «Как легко отличить произведения, сделанные с этим чувством, от прочих», — роняет она, может быть, и свою, но, может быть, кем-то другим давно уже выстраданную мысль, не желая, наверное, понять, что ее сочинения давно превратились в «прочие».

...Май нынешнего года ознаменовался возвращением Т. Ивановой в «Огонек». В 22-м номере напечатан обзор «У кого что болит». Что же, там есть обновление? — спросит читатель. Увы. Статья представляет, в сущности, обвинительный монолог в адрес «шовинистов» всех видов и направлений, от членов общества «Память» до «Молодой гвардии» и «Нашего современника». И это, как видим, не ново.

По-прежнему «свои» писатели противопоставляются «чужим». Все те же набившие оскомину издевки в адрес П. Проскурина, все то же неуемное восхваление В. Гроссмана или Б. Ямпольского с прибавлением Г. Владимова и В. Войновича, А. Борщаговского и И. Меттера...

Однако что-то и изменилось в самой методике «отстрела» неугодных «Огоньку» писателей. Откровенная неприязнь к ним и ничем не ограниченная агрессивность сделались совершенно очевидными.

И вот что хочется в этой связи сказать. Указывая еще только на первые признаки и факты разрушительной тенденции в отношении народной морали, нравственности и культуры со стороны «средств быстрого реагирования», в авангарде которых выступили «Советская культура» и «Огонек», Ю. Бондарев справедливо предупреждал, что ситуация чревата гражданской войной в литературе. Прошло не так много времени, и главный редактор «Огонька» В. Коротич оповестил мир о том, что он, оказывается, уже в е д е т свою маленькую г р а ж д а н с к у ю в о й н у. Это верно, ведет. И сейчас, видимо, наступил тот этап, когда «застрельщики» перестройки, подстраховавшись на всякий случай

статусом депутатской неприкосновенности, приступают к решительной атаке. Если вчера они отлучали писателей от литературы, то сегодня они вбивают клинья раздора между писателем и критиком, между литературой и читателями и, подменяя нравственные и эстетические критерии и оценки на противоположные, — все и вся вокруг подвергают сомнению и опошлению.

«Понимаете, — заявляет Т. Иванова, — не может знаток Тютчева и Баратынского громить Бродского». Или: «Понимаете, не может знаток, ценитель и публикатор Бунина высоко оценивать, например, роман «Порог любви».

А может, все как раз наоборот? И это только «знатоки» и «ценители» Бродского, Борщаговского, Меттера могут громить — и громили! — не только Бондарева, Белова, Проскурина, например, но и Бунина, и Баратынского, и Тютчева...

Впрочем, мы не хотим, чтобы читатели с презрением отвернулись бы от Т. Ивановой и ее писаний. Нет, мы призываем всех читать Т. Иванову, читать со вниманием, веря ей хотя бы в том, что «прятаться за словами бесполезно». Тогда читатель поймет, что это не о ком-то другом, а о себе самой сказано:

«Но, повинуясь каким-то иным, очень далеким от литературы, от поэзии, от истины, благородства, совсем иным зовам, эти бедные люди, выросшие с книгами, среди книг и прекрасно отличающие хорошее от плохого, притворяются, изощряются, лгут».

●

ПОПРАВКА

В статье Михаила Лобаиова, опубликованной в журнале «Молодая гвардия» (№ 6, 1989 год), по вине редакции допущены искажения текста. На стр. 241 17-я строка сверху вместо: «**Куняев С.** Клевета все потрясает — журнал «Молодая гвардия», 1988, № 7; **Байгушев А.** О саддукействе и фарисействе — журнал «Москва», 1988, № 12; **Кожииов В.** Самая большая опасность — журнал «Наш современник», 1989, № 1» — следует читать: «**Куняев С.** Клевета все потрясает — журнал «Молодая гвардия», 1988, № 7; **Кожииов В.** Самая большая опасность — журнал «Наш современник», 1989, № 1». Далее по тексту.

На стр. 255 29-ю строку сверху следует читать: «Мишка Кошевой, по наущению Штокмана», далее по тексту.

Николай СЕРГОВАНЦЕВ

ДВА САМООТРЕЧЕНИЯ М. А. БУЛГАКОВА

За последние годы некая тайна полузапрещенного Булгакова не развеялась от того, что ныне он печатается и тиражи его сочинений стали миллионными. Поток публикаций все нарастает, но угрожает второстепенностями закрыть главное, булгаковское: вроде операции засорения производится.

Авторской воле в свою пору не до того было, чтобы составить творческое завещание, где бы одно шло заглавным, другое, мельче — следом, а иное прочее вовсе не попало в завещательный лист.

И поэтому, скажем, современному читателю, поглощающему подряд каждую публикацию, иногда в голову может прийти, что он чудным образом соскальзывает с булгаковских страниц. Строгий поборник русской классики, коим справедливо считается Михаил Афанасьевич Булгаков, и сам первостепенный русский писатель, что убедительно доказано в обстоятельных работах о нем, вдруг брызнет остроумием и стильком газет и журнальчиков двадцатых годов, знаменитых юмористических страниц «Гудка», где сотрудничали известные смехачи своего времени. В автобиографическом рассказе

«Богема» Булгаков вспоминает, как трудился в пору владикавказского голодного сидения над пьеской из местной туземной жизни:

«— Идиоты будут те, которые эту пьесу купят.

— Идиоты мы будем, если мы эту пьесу не продадим.

Мы ее написали в $7^1/_2$ дней, потратив таким образом на полтора дня больше, чем на сотворение мира. Несмотря на это, она вышла еще хуже, чем мир».

В самом деле, есть ли существенная разница между воспроизведенным местом и знаменитой фразой с первой страницы «Двенадцати стульев»: «Вопросы любви и смерти не волновали Ипполита Матвеевича Воробьянинова, хотя этими вопросами по роду своей службы он ведал с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака»?

Или «Поэма в 10-ти пунктах с прологом и эпилогом» — «Похождения Чичикова». И булгаковский Павел Иванович Чичиков, и ильфо-петровский Остап Ибрагимович Бендер хотели одного — стать богатыми. Первый пытался осуществить это рядом изобретательных комбинаций, которыми были так богаты «ренессансные» (излюбленный булгаковский эпитет для этих лет) нэпмановские времена, животворные лучи которых и ныне гонят в рост всякий экономический микроб: «Уму непостижимо, что он вытворял. Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой из дохлого мяса. Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве «все разрешено», пожелала недвижимость приобрести; он вошел в компанию с Замухрышкиным и Утешительным и продал ей Манеж, что против Университета» и т. д. Чем занимался великий комбинатор в «Рогах и копытах» — это общеизвестно.

Отверженность и нужда злыми бичами своими гнали Булгакова сквозь газетный строй; в результате этой жестокой экзекуции у него, как и у прочих, в эти ренессансные годы вышколился некий общепринятый, даже модный литературный стилек, который, правда, как раз прочим помог встать на ноги и вытянуться во весь рост.

Булгаков же негодовал и изводил себя за эту напасть, которая как моль побила даже добротную ткань «Дьяволиады» — этой полуфантастической повести о маленьком человеке, безнадежно запутавшемся в новых бюрократических тенетах, мгновенно сотканных в какую-то пятилетку — на пустыре после слома и сноса старорежимной бюрократической машины.

«Меж тем фельетончики в газете дали себя знать. К концу зимы все было ясно. Вкус мой резко упал. Все чаще стали проскакивать в писаниях моих шаблонные словечки, истертые сравнения. В каждом фельетоне нужно было насмешить, и это приводило к грубостям... Волосы дыбом, дружок, могут встать от тех фельетончиков, которые я там насочинил» («Тайному другу»).

...Итак, проза Михаила Булгакова ранних литературных лет (начала двадцатых годов). Интересная сама по себе, она-то и заложила булгаковскую тайну — тайну двоения, самоотрицания.

Но прежде совсем вчерне, не углубляясь, обозначим берег, от какого отплыл писатель, и тот, к которому причалил в закатный год.

В первом крупном своем произведении, романе «Белая гвардия» (1923—1924), Михаил Афанасьевич Булгаков заявил о себе как о классической величине и по масштабу и зрелости таланта, и по приверженности к русской реалистической литературной традиции (ближе всего — к толстовской), взойдя на такую высоту под знаменем бескомпромиссной правдивости. О гражданской войне ничего подобного, как только немного позже в соответствующих главах «Тихого Дона», в новой литературе сказано не было. Фигурально выражаясь, «Тихий Дон» и «Белая гвардия» — море и залив с одной органической жизнью.

Первому роману Булгаков предпослал строки из «Капитанской дочки», мудрой пушкинской повести, постигшей родную историю в буранный ее час: «Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло.

— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»

Как сторожевой клич о приближающемся испытании долетел пушкинский глас через буранный вой и мглу метели другого века до булгаковского слуха. Свет и тепло человеческого жилья, особенно дорогие в такую непогодную пору, источаемые маленькой пушкинской повестью, согрели страницы первого булгаковского романа.

В последний, закатный, роман «Мастер и Маргарита» мы сходим по каменно холодным, отчужденно прекрасным строкам-ступеням, обдуваемые ледяным огнем сатанинской гордости гётевского Мефистофеля:

...так кто ты, наконец?
— Я — часть той силы,
что вечно хочет
Зла и вечно совершает благо.

Страдали, не понимали, гибли, любили, сражались герои «Белой гвардии» — все равно это наша жизнь, пусть меду была капля, а в отраве и крови ходили по колено.

Но вот в «Мастере и Маргарите» орудует среди мелких ничтожных людишек сатана со своей наглой свитой. Натешившись вдоволь, наказав несправедливость, наведя кое-какой порядок в беспутном стольном граде, к концу книги, прихватив влюбленных Мастера и Маргариту, вся честная компания убралась восвояси.

На черных конях, догоняемые неизбежной ночью, она неслась к неведомой пустынной тверди, колдовски преображаясь. Отвратительный Коровьев-Фагот обернулся в темно-фиолетового рыцаря с мрачнейшим лицом; шкодливый, как все коты, Бегемот «оказался худеньким юношей, демоном-пажем»; Азазелло, безобразно клыкастый, «летел в своем настоящем виде, как демон безводной пустыни, демон-убийца». А Воланд-сатана — грозный всадник на коне, сотворенном из глыбы мрака, со шпорами-звездами.

Рука Мастера Булгакова вдохновенно, одним взмахом кисти, набросала мрачно-прекрасную, тревожно-глухую картину удаления дьявольской кавалькады, четверо суток гастролировавшей в Москве с миссией добра и теперь покидавшей грешную, мелкую земную жизнь.

А что же Земля?

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летал над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его».

«Мастером и Маргаритой» Булгаков, должно быть, не закончил, а оборвал свой противоречивый путь. Всю жизнь отстаивая от хулителей великих предшественников («Какие имена на иссохших наших языках! Какие имена! Стихи Пушкина удивительно смягчают озлобленные души. Не надо злобы, писатели русские!»), Булгаков в самом сокровенном, что он долго вынашивал, в последней своей книге, ушел — кажется, глубже и в сторону от защищаемого им духовного наследия, чем это сделали хулители и ниспровергатели в горлопанных лозунгах своих и жалких писаниях. Отчаявшаяся душа художника обрела символ истинного, доброго и вечного не там, где видели его Гоголь, Достоевский, Толстой — не в правдоискательском порыве вперед, к свету, не в нравственном народном обетовании, не в Боге, наконец, а в противоположностях всему этому, в отрицающей все это силе. Булгаков-художник, Булгаков-мыслитель, разумеется, отринул и вековое народное: «Все под Богом ходим».

Как же случилось такое с Булгаковым? Ответ нужно искать во времени, которому принадлежал писатель, сложить этот ответ, если удастся, из слагаемых, раскиданных им в начальных сочинениях самых разных жанров: повесть, рассказ, пьеса («Багровый остров»), фельетоны, заметки...

Маленький, изредка попадающий в сборники, автобиографический этюд «Был май». Главная фигура здесь некий необыкновенно преуспевающий драматург Полиевкт Эдуардович (исследователи отгадали в нем известного в ту пору драматурга Киршона), диковинного вида, весь только что вернувшийся из очередной заграницы: в кроваво-рыжих туфлях на пухлой подошве, в толстых шерстяных чулках и пузырящихся штанах до колен и в куртке из замши, из которой раньше делали кошельки. Полиевкт Эдуардович в почтительном окружении актеров и режиссера рассказывал о каком-то испанском Гансе, которого преследовали, избивали; его бедную старуху мать выбросили умирать на улицу, и последними ее словами были проклятия палачам (испанский вариант горьковской Ниловны, что ли?). Автор признается, что уже начал было сострадать испанскому Гансу, но потом понял, что никакого Ганса не было, а бойкий красиволикий драматург пересказывал третий акт своей пьесы. И все бы было ничего, можно было бы чертыхнуться от собственной недогадливости, да вот если бы рядом с компанией слушавших Полиевкта Эдуардовича, чудесно сплавлявшего в шедевр неведомую ему чужую жизнь, если бы рядом с ними оборванный нищий музыкант не собирал в картуз медные пятаки, а другой убогий — не торговал бы жестяными мышками.

Булгаков тут схватил за вихор самое что ни на есть типическое. Облаченные в куртки-кошели полиевкты эдуардовичи в «ренессансные» те годы поняли время, вошли в него ловко, как рука

в собственный карман, и немало преуспели в строительстве новой литературы. Они были предприимчивы, конструктивны, понятливы при любом повороте событий, всегда с ясным открытым лицом. И если потом, случалось, гибли, то исключительно от предательства своих же, подобных.

Таких, как Булгаков, предать они не могли: он с ними компаний не водил, задушевных бесед не вел, то есть, по Салтыкову-Щедрину, «интимно не сквернословил», не двурушничал. Они преследовали его исподволь и планомерно; это, как ни парадоксально, и спасло Булгакова от уничтожения: наружные наблюдатели менее опасны, чем тайные осведомители — к ним и их информации привыкают.

Но литературная действительность, коей Булгаков много раз отплатит сатирой, откладывалась на действительность окружающую, и все вместе в глазах писателя придавало времени, в котором он существовал, сверхъестественный дьявольский вид. Эта дьявольщина, как нарочно, лезущая в глаза из всех углов и щелей, принималась им безоговорочно отрицательно, именно как дьявольщина, исконно враждебная человеку сила или, как называли сатану раскольники, «вселенский соблазнитель».

«Вселенский соблазнитель» был настолько силен, что граждане обкладывали себя со всех сторон новописаными иконами с изображениями отнюдь не божественных ликов. Бывший присяжный поверенный, чтобы оградить свою шестикомнатную квартиру от вселения, развесил по стенам портреты Луначарского, Троцкого, Маркса и еще четвертого («Четыре портрета»), а дверь обклеил мандатами. «Три года люди в серых шинелях и черных пальто, объеденных молью (должно быть, экспроприированных из чужих шкафов. — Н. С.) и девицы с портфелями и в дождевых брезентовых плащах рвались в квартиру, как пехота на проволочные заграждения, и ни черта не добились».

До грядущих массовых бед было еще с добрый десяток лет, но серые шинели, пальто и кожаные куртки просто кишмя кишели, наводя нешуточный страх. Часто встречаемые в булгаковских произведениях тех лет выражения, вроде «оттуда», «туда», обозначали всегда одно место, куда без всякой необходимости можно было попасть, как через турникет: куда бы ты ни двинулся — пожалуйте через нашу вертушку.

Да и сам Булгаков, покидая голодный Владикавказ с надеждой насытиться в Тифлисе, был на всякий случай пропущен через особый отдел.

«Дружески покуривая, мы прошли в особый отдел.

Я бегло, проходя через двор, припомнил все свои преступления. Оказалось — три.

1) В 1907 году, получив 1 р. 50 коп. на покупку физики Краевича, истратил их на кинематограф.

2) В 1913 г. женился вопреки воле матери.

3) В 1921 г. написал этот знаменитый фельетон.

Пьеса? Но, позвольте, может, пьеса вовсе не криминал? А наоборот».

Плохой пьесой о туземном быте и открестился. Пережитый страх превратил в шутку: «То, что я учинил в особом отделе, для меня хуже, чем саботаж, контрреволюция и преступление по должности» («Богема»).

В суждениях о том или ином времени надо доверять свидетельствам классиков — не только отсеянным, разумеется.

Маленький человек, взятый под защиту русской литературой в условиях эксплуатации человека человеком, снова требовал защиты. В повести «Дьяволиада», как мы знаем, мелкий служащий Коротков был до смерти закружен нечистой силой. Бесправный (с документом и имя похитили), словно вычеркнутый из жизни, без работы, осоловелый от беганий по бюрократическим клетушкам в погоне за неким полумистическим дьявольского вида Кальсонером, от которого все зависело, Коротков в отчаянии идет на гибель: «Отвага смерти хлынула ему в душу, цепляясь и балансируя, Коротков взобрался на столб парапета, покачнулся на нем, вытянулся во весь рост и крикнул:

— Лучше смерть, чем позор!

Преследователи были в двух шагах. Уже Коротков видел протянутые руки, уже выскочило пламя изо рта Кальсонера. Солнечная бездна поманила Короткова так, что у него захватило дух. С пронзительным победным кликом он подпрыгнул и валетел вверх... Затем кровяное солнце со звоном лопнуло у него в голове, и больше он ровно ничего не видал».

Тут Булгаков весь вылился в жалость к человеку массы, улицы, преследуемому существом, изрыгающим изо рта пламя. И, должно быть, не менее страшно было маленькому Короткову, чем бегущему от Медного всадника несчастному Евгению, чем гоголевскому Акакию Акакиевичу Башмачкину. Или сошедшему с ума Поприщину, последней здравой мыслью которого была почти та же, коротковская: «Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! что они делают со мною!.. Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтесь, кони, и несите меня с этого света!»

А что нормального в жизни «милой отдаленности», городка Благодатска, из которого некий Ферапонт Ферапонтович Капорцев шлет свои золотые корреспонденции? Если несгораемый дом, построенный «скорохватом американской складки» Петровым и его семейным кооперативом, вмиг сгорает дотла, оставляя в руках хозяев пустяковый трофей — отрывной календарь с изображением всесоюзного старосты. А некий проходимец, выдававший себя за брата Луначарского (тут булгаковский Лжедмитрий Луначарский предвосхитил знаменитых «детей лейтенанта Шмидта»), пустым звуком вскружил головы местным карьеристам и обобрал их. А в клубе имени Луначарского (излюбленная историческая фамилия, таскаемая Булгаковым из рассказа в рассказ) на «октябринах», устроенных в честь двух трудовых младенцев», нареченных революционно — Розой и Кларой, один умирает на руках матери от сыгранного в память «дорогих борцов» похоронного марша «Вы жертвою пали». И что это за поселок такой, который не живет, пока трезв, а бурлит и ликует с привозом «живой воды», то есть очищенной. А с иссяканием ее вместе с закуской вновь замирает среди сугробов под тихую колыбельную одинокого покачивающегося прохожего:

Все, что здесь доступно оку,
Спи, покой ценя...

И страшной будет «китайская история», написанная Булгаковым строго реалистически, без дьявольских гримас и стилевого ширпотреба, который лезет из «Воды жизни», из «Золотых корреспонденций Ферапонта Ферапонтовича Капорцева», из «Самогонного озера» (о нашей национальной беде — пьянстве — Михаил Зощенко, например, писал смешнее) или «Египетской мумии» с ее типичным остроумием тех литературных лет: «А скажи, дорогая мумия, что ты делала до февральского переворота?.. была ты под судом при советской власти и, если не была, то почему?»

Историю несчастного китайца-ходи, заброшенного на чужбину, писал неулыбчивый Булгаков, писал строго и холодновато, но со спрятанной болью в душе от чудовищных смещений всечеловеческих понятий. Внешняя канва «Китайской истории» создает иллюзию рассказа героического, какие писались в ту пору пачками. В одной вступительной статье к булгаковскому сборнику так и написано: «Некий китаец — человек, стоящий на самой низшей ступеньке общества, впервые встретившись с человеческим отношением и уважением к себе, оказывается способным на подвиг, героическое самопожертвование во имя революции, которая дала ему возможность ощутить свое человеческое достоинство». За это автор объявляет Булгакова «приверженцем общечеловеческих ценностей».

А рассказ этот не об обретении революционного счастья китайцем Сен-Зин-По, погибшим вдали от родины за общечеловеческие идеалы, а о дьявольском гении «китайского камрада». Вот как у Булгакова высказана вся суть написанной истории: «...все уже знали, что как Ференц Лист был рожден, чтобы играть на рояле свои чудовищные рапсодии, ходя Сен-Зин-По явился в мир, чтобы стрелять из пулемета. Первоначально поползли слухи, затем они вздулись в легенды, окружавшие голову Сен-Зин-По. Началось с коровы, перерезанной пополам. Кончилось тем, что в полках говорили, как ходя головы отрезает на 2 тысячи шагов. Головы не головы, но действительно было исключительно стопроцентное попадание. Может быть, 105? В агатовых глазах от рождения сидела чудесная прицельная панорама...» Ходя, названный большим командиром за свой прицельный дар виртуозом, был даже намечен к повышению — откомандированию в интернациональный полк, где, должно быть, собирали гениев подобного рода.

А умер-то ходя, заколотый штыками, после того, как под его колдовски стрекочущим пулеметом полегли «цепи людей в зеленом». Но в последнее мгновение пыхнула в его сознании звездочка человечности, и он будто наяву увидел под жарким солнцем мелькнувшую родную землю и поросли золотого гаоляна — все, как жалкий осколок общечеловеческих ценностей.

В двух своих теперь уже знаменитых повестях — «Роковые яйца» и «Собачье сердце» — Булгаков словно венчает свою дьяволиаду, вырываясь из плена опостылевшего расхожего остроумия, озабоченности, как побойчее поиграть словами («Наталья Егоровна бросила этой зимой мочалку на пол, а отодрать ее не могла, потому что над столом 9 градусов, а на полу совсем нет градусов и даже одного не хватает. Минус один» — и тому подобное, что потом взяли себе в монопольное владение другие).

Когда читаем в «Собачьем сердце»: «Ошейник — все равно, что портфель», — острил мысленно пес и, виляя задом, последовал в

бельэтаж, как барин» — на ум сразу приходит любивший барственно развалиться в кресле кот Бегемот из «Мастера и Маргариты», хотя Шарик (и особенно Шариков, который просто душил их для «польтов») терпеть не мог котов.

В этих повестях Михаил Булгаков поднялся на другой художественный уровень, чем многие его современники, с коими он вынужденно делил газетно-журнальную хлеб-соль. Но сказать поднялся — сказать не совсем справедливо. Он уже побывал на этом уровне, утвердился в нем «Белой гвардией», романом классической русской литературной традиции. Новое восхождение (и это феноменально — все происходило в одно время) он произвел другой дорогой, с другим тяжким скарбом за плечами. Исследователи называют среди питающих источников творчества Булгакова уже и гётевского «Фауста», и философскую прозу Анатоля Франса, и, по преимуществу, Э.-Т.-А. Гофмана, сочетающего реальное с фантастическим, сверхъестественным, Г. Уэллса, даже В. Гюго («Багровый остров»).

Но суть булгаковского феномена не в перемене источников. Она вновь проистекает из времени, в котором жил и работал художник. Это время, когда все двоилось, несочетаемое сочеталось, противоположности укрощались, как Иван Бездомный, спеленутый ресторанными полотенцами. Реальное бытование во всей обозримой округе и надолго наперед во времени отдавало чертовщиной, но освещалось идеалами чистыми, справедливыми, бодрыми, романтическими (как в песнях Дунаевского). На эти идеалы, свет их несказанный, летело все летающее, грелось, уютно коротало густеющие сумерки, нередко роями сгорало. Другие, счастливые, только к концу долгой жизни могли, что называется, выйти из литературного подполья. Например, Валентин Катаев через «Повелителя жизни» (1924), «Время, вперед!» (1932) и долгие «Волны Черного моря» (1936—1951) благополучно доплыл до времен, когда стало можно, разрешено — и распался, раздвоился («Святой колодец», «Трава забвения», «Алмазный мой венец» и т. д.).

В Булгакове же шло глубинное деформирование цельной крепкой натуры от страшных нажатий времени. К разыгравшейся вокруг чертовщине (бюрократизму, дрессировке, обстругиванию человека до кола в изгороди) он резко повернулся как умный и тонкий сатирик, проницательный философ, опасный социальный мыслитель, открывший этот свой дар, когда было «не можно», совсем «не можно».

В сочинениях этого нового своего направления, как и в ранних рассказах «Записки юного врача» и романе «Белая гвардия», по-прежнему торжествовал, побеждал Булгаков-гуманист. Он сострадал маленькому человеку в его тотальных бедствиях — в случаях нашествия орд беспощадных рептилий в «Роковых яйцах» или тиранства новорожденного гомо сапиенса Шарикова и его духовных пестунов Швондера и К° в «Собачьем сердце».

Две линии — нравственная и социально-философская — четко прослеживаются в этих повестях, оставляющих позади «Дьяволиаду» как менее самостоятельную и содержательно одноплановую (гибель маленького человека в неразрываемой бюрократической паутине).

Первая линия — нравственная цена, выражающая современно научно-технической революции, сложившаяся от драматическо-

го, даже трагического несоответствия рвущейся забежать далеко, как можно дальше, познавательной любознательности и внутренне противоречивой, несовершенной сущности человека.

Профессор зоологии Персиков открыл «луч жизни», способный — не через долгую скучную эволюцию, а взрывом — дать толчок мощному новорождению. Персиков — сама гениальная любознательность, но совершенно не могущая и не хотящая предусмотреть ее последствий. Он нравственно зауряден, как и некий Александр Семенович Рокк — это олицетворение упрямой силы государственной необходимости, которая в движении к конкретной цели не способна предвидеть будущее. Последний пришел к профессору с секретным поручением: опробовать «луч жизни» на яйцах, чтобы скоро восстановить курияое поголовье республики после неслыханного мора домашней птицы. Поколебавшись, Персиков дает согласие, правда, оговариваясь: «Я умываю руки». И Рокк с отданной неблагоразумно в его руки аппаратурой (без нее Персиков себя почувствовал, «как ребенок, у которого отняли ни с того ни с сего любимую игрушку») развернулся.

Но случилась ошибочка: из-за границы прислали для племенного развода не куриные, а крокодиловые и страусовые яйца. Под «лучом жизни» вылупились гигантские рептилии и двинулись на нашу землю, все уничтожая. Прежде погиб сам Рокк вместе со своим передовым совхозом, погибли агенты Государственного политического управления, первыми вступившие в бой, понесли огромные потери на подступах к Москве регулярные части во главе со «ставшим легендарным 10 лет назад, постаревшим и поседевшим командиром конной громады» (словно тень грядущей войны прошла по страницам повести). Наконец, разъяренная толпа размозжила голову самому Персикову, так и не успевшему обдумать, что он натворил в любознательном беге вперед.

В «Собачьем сердце» другой профессор, Преображенский, практиковавший половое омоложение новоявленной элиты, уже успевшей пресытиться жизнью, путем гениальной (вся эта гениальность Персиковых и Преображенских смахивает на известную гениальность пулеметчика-ходи) хирургической операции совершает другое чудо. Используя донорские части умершего человека, из бездомного пса Шарика творит человека и нового гражданина республики Шарикова, развившегося до того, что стал тиранить и третировать своего создателя и даже почитывать книжки с дискуссиями Энгельса и Каутского. Человеческая особь, сотворенная руками ученого в краткие часы операции («Новая область открывается в науке: без всякой реторты Фауста создан гомункул. Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу» — триумф и восторг ученого!), была хамовита, нагла, примитивна. И профессор вместе с искуснейшим своим ассистентом впали в тяжелые нравственные муки. «Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы», — поздно сокрушался ученый *.

* Булгаковский герой, автором осмысленный и по достоинству оцененный, напрочь отторгает, как свою нравственную противоположность, другого героя, появившегося через десятки лет, подаиного вроде положительного примера любознательному учеиому миру, тоже адепта евгеники Тимофеева-Ресовского («Зубр» Даниила Гранина).

Ясно, что повесть «Роковые яйца» вовсе не об «авантюризме и бескультурье некоторых руководящих граждан, примазавшихся к советской власти» (Евгений Сидоров). А «Собачье сердце» вовсе не о том, что «эксперимент по очеловечиванию собаки оканчивается провалом», что «нравственное сознание трудящихся еще далеко не соответствует требованиим, предъявляемым новым строем» (Б. В. Соколов).

С нравственной точки зрения бесповоротно осуждены оба гениальных открытия — Персикова и Преображенского. Голый прогресс, лишенный гуманистических целей, осуществляемый безответственно, не может быть нравственным. Он несет непредсказуемые беды человеку и человечеству. По тем временам, по временам Булгакова, это была воистину отважная и проницательная художническая мысль, ныне все более отрезвляющая общество, десятками лет завороженного и восхищенного всякого рода открытиями, до поры до времени приносящими достаток, комфорт и удобства. Пока не грянули громы...

Вторая капитальная линия, прослеживаемая в обеих повестях, легче поймется, если внимательно прочитать следующее принципиального мировоззренческого значения место из «Собачьего сердца». Беседуют после плачевных результатов Филипп Филиппович Преображенский и его ученик-ассистент Иван Арнольдович Борменталь:

«— ...Вы знаете, какую я работу проделал — уму непостижимо. И вот теперь спрашивается — зачем? Чтобы в один прекрасный день милейшего пса превратить в такую мразь, что волосы дыбом встают.

— Исключительное что-то!

— Совершенно с вами согласен. Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподымает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей.

— Филипп Филиппович, а если бы мозг Спинозы?

— ...Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящего. Но на какого дьявола? — спрашивается. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого! Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, укрощающих земной шар».

В романе «Белая гвардия» все исследователи дружно и традиционно отмечали, что герои его не поняли революцию — и в этом их драма. Или сначала не поняли, настороженно отнеслись к ней, а потом приняли. Таковое отношение части героев-интеллигентов закономерно и справедливо сближалось и с позицией самого автора.

Так вот, в повестях «Роковые яйца» и особенно в «Собачьем сердце» произошел резкий мировоззренческий поворот как в идейно-художественных выводах из наблюдений над изображаемой действительностью, так и во взглядах автора.

Это было первым булкаговским самоотрицанием: не революция с ее непредсказуемыми взрывами и поворотами, а великая неостановимая эволюция — вот что действует согласно естеству, природному и человеческому.

Позднее в письме правительству от 28 марта 1930 года Михаил Афанасьевич писал о своем глубоком скептицизме «в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставлении ему излюбленной и Великой эволюции» *.

Почти все лучшее, написанное М. Булгаковым в двадцатых годах, есть непримиримое отрицание поверженной и исковерканной действительности, той, которая вошла в его произведения, той, по которой пронесся бесовский шабаш (полумистические исчезновения людей, какие-то намеки — «там разберутся», нашептывание на ухо, после чего человек исчезал навсегда и т. п.). По нему и ударил всей своей сатирической и интеллектуальной силой круто повернувшийся Булгаков, сказав всей этой бесовщине по-народному: чур меня!

Но эволюция самого Булгакова, во многом скрытая от нас и явственно не прослеживаемая, привела его к новому самоотрицанию. Бесы, кружившие маленького человека, так что все перемешалось в его голове, сместилось (добро и зло, вековые ценности, условия бытования, каждодневная возможность пропасть бесследно и т. д.), ненавидимые художником до дрожания пера, сверхъестественным образом обернулись в силу, зла только хотевшую, а в самом деле вечно для людей творящую благо.

Грозно-прекрасно покидая нашу землю, что оставила на ней сатанинская кавалькада? Она оставила гордое свое презрение к несовершенному людскому племени. Весь роман пронизан этим презрением. Если гётевский Мефистофель носил в себе тайную гордость и сладость от содеянного добра вместо зла, то булгаковский Воланд навестил столичный град, чтобы вместе с проказливыми слугами своими потешиться над человеками. После грандиозного спектакля-мистификации в Варьете, когда вся публика предстала в унизительном виде, хватая фальшивые червонцы и заморские одежды, Воланд объясняет вороватому огорченному буфетчику, у которого вместо червонцев оказалась резаная бумага: «Я открою вам тайну, я вовсе не артист, а просто мне хотелось

---

* Удивления достойна близость Булгакова к нынешним нашим размышлениям, когда он поднялся над своим временем как выдающийся социальный мыслитель-художник. В статье Г. Бордюгова и В. Козлова (под редакцией академика Г. Л. Смирнова) «Время трудных вопросов. История 20—30-х годов и современная общественная жизнь», опубликованной в газете «Правда» (№ 274 от 30 сентября 1988 года), через полвека после булгаковского письма, а главное — появления его лучших произведений тех лет — читаем: «...в самой реальной жизни существовали основания для утверждения «старого взгляда» на социализм (по Ленину: государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа, а потому переставшая быть капиталистической монополией — Н. С.), для его (социализма) отождествления с административно-командной системой.

Объективной основой такого рода отождествления были особенности переходного периода в нашей стране как стране второго эшелона капитализма. Россия не прошла стадию капитализма в полном объеме. Для социализма же нужна определенная материально-техническая база, нужен цивилизованный работник, сформированный десятилетиями капиталистической фабрики. Такой материально-технической базы, такого работника с высоким уровнем дисциплинированности и ответственности страна в полном объеме в 1917 г. не имела».

повидать москвичей в массе, а удобнее всего это было сделать в театре».

И Воланд заключает из увиденного: «— Ну, что же... люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... квартирный вопрос только испортил их...»

Воланд и компания благо не творят, они вроде с другой здесь миссией: наказывать людишек за бесчисленные грехи их. Руководителя Варьете — за распутство (к нему Воланд заявился после очередного загула того, поигрывая «золотыми часами с алмазным треугольником на крышке» — знак, как и все прочее в романе, а вовсе не мелочь), другого — за взятку, третьего — за корыстолюбие и донос и т. д. И никак нельзя согласиться с наблюдением П. Палиевского: «Нигде не прикоснулся Воланд, булгаковский князь Тьмы, к тому, кто сознает честь, живет ею и наступает. Но он немедленно просачивается туда, где ему оставлена щель, где отступили, распались и вообразили, что спрятались: к буфетчику с «рыбкой второй свежести» и золотыми десятками в тайниках; к профессору, чуть подзабывшему Гиппократову клятву; к умнейшему специалисту по разоблачению ценностей...»

Напрасно так сказано: везде прикоснулся, ничего не пощадил. Считают упорно, что некоторых он все же выделил и к ним обернулся не злокозненностью, а благодеянием. Называют Ивана Бездомного, ради просветления и прозрения которого будто бы разыгрались все события в романе. Но ведь не без Воланда угодил бедный поэт в сумасшедший дом («дом скорби»), где долго пребывал в лекарственной эйфории.

За благо для него можно считать лишь то, что он бросил писать плохие стихи. И все же «дом скорби» был. А в «Эпилоге» Иван Николаевич, теперь уже не поэт, а профессор, по утрам вскакиваает от ужасных снов и затихает только от укола, сделанного любимой женщиной.

Мы знаем точно: Воланд выделил одну из городского сонма — Маргариту, которая будто во имя любви запродала душу дьяволу. Принято почитать ее как символ прекрасной женщины, одухотворенной и постоянной в любви своей. И это не совсем так, даже вовсе не так. Повторим, у Булгакова случайно брошенных фраз в романе нет. В первые дни знакомства и любви, когда Воланд еще никак не объявился в их жизни, Мастер однажды заметил в своей возлюбленной: «Боги, боги мои! Что же нужно было этой женщине?! Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме (подчеркнуто мной. — Н. С.), украсившей себя тогда весною мимозами?»

Маргарита и стала ведьмой, принятая в веселую воландовскую компанию, — ведьмой прекрасной, но чаще отталкивающей от себя мстительностью, эгоизмом, авантюризмом. И злобные гримасы часто искажают ее лицо. Она любила и Мастера, и его роман, в котором Левий проклинает господа бога за муки Иешуа. И себя считает подобной Левию Матвею, придя слишком поздно, чтобы спасти возлюбленного. Маргарита, в сущности, соблазнительница и совратительница, уведшая с помощью Воланда (он по

достоинству оценил богоборческую рукопись Мастера и, сожженную самим автором, возродил со знаменитым восклицанием: «Рукописи не горят!») — уведшая Мастера от людей, от жизни человеческой в тот же покой, который бывшим поэтом Бездомным добывался шприцем. «...Слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, — тишиной», — нашептывала она Мастеру. «...И память Мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать». «Его исколотая память затихает» — заключается таким же образом и история Ивана Бездомного, заключается роман «Мастер и Маргарита».

В романе проведена жесткая линия, делящая его мир надвое — людской, который иначе, как пакостным, не назовешь, тут дрянь лезет изо всех щелей (а в светлые людские горенки роман читателя не водил); и сатанинский — эмоционально согретый, утепленный и по-своему обихоженный.

Устроенный в полнолуние Воландом бал сатаны кого только не призвал к себе: из мертвого праха и тлена восстали былые висельники, растлители, палачи, детоубийцы, отравители и т. д. На балу они прекрасны, пришельцы из загробного мира, Маргарита, королева бала, искренне приветствует каждого, иным сострадает (например, некоей Фриде, удушившей своего ребеночка носовым платком).

Чудесный этот бал, чудесно, приподнято и многозначительно описанный, может, и есть единственное утешение, когда мало-помалу уберутся все эти московские людишки с грешного света с надеждой, что в какое-то полнолуние их не обнесут счастьем попрыгать и погулять вволю на сатанинском балу.

А Бог? Что Бог? И есть ли он? А если есть, как коварно утверждает и сам Воланд, то ведь он давно проклят Матвеем Левием за муки казнимого, несчастного Иешуа (Иисуса): «Открыв глаза, он убедился в том, что на холме все без изменений... Солнце посылало лучи в спины казнимых, обращенных лицами к Ершалаиму. Левий закричал:

— Проклинаю тебя, Бог!

Осипшим голосом он кричал о том, что убедился в несправедливости Бога и верить ему более не намерен».

Это — центральная сцена для понимания как и затеянного романа в романе о Понтии Пилате, так и всего сложного смысла романа «Мастер и Маргарита».

Счастлива среди всех одна — только Маргарита, сделавшая свой немыслимый безнравственный выбор. Какое радушие и согласие встретила она, прилетев ночью на щетке-метле на берег неведомой реки: «Прием ей оказан был самый торжественный. Прозрачные русалки остановили свой хоровод над рекою и замахали Маргарите водорослями, и над пустынным зеленоватым берегом простонали далеко слышимые их приветствия. Нагие ведьмы, выскочив из-за верб, выстроились в ряд и стали приседать и кланяться придворными поклонами. Кто-то козлоногий подлетел и припал к руке, раскинув на траве шелк, осведомился о том, хорошо ли купалась королева, предложил прилечь и отдохнуть». Затем козлоногий угостил ее шампанским, заменил щетку прекрасным автомобилем с длинноносым грачом на шоферском месте.

Вся же сцена по неизбежной ассоциации у любого, кто страдает и напрягает силы для бережения души человеческой, вы-

зывает в памяти другую, написанную Шукшиным в его замечательно мудрой повести-сказке «До третьих петухов»: «Кругом же творился некий вялый бедлам — пауза такая после бурного шабаша. Кто из чертей, засунув руки в карманы узеньких брюк, легонько бил копытами ленивую чечетку, кто листал журналы с картинками, кто тасовал карты...» и т. д. Выпили и тут. И тут была «девица даже очень красивая, на красивых копытцах в красивых штанах». И был изящный козлоногий. Но вот главное — рядом монастырь, как оплот и символ высокой человеческой духовности. Вот его-то и стремилась захватить вся эта честная компания козлоногих, а захватив, заставила монастырских изгнанных братьев переписать святые иконы на их, козлоногих, портреты. И переписали. Вот теперь и попробуй, подступить к этим новописаным иконам. «Это нам за грехи наши» — сокрушалась братия, которую бог покарал за доверчивость, бесхарактерность и простоту, что хуже воровства.

В «Мастере и Маргарите» карал не бог, а дьявол, и переписаны были здесь иконы на мерзкие лики Воланда, Коровьева-Фагота, кота Бегемота, Азазелло...

...А юный врач, засланный в глухую деревушку, весь полон непочатого здоровья, силы, любви к человекам, сострадания к их недугам, убогому обитанию, восхищения их бесхитростной душой. «Записки юного врача», рожденные Булгаковым на заре литературной судьбы, пронизаны светоносными лучами, которые не может излучать не что другое, как только душа человеческая. Эти пробные рассказы спаслись от времени именно благодаря согретости их этими лучами и щемящего до слез чеховско-вересаевского человеколюбия.

«У гнилого мостика послышался жалобный легкий крик, он пролетел над стремительным половодьем и угас. Мы подбежали и увидели растрепанную женщину. Платок с нее свалился, и волосы прилипли к потному лбу, она в мучении заводила глаза и ногтями рвала на себе тулуп. Яркая кровь залепила первую жиденькую, бледненькую, зеленую травку, проступившую на жирной пропитанной водой земле.

— Не дошла, не дошла, — торопливо говорила Пелагея Ивановна, и сама, простоволосая, похожая на ведьму, разматывала сверток.

И вот тут, слушая веселый рев воды, рвущейся через потемневшие бревенчатые устои моста, мы с Пелагеей Ивановной приняли младенца мужского пола. Живого приняли и мать спасли» («Пропавший глаз»).

Свершилось это у другой реки, на другом берегу, не на том, разумеется, где нечистая сила торжественно встречала прилетевшую на щетке Маргариту. И не быть опакощенным брегу этому, коли в вешнюю буйную пору из материнского лона милосердно и радостно был принят появившийся на белый свет новый человек.

В «Записках врача» воскресает через многие десятилетия их сотворения чреда светлых героев, к которым потом век не вернется Булгаков, не обратится к ним.

Что сделалось с людьми? Что стряслось с Булгаковым?

Что было причиной тому?

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

КАК НАМ ПОНЯТЬ ДРУГ ДРУГА

Из писем в редакцию

О «СВЯЩЕННОЙ КОРОВЕ», КОТОРОЙ ПОРА НА ВОЛЮ

Если вне контроля общества остается одна из сфер триединства — экономики, внутренней и внешней политики, — разламывается весь государственный организм. Вот почему не может не беспокоить отсутствие и в эпоху гласности широкой дискуссии по проблемам внешней политики. Вроде бы и интересует наших людей международное положение, но чаще как что-то находящееся от них очень далеко, от них независимое и связанное только с вопросом о войне и мире. Афганская трагедия заставила поглядеть внимательнее на внешний мир, поискать причины случившегося. Но основано это было больше на эмоциях, чем на научности, и есть опасение, что вывод из Афганистана наших войск необоснованно успокоит общественное мнение. В этом случае внешнюю политику по-прежнему будут держать в своих руках высокие эшелоны бюрократии, которые знают лишь один подход к решению любых проблем — ведомственный. Вряд ли работники МИДа меньше пресловутого Минводхоза радеют о ведомственном интересе.

Тайно готовилась и была развязана как первая, так и вторая мировая война. Так же тайно принималось решение о вводе наших войск в Афганистан. Уже отсюда следует вывод: внешняя политика касается каждого. А значит, нужно не только интересоваться ею, но и понимать ее. А еще значит — учить людей нужно внешней политике так же серьезно, как экономике: внутренней политике, праву, культуре и т. д.

Мы коснулись внешней политики только в контексте войны и мира. Но это ее экстремальное проявление. А чего она стоит в мирные дни? Какова цена ее? Цена при гласности.

Нынешнее время в нашей стране побуждает оглянуться на тридцать лет назад.

В середине 50-х годов после треволнений корейской войны (1950—1953 гг.), когда сильны были опасения возможности ее перерастания в войну мировую, после разоблачения культа личности Сталина и начала позитивного внутреннего развития в нашей стране были приняты решения о существенном сокращении численности войск и вооружений Советской Армии (до 2 млн. человек). Уменьшило ли это нашу способность политически влиять на мировые процессы? Нисколько. В 1956 году СССР занял решительную позицию по Суэцному кризису, заставив Англию, Францию и Израиль отступить... Тогда же была сорвана попытка контрреволюционного переворота в Венгрии. В 1962 году в период Карибского кризиса США пошли на уступки, независимость Кубы была гарантирована, хотя в то время соотношение наших и американских ядерных боеголовок составляло 1 : 17, а по общей военной мощи обычных вооружений страны НАТО далеко превосходили ОВД. Отсутствие военного паритета с Западом не умаляло политического авторитета СССР на мировой арене. Наоборот: он очень быстро возрастал, черпая силы в самой сути внешней политики, а не в силе оружия.

У нас были основания с оптимизмом смотреть в будущее, и, видимо, оптимизм мог себя оправдать, если бы не началась серия необъяснимых субъективных ошибок, возможных только при отсутствии гласности и демократии.

В сфере внешней политики широким фронтом пошло разбазаривание материальных средств, крайне нужных для экономического и социального развития страны. Мы «не стояли за ценой». В середине и в конце 60-х годов нам, вероятно, показалось, что наступил наш «звездный час». Главная империалистическая держава — США — увязла во вьетнамской авантюре. Темп ее экономического развития угас до нуля, страну потрясали антивоенные движения. Западноевропейские колонизаторы были вынуждены покидать страны Азии и Африки. С одной стороны, это был результат подъема национально-освободительных движений; с другой — трезвый экономический и политический расчет колонизаторов. О роли национально-освободительных движений мы наслышаны достаточно, а о том, что колониальные империи разрушались и в силу расчета колонизаторов, которым бывшие колонии стали невыгодны экономически, знают лишь специалисты. А это явление заслуживает серьезного изучения. Ведь тогда речь шла о перестройке всего колониального механизма. Колонизаторы даже ускоряли эту перестройку. Так, англичане в сжатые сроки свертывали свое присутствие «к востоку от Суэца». И они не соглашались на удлинение этих сроков, даже когда их об этом просили бывшие колониальные страны (Малайзия и Сингапур). В новых условиях старые методы управления стали экономически невыгодными.

Мы же видели только подъем национально-освободительных движений и в пику империализму, не дав классового, вообще научного анализа, смешав социалистический, пролетарский, советский и вообще интернационализм, кинулись оказывать всестороннюю помощь этим движениям и освобождающимся странам.

А что из этого вышло? Все получатели помощи, как их теперь наукообразно называют — страны соцориентации первого поколения, — Гана, Гвинея, Мали, Индонезия, Алжир, Египет, Ирак, Сомали и другие во главе со своей национальной буржуазией с течением времени нашли общий язык с империалистами и вписались в мировую капсистему. А разве могло быть иначе? Это мы в угоду собственным амбициям видели в этих странах в основном социалистический путь развития.

Наш высший руководящий эшелон, видимо, принял перегруппировку в капиталистическом лагере за его предсмертные судороги, вот и пытались побыстрее капиталистов «закопать» хотя бы на словах. Последние, кстати, испугались нашей активности в «третьем мире» лишь вначале, а затем даже стали ее приветствовать, поняв, что наши усилия обречены быть холостыми, так как заменить своей неквалифицированной экономической помощью объективную экономическую взаимозависимость стран капиталистической системы и развивающегося мира мы не в состоянии даже теоретически. С течением времени мы окончательно утратили классовый подход в этих делах, заменив его обязательством по линии ООН выделять на помощь развивающимся странам ежегодно некоторую долю валового национального продукта. Хотя многие из этих стран уже превзошли нас как по уровню жизни, так и по торгово-промышленному развитию. Это, однако, иная тема.

Другая, на наш взгляд, спорная проблема — послехрущевский курс нашего руководства на достижение военного паритета с США (а может быть, даже с НАТО, Японией и КНР). Трудно понять, чем это было вызвано, но где-то на самом верху было принято решение о необходимости достичь этот самый паритет. США вели войну во Вьетнаме. Уровень их вооружений был максимально высок, а значит... нам надо было карабкаться до этого уровня. Во сколько сотен миллиардов рублей нам это обошлось? Уже постфактум мы узнали, что паритет достигнут и это якобы заставило американцев начать политику разрядки 70-х годов. Анализ этой политики вне рамок настоящего разговора. Отметим лишь один нюанс. Началась эта политика встречей на высшем уровне Л. И. Брежнева с президентом США Никсоном, и был заключен в 1972 году договор по ПРО. Много елея было вылито (да и сейчас льется) на этот договор, но давайте поглядим на его теневую сторону. Реален ли был с самого начала этот договор по своей сути? Специалисты отмечают, что самая надежная система ПВО может сбить до 80 процентов летящих на цель объектов. Это в идеале. Такая система, но против ракет, предусмотрена договором по ПРО. Такую же, кстати, систему разрабатывают американцы в рамках СОИ, которую ученые в своем подавляющем большинстве и технические эксперты считают *нереальной*.

По договору по ПРО мы построили систему защиты Москвы

(США защищать Вашингтон не стали: морально ли печься о ПРО столицы, оставляя страну на произвол судьбы?!). Сколько же средств ушло у нас на это? С кого спросить? Инициаторов этой гигантской «стройки» нет. А надежность ПРО убедительно проверил гражданин ФРГ М. Руст. Мы-то какой должны вывод сделать? Проекты, которые требуют значительных затрат *народных* денег, должны *всенародно* обсуждаться.

Стоит обратить внимание читателя еще на одно направление ведомственной разорительности. Последние почти что 20 лет мы с непонятным упорством развивали и расширяли химические вооружения. Непонятным потому, что Запад за нами не последовал, а, видимо, лишь изрядно удивлялся, зачем СССР к огромным запасам ядерного оружия, способного много раз уничтожить все живое на земле, добавляет еще одно оружие массового поражения в столь огромных количествах. А в самом деле, интересно было бы услышать от компетентных товарищей — зачем? Тем более, как участники Женевского протокола 1925 года, мы все равно не могли использовать это оружие.

Тщетно было бы пытаться узнать цену этой затеи. Но и здесь счет идет на миллиарды, к которым добавятся миллионы, необходимые для уничтожения этого оружия. И делалось это, опять-таки втайне от народа. Может, это действительно не столь важно? Какая-то фантасмагория!

Дальше последовал Афганистан. Что втянули нас туда США — факт. Им это надо было (и как реванш за свой провал во Вьетнаме, и как способ изматывания нашей экономики), они этого добились за счет замены одного режима другим. При этом быстро росли наши «интернациональные» обязательства. Но сами-то мы могли подумать, учесть печальный опыт интервенции в эту страну англичан? А Верховный Совет СССР, в чью компетенцию входит ведение войны, не мог проявить интерес? Не только мог, но и должен был. А дипломатия наша разве не должна была вступить в контакт со стреляющей оппозицией сразу после расширения конфликта, хотя бы лет на пять раньше, когда козыри были еще в наших руках? Она не выполнила своего предназначения и, как представляется, шла во многом на поводу у американцев, привязав свои действия к переговорам в Женеве. Как можно было не пытаться вести переговоры с теми, с кем воюешь? Результат всего этого сейчас известен. Только материальный ущерб для нас очень велик. А людские потери вообще цены не имеют.

Добавим к этому гонку вооружений, в которую нас умело втянула администрация Рейгана (кстати, в рамках договора ОСВ-2, который эту гонку как бы легализовал): ежегодные расходы на оборону у обеих стран выросли более чем в два раза. Заметим, что Рейган использовал наш отказ от его «нулевого варианта», размещение в центре Европы ракет СС-20.

О многом можно еще говорить, но вывод и так ясен: таких расходов на оборону и внешнюю политику, которые наша страна сделала за послехрущевский период, не могла выдержать *никакая* экономика. Мы наш застой в экономике, в социальной и духовной сферах сейчас списываем на административно-командную систему. Да, система эта не идеальна, но, повторимся, *никакая система* не смогла бы работать эффективно, если из нее вынуть миллиарды (!), и вообще вести дела, не считаясь с расходами.

Размеры объявленного бюджетного дефицита и реального имеют у нас крайности в 35 и 100 миллиардов рублей. Ничего себе ошибка! А когда нам предлагают полет людей на Марс (а Главкосмос ведет соответствующие работы), то понимаем ли мы, что стоит это (по американским опять-таки оценкам) 50—100 миллиардов долларов, и нашей экономике, как тому коню «Боливару», таких расходов не снести? А значит, следует вообще с расходами на космос разобраться, оставив лишь то, что действительно необходимо для экономического и социального развития страны, что дает материальную отдачу *повседневно*. Отвлечение космических работ на обслуживание внешней политики или престижных соображений не может быть далее терпимо.

Представляется, что при наличии гласности, контроля и полного понимания сути происходящего общество может согласиться лишь на две заведомо убыточные сферы — оборона и внутренняя государственная безопасность. Все остальное должно быть *рентабельным*. А внешняя политика — тем более. Она должна создавать внешние условия, в том числе материальные, для решения наших внутренних задач, а не висеть на экономике тяжким бременем. Тем более наша экономика сама не слишком рентабельна.

Что было типичным при выдвижении кандидатов в народные депутаты, к чему сводятся наказы им: к знанию местных и региональных проблем, к пониманию сложности экономических и экологических вопросов. Но почти никто не касался огромного пласта внешней политики, которая в нашем обществе до сих пор является «священной коровой» и, может быть, именно в силу этого убыточна.

Необходимо приобщение к внешней политике не только узких специалистов, а всего народа, который своими деньгами, а иногда и кровью оплачивает ошибки в этой сфере.

Юрий ИЛЬИН,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
Московской высшей партийной школы.
С 1962 по 1985 год работал в системе МИД СССР.

ПАЛАЧИ: КАГАНОВИЧ, МЕХЛИС И ДРУГИЕ

В последнее время в печати появилось большое количество публикаций, посвященных жертвам репрессий периода культа личности Сталина, что, несомненно, следует приветствовать как одно из завоеваний перестройки и гласности.

Но, говоря о жертвах, никогда не следует забывать о палачах, ибо если бы не было палачей, то не было бы и жертв. Обычно в качестве главных палачей вполне справедливо фигурируют сам Сталин, а также Ежов, Берия и Вышинский, с обличением которых постоянно выступает пресса. Однако в списке организаторов массовых репрессий и других преступлений почему-то крайне редко упоминаются ныне здравствующий Лазарь Моисеевич Каганович и похороненный на Красной площади у Кремлевской стены Лев Захарович Мехлис. А ведь на их совести мно-

гие миллионы загубленных жизней. Хотя какая совесть может быть у палачей! Ведь не случайно получающий номенклатурную пенсию престарелый Каганович показывает кукиш из-за дверей квартиры журналистам, пытающимся взять у него интервью...

Но, как верно заметил писатель В. Г. Распутин, сейчас крайне необходимо «исследование психологии власти таких могущественных при Сталине, но теневых фигур, как Каганович».

Большой фактический материал о преступлениях Кагановича содержится в документах XXII съезда КПСС. Занимая в свое время ряд ключевых постов в тогдашнем руководстве, он практически являлся своеобразным «серым кардиналом» при Сталине.

Именно Каганович самолично разработал предложение об организации целого ряда внесудебных органов, ставших орудием массового террора. В архиве сохранился проект этого документа, написанный его рукой.

Документально установлено, что Каганович до окончания судебных заседаний по различным делам лично редактировал проекты приговоров и произвольно вносил в них угодные ему изменения, вроде того, что против его персоны якобы готовились террористические акты.

С приходом Кагановича на должность наркома путей сообщения аресты служащих железнодорожного транспорта стали проводиться по спискам. Каганович постоянно твердил, что на всех участках действуют замаскированные враги народа, и требовал расширения и углубления работы по их разоблачению. Так, в своем выступлении на собрании железнодорожного актива 10 марта 1937 года он говорил: «Я не могу назвать ни одной дороги, ни одной сети, где не было бы вредительства троцкистско-японского... И мало того, нет ни одной отрасли железнодорожного транспорта, где не оказалось бы таких вредителей...»

Сохранилось 32 личных письма Кагановича в НКВД с требованием ареста 83 руководящих работников транспорта исключительно по той причине, что ему их поведение показалось подозрительным...

Очевидцы свидетельствовали, что Каганович собственноручно истязал арестованных, как настоящий садист, он находил удовлетворение в издевательствах над подчиненными, партийными работниками, представителями интеллигенции, унижал их человеческое достоинство, грозил арестами и тюрьмой.

Будучи большим мастером интриг и провокаций, Каганович всемерно раздувал культ личности Сталина, подхалимничал перед ним (в частности, носился с предложением «в ознаменование нового этапа в теории» ввести вместо понятия «марксизм-ленинизм» понятие «сталинизм»), использовал его слабые стороны в своих карьеристских целях, создавая одновременно культ своей личности.

Так, став в 1947 году секретарем ЦК КПУ, он усиленно изображал из себя «вождя» украинского народа. Дело доходило до того, что Каганович требовал, например, от художников в уже написанные картины по поводу освобождения Украины от фашистских захватчиков дорисовывать и свой портрет, хотя к этим событиям он не имел никакого отношения. Имя Кагановича, как и Сталина, повсеместно присваивалось населенным пунктам — на карте страны появились названия: Кагановическ, Кагановичи, Кагановичабад и т. п.

Самым чудовищным преступлением Кагановича была организация массового голода в 1932—1933 годах на Украине и Северном Кавказе. Возглавляя сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б), он непосредственно руководил кампанией по принудительному изъятию хлеба у крестьянства, в результате чего сельское население было вынуждено питаться древесной корой, желудями, лягушками... И самое страшное — началось людоедство: обезумевшие от голода люди теряли человеческий облик, буквально охотились друг за другом, особенно за детьми. Имеются фотографии, запечатлевшие последствия этого ужасного явления... В результате голода, а правильнее сказать — сознательно организованного геноцида умерло, по разным подсчетам, от 4 до 8 миллионов человек. На XIX Всесоюзной партийной конференции писатель Б. Олейник справедливо потребовал назвать «поименно тех, по чьей вине случилась эта трагедия».

Каганович также виновен в массовых репрессиях на Кубани, где он организовал поголовное выселение жителей ряда станиц (Полтавской, Медведовской и др.) в северные районы: берега Печоры, Игарки, Амура, якутская тайга и приполярная тундра были усеяны казачьими костями. Горькая память об этих черных временах до сих пор жива на кубанской земле.

Каганович проявил себя и как ярый поборник идей о денационализации России. Он неоднократно провозглашал, что «борьба с великорусским шовинизмом является важнейшей задачей нашей политики». Именно в это время воинствующие русофобы объявили, что «термин «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и «единой, неделимой». Джек Алтаузен, например, прямо заявил:

Я предлагаю Минина
расплавить,
Пожарского. Зачем им
пьедестал?
Довольно нам двух
лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь
застал.
Случайно им мы не
свернули шею,
Я знаю — это было бы
под стать.
Подумаешь, они спасли
Расею!
А может, лучше было б
не спасать?

И Каганович выступил инициатором так называемой «реконструкции Москвы», смысл которой сводился прежде всего к варварскому уничтожению замечательных памятников русской истории и культуры. При проведении этой реконструкции, или же, говоря словами архитектора М. Гинзбурга, «дезинфекции Москвы», были взорваны сотни памятников мирового значения, в том числе и воздвигнутый в честь победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года знаменитый храм Христа Спасителя.

На месте разрушенной русской святыни было начато строительство новой Вавилонской башни — гигантского и уродливого Дворца Советов по проекту Б. Иофана, а мраморные плиты, некогда вещавшие о подвигах кутузовских чудо-богатырей, пошли на облицовку метро, носившего тогда имя Л. М. Кагановича. Впрочем, для Кагановича и К° храм Христа Спасителя был всего лишь церковью, построенной «специально для культа милитаризма и шовинизма», как об этом поведал в погромной статейке «воинствующий безбожник» Б. Кандидов (Фридман).

И отнюдь не случайно Каганович включил в свой доклад о ходе «реконструкции» комментарий венской сионистской газеты «Нейе фрейе пресс», с восхищением отмечавшей: «Сверкающий золотом храм Спасителя взлетает в воздух, чтобы уступить место большому «Дворцу Союза»... Так или иначе купола церквей больше уже не являются символом Москвы, они исчезают. <...> Быстрыми темпами, уверенно, пуритански строго и стремительно идет новая Москва навстречу своему будущему, и при этом она старое разбивает в черепки» *.

Это «разбивание черепков» продолжалось в течение нескольких десятилетий, так как план реконструкции Москвы, составленный под руководством Кагановича, был отменен в результате многочисленных протестов общественности совсем недавно... И еще предстоит большая и многотрудная работа по возрождению всего того, что было утрачено в период проведения преступной политики «денационализации», тяжелые последствия которой дают знать о себе и сейчас.

Вполне под стать Кагановичу был и Мехлис. Именно он организовал расправу над выдающимся русским советским поэтом П. Н. Васильевым, не скрывавшим своих патриотических убеждений. Будучи главным редактором «Правды», Мехлис инспирировал донос на поэта. Вскоре после этого доноса жизнь Васильева трагически оборвалась. В его лице советская литература лишилась крупнейшего поэта.

Крайне зловещую роль сыграл Мехлис в подрыве боеспособности страны накануне второй мировой войны. Возглавляя в 1937—1940 годах Главное политическое управление Красной Армии, он непосредственно направлял террор против военных кадров. Этот террор сразу принял громадные масштабы: «С мая 1937 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений».

В результате «к началу войны только 7 процентов офицеров наших Вооруженных Сил имели высшее военное образование, а 37 процентов даже не прошли полного курса обучения в средних военно-учебных заведениях» **.

Все это привело, ко всему прочему, и к огромным людским потерям во время боевых действий: миллионам убитых, раненых, пропавших без вести.

* Каганович Л. М. Московские большевики в борьбе за победу пятилетки. М., 1932, с. 56.

** История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1965, т. 6, с. 124—125.

Сам Мехлис несет личную ответственность за катастрофическое поражение Крымского фронта весной 1942 года, где он был в качестве представителя Ставки. Развалив фронт, сей «выдающийся военачальник» фактически открыл гитлеровцам путь к наступлению на юге и оккупации новых сотен тысяч квадратных километров советской земли. Впрочем, «стратегические таланты» Мехлиса в полной мере проявились еще во время финской войны 1939—1940 годов. Генерал С. М. Штеменко свидетельствовал: в то время «донесения его часто проходили через мои руки и всегда оставляли в душе горький осадок: они были черны, как ночь. Пользуясь предоставленными ему правами, Мехлис снимал с командных постов десятки людей, тут же заменяя их другими, привезенными с собой. Для комдива Виноградова потребовал расстрела... Позже мне не раз приходилось встречаться с Мехлисом, и тут я окончательно убедился, что человек этот всегда был склонен к самым крайним мерам» *.

Захороненные, и сегодня останки воинов «подземного гарнизона» Аджимушкайских каменоломен, оставшихся там по вине Мехлиса после керченской катастрофы, являются вопиющим свидетельством преступного отношения этого политического авантюриста к человеческим жизням...

Во многом помогает понять сущность преступлений Кагановича и Мехлиса тот факт, что до революции они были активными сионистами. Мехлис открыто состоял в организации «Поалей Сион» **; что же касается Кагановича, то в архиве имеется документ на его имя, в котором эмиссары Всемирной сионистской организации отчитывались о сборе средств на сионистские нужды ***. Понятно, что посторонних лиц в такие деликатные вопросы не посвящают...

Вообще вопрос о зловещей деятельности сионистских и просионистских элементов, пробравшихся после Великого Октября в большевистскую партию, все еще остается малоисследованным «белым пятном» в истории. А ведь выходцы из «Поалей Сион» и Бунда вместе с близкими им по духу и происхождению троцкистами составляли свыше 90 процентов руководителей карательных органов. Это и есть непосредственные палачи, виновные в преступлениях против человечества.

Несомненно, вина Сталина бесспорна, и прощению или оправданию он не подлежит. Но что бы Сталин мог сделать один, без своих подручных, набивших руку на организации массового террора задолго до 1937 года?

Вот их имена ****.

— Нарком внутренних дел Ягода (Иегуда) Генрих Гиршевич, его первый заместитель Агранов Яков Саулович.

— Начальники отделов НКВД: Гай, Миронов, Молчанов, Паукер, Слуцкий, Шанин, Добродицкий, Иоффе, Березеон.

— Начальники Главного управления лагерей (ГУЛАГ): Коган,

* Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, кн. I, с. 18.

** Большая Советская Энциклопедия. М., 1974, с. 16, с. 188.

*** Иванов Ю. Осторожно: сионизм! 2-е изд. М., 1971, с. 76.

**** Источники: «Известия» за 1933—1936 годы; Счетный план хозяйственной системы ГУЛАГа НКВД СССР. М., 1935, и др. Также см.: «Наш современник», 1988, № 9, с. 167.

Берман, Нахимсон, Френкель; их заместители: Раппопорт, Абрамсон, Плинер.

— Начальники крупнейших концлагерей: Фирин (Беломорстрой и ДМИТЛАГ: канал Волга — Москва), Бискон (СИБЛАГ), Серпуховский (Соловки), Финкельштейн (лагеря Северного края), Погребинский (лагеря Свердловской обл.), Мороз Яков Моисеевич, свояк Бермана (Печорский лагерь), Френкель (БАМЛАГ).

— Начальники управления НКВД на местах: Абрампольский, Балицкий, Блат, Гоглидзе, Гоголь, Дерибас, Заковский, Залин, Зеликман, Карлсон, Кацнельсон, Круковский, Леплевский, Пилляр, Райский, Реденс, Ритковский, Симоновский, Суворов, Троцкий, Файвилович, Фридберг, Шкляр.

В настоящее время, когда из небытия возвращаются имена многочисленных жертв беззакония, не следует забывать имена и тех, кто стоял у истоков террора. Тем более что некоторые из палачей сами со временем разделили судьбу своих жертв: в 1937—1938 годах вырвавшийся из бутылки и ставший неуправляемым джинн репрессий уничтожил и Ягоду, и Когана, и Бермана... А ведь и этих палачей кое-кто уже пытается выдать за «жертвы сталинизма», утверждая, что беззакония начались якобы только с 1937 года. Вот почему во имя торжества исторической справедливости необходимо восстановить всю правду о репрессиях и палачах.

Сергей НАУМОВ,
историк,
г. Магадан

ВОЕВАВШИЕ ДЕТИ НЕВОЕВАВШИХ ОТЦОВ

Четыре года прошло, как я вернулся из Афганистана, а нет-нет да просыпаюсь ночью в холодном поту. Будто упрямое время возвращается назад, сон мешается с явью, и снова рвутся мины вокруг взлетной полосы, и куда-то бежит растерявшийся парень, с которым мы только час назад в палатке «травили о мирной жизни», и я кричу ему, чтобы он остановился, упал на землю, так как точно знаю, что уже через секунду он взлетит на воздух, вскинув руки, перевернется там, словно он не человек вовсе, а так, манекен какой-то, и рухнет на землю, изуродованный, и больше уже не встанет. Никогда...

Я кричу и просыпаюсь.

«За что?» — спрашиваю я, уткнувшись в холодное стекло. Шарю рукой по столу в поисках сигареты и только тогда вспоминаю, что уже два года, как бросил курить. Сердце... Посадил его еще там, в Афганистане, но болеть по-настоящему начало уже здесь, в Москве, в такие вот ночи, когда нет сна, когда охватывает бессилие и злоба.

Часто думаю, начитавшись некоторых сегодняшних газет и журналов: ну ладно, война эта была ошибкой, ладно, забросили нас туда, не подумав. Но раз уж так случилось, раз уж мы оказались в этом пекле, нужно же было хоть как-то уменьшить риск, хоть как-то позаботиться о людях, о простых солдатах, которые ведь ни в чем не виноваты, которые просто исполняли приказ...

Три месяца перед отправкой в Афганистан мы, новобранцы, находились в Туркмении. Акклиматизировались. Мы не знали, только догадывались, куда нас потом пошлют, но командование ведь точно знало. Так почему же нас даже стрелять не учили, даже управляться с техникой? Нас учили шагать, отдавать честь, мы зубрили устав, конспектировали (в который раз!) ленинские работы, ремонтировали чьи-то квартиры, драили плац. За все три месяца мы только один раз были на полигоне, только один раз стреляли из боевого оружия.

Неужели же отцы-командиры не знали, что в Афганистане настоящие мины, что там настоящая война?.. Неужели не знали, что чуть ли не с первого дня мы можем попасть в настоящий бой... Кстати, почти так и случилось. Первый бой не выходит у меня из головы. Не из-за пережитого страха — его как раз не было, не успел почувствовать — из-за неразберихи, безалаберности, полной нашей неподготовленности. Ночь, какой-то аэродром, летят трассеры, взрываются мины. Мы выскакиваем из палаток, куда-то бежим. Ни командиров, ни команд. Где враги, где наши — неизвестно. Добежали до траншеи, плюхнулись... Рядом со мной тот парень. Через несколько секунд его уже не было в живых. А могло не быть и меня, и любого из нас...

Вернулся я домой в 1985 году, в июле. Пока подъезжали к границе, в душе все время нарастала радость. Со стороны мы, наверное, выглядели смешными. Красные лица, горящие глаза, бешеные взгляды. Но это можно было понять. Мы все-таки возвращались с войны. Конечно, нам объясняли, что мы интернационалисты, что мы призваны помочь простым людям вырваться из нищеты. Но мы видели и глаза людей, полные ненависти к нам. А это ох как нелегко пережить. Мы видели наших ребят с оторванными руками и ногами, мы видели мертвых друзей. И мы уже научились, может быть, самому страшному — убивать без сострадания. Мы твердо знали, что «духи» — наши враги. А иначе ведь не повоюешь. Я ненавижу все эти красивые байки о чистеньких солдатах и благородных командирах...

И все же, подъезжая к нашей границе, мы чувствовали себя героями-победителями, мы ждали благодарности, признательности, хотя бы понимания. Все же, пока здесь, на гражданке, люди ходили по ресторанам, танцевали, просто вкусно ели и спокойно спали, мы воевали, мы ползали там на брюхе под проливным огнем...

Мы ждали хотя бы сочувствия. Но уже на границе нас окатили холодным душем. Пограничники, такие же пацаны, как и мы, только не нюхавшие пороху, встретили нас как диверсантов.

Не знаю, чего уж они там искали, шаря по нашим карманам, сумкам, но у меня лично осталось чувство стыда, обиды, горечи. Это был какой-то шок, который так и не прошел потом. Помню, до самого дома, до самой двери, до самых слез матери я был будто во сне. Ничего не мог есть, ни с кем не мог разговаривать. На Казанском, в Москве, вышел из поезда и зачем-то поехал на Рижский к старой квартире, хотя мы давно уже жили в Теплом Стане. С Рижского, не помню как, попал на Дзержинку. Там ко мне придрался патруль, отвели в комендатуру. Снова стали обыскивать. Какой-то краснощекий капитан стал на меня орать. «А ну, показывай, что везешь! Думаешь, если был в Афганистане, тебе все позволено?» А что позволено-то? В портфеле и было всего: сок, конфеты, побрякушки. Стал угрожать, что от-

правит меня на «губу». «Я мать не видел», — говорю. «А мне какое дело?» — отвечает.

Еле вырвался оттуда. Поймал такси — и домой! От таксиста узнал, что нас, «афганцев», приравнивают теперь к участникам войны...

А дома новая беда. Оказалось, что невеста, та, которая провожала, которая почти два года писала мне письма чуть не каждый день, образ которой помог мне пережить весь этот кошмар, вышла замуж. Так повезло — ни раны, ни царапины, а тут — на тебе! В самое сердце. Наши дома стояли напротив. Раньше мы перемигивались светом, целая азбука была. И я заснуть не мог, пока на ее окна не насмотрюсь. Встретились с ней только через неделю. «Прости, — говорит. — Не дождалась...»

Кстати сказать, развелась она потом... Приходила, плакала, дескать, ошиблась. А я не ошибся. Женился очень хорошо. По любви...

Так началась моя гражданская жизнь, жизнь после войны. Учиться никуда не пошел. Не чувствовал в себе сил. А главное, после Афганистана все казалось каким-то мелким, ненужным. Так, какая-то суета, никакого отношения не имеющая ко мне, уже прожившему одну жизнь. Только со своими, с бывшими «афганцами», и отходил немного, человеком себя чувствовал. Я понимаю тех, кто говорит сейчас, что там было хорошо... Все дело в том, что там все было ясно. Тот, кто рядом, — твой друг, за перевалом — враг. Смерть — это когда зазевался, когда не пришел на помощь, когда забыли тебя. Жизнь — когда автомат в порядке, когда все вместе, когда каждый делает свое дело. И все равны, потому как пуля — дура, ей все равно, какие на тебе погоны и сколько ты уже отслужил. А здесь? Кое-где, как на душманском базаре, сидят, торгуют, улыбаются, похлопывают тебя по плечу, но у кого-то под халатом нож, у кого-то обрез. И стоит зазеваться... Вот и ходим мы, не растопив сердце...

Хорошо, я на завод попал. Кстати сказать, и мать у меня здесь работает, и отец у меня рабочий. Мне терять нечего, да и особенно приобретать нечего. Но вот те ребята, кто в вуз поступили или на какую-нибудь престижную работу попали, они как в окопе. Ага, мол, «афганец», потому и приняли, потому и двигают. Знаете, какая самая главная черта у бывших «афганцев»? Замкнутость. И еще — вдруг просыпающаяся иногда и, казалось бы, необъяснимая агрессивность. Это от ощущения неполноценности своего положения в обществе. С одной стороны, вроде герой, вроде льготы предоставлены государством, а с другой — «мы тебя туда не посылали», не стыдно тебе, молодому, здоровому (а разве кто виноват, что я калекой оттуда не вернулся!), без очереди лезть. Я как-то пришел за заказом туда, где ветераны отовариваются. Скажу вам, картина страшная, удручающая. Стоит толпа стариков, они уже по ту сторону жизни, и с вожделением, со страхом смотрят они на толстую тетку с красными руками. Положит лишний кусок колбасы или не положит?.. Так отдаст или дармоедами при этом обзовет? Постоял я, постоял, да и плюнул на все и не пошел больше... И еще одна мысль мне тогда в голову пришла. Это же до чего страну довести надо было, чтобы за сорок с лишним лет фронтовиков не накормить, не обогреть, не обеспечить жильем. Может, и нам своих льгот сорок лет ждать? Так зачем они тогда нужны, эти льготы? Нам, кстати, тоже жилье положено. Пришел я в наш исполком. Симпатичная такая женщина сидит. Посмотрела она на меня, перелистала мои бумаги, потом вздохнула так тяжело, покачала головой и говорит: «Поберегли б вы свое здоровье. Ничего вы здесь не выходите. Этих «афганцев» знаете сколько пороги обивает». А я даже ей благодарен. Хоть правду сказала. Собрал тогда я свои бумажки и больше туда ни ногой. Это насчет льгот. Это тем, кто считает, что нас облагодетельствовали. А я думаю, не может государство обеспечить льготами, так нечего и затевать. А то ведь одна показуха получается. И перед людьми неудобно. Вот у жены на работе говорят: «О, у тебя муж «афганец», тебе и беспокоиться не о чем...» Но дело, конечно, не в личном благополучии. Просто после Афгана будто шоры с глаз сбросил, вся жизнь по-другому видится.

Тех же ветеранов войны разве замечал когда раньше, разве болело у меня за них сердце? А политика? Разве я задумывался раньше, что там или кто там, наверху? Теперь же, когда я испытал эту политику на собственной шкуре, мне далеко не безразлично, о чем они там думают, какие решения примут.

Нас, прошедших войну, уже трудно заставить безропотно одобрять нелепости, глупости, преступления, жить по-старому. И сегодня мы непонятная, неисследованная и далеко не маломощная сила. И от того, станет она созидательной или разрушительной, во многом зависит будущее перестройки. По себе и по своим товарищам знаю, как остро мы сейчас воспринимаем любую несправедливость. Я, например, не знаю «афганца», который бы равнодушно смотрел на обюрократившихся чинуш, на кооператоров-рвачей, на новоявленных миллионеров, на бандитов с красивым названием рэкетиры. Я уже слушал об антирэкетирских формированиях бывших «афганцев». Это не шутки. Такое у нас впервые в стране.

Появилось поколение воевавших детей невоевавших отцов. Както мы теперь поймем друг друга, не знаю. Я лично часто ловлю себя на мысли, что они — наши отцы — слишком уж бездеятельны, безответственны, слишком покорны. Они все еще в плену того сонного ленивого застойного времени. Они не понимают чего-то, может быть, самого главного в этой жизни. Например, что она конечна... Они привыкли и готовы ждать... Мы — нет! Разве для этого мы рисковали там своей жизнью, чтобы теперь выслушивать речи о новом светлом будущем? Мы хотим справедливости и благополучия уже сегодня. Для себя, для наших жен, для наших детей.

Смотрел репортаж из Термеза о выводе последних частей наших войск из Афганистана. Всматривался в лица ребят, в их глаза, полные слез. И замечал в этих глазах затаенную тоску. Они прощались со своими иллюзиями...

Ю. ТИШАКОВ,
бывший воин-интернационалист,
оператор установки «Булат»
Московского завода «Станконормаль»

ОТ РЕДАКЦИИ. Этот материал перепечатан с небольшими сокращениями из газеты «Воин запаса», органа Московского городского совета военно-патриотического объединения. Его телефон: 923-79-39.

БЕЗ МАСКИ

В апреле на одной из московских площадок в Лужниках я случайно оказался свидетелем митинга, организованного группой евреев. На мой вопрос, что здесь происходит, один из присутствующих ответил: «Мы выступаем против антисионистского комитета». Чем же не удовлетворила собравшихся деятельность этого комитета (сокращенно — АКСО)? Быть может, тем обстоятельством, что этот комитет фактически был назначен, а не избран или что в его составе не оказались такие известные специалисты по сионизму, как В. Бегун и А. Романенко? Оказалось, нет. Собравшихся возмущал сам факт существования такого комитета в нашей стране. Сионизм, по их мнению, выражает стремление евреев объединиться на своей исторической родине — и только. Некоторые крикуны требовали отмены революции ООН, определяющей сионизм как одну из форм расизма, призывали возобновить прерванные якобы по вине Советского правительства дипломатические отношения с Израилем. Слушал такие речи и диву давался: все в них поставлено с ног на голову.

Как мне стало известно позднее, этот митинг был запрещен Ленинским райисполкомом города Москвы. Да и как иначе там могли поступить. В заявлении членов обществ дружбы и культурных связей с Израилем, «Еврейской культурной ассоциации» и «Бедных родственников» — организаторов митинга — было написано: «Существование и деятельность этого одиозного комитета (АКСО. — *В. М.*) оскорбляет наше гражданское и национальное достоинство, является нашим национальным позором». Обвинение, что и говорить, прозвучало веское и по меньшей мере абсурдное. Вместо борьбы с сионизмом, этой разновидностью фашизма, выдвигалось требование разогнать в нашей стране антисионистский комитет. Причем главным образом за его название...

В последнее время таких обществ, как «Бедные родственники», возникло в Москве немало. Это и «Еврейский молодежный центр», и «Союз учителей иврита», и еврейские религиозные общины при Московской хоральной и Марьинорощинской синагогах, и Московское еврейское культурно-просветительное общество. Планируется создание филиала Всемирного объединения еврейских студентов. Судя по всему, количество их будет расти. Немалые усилия для этого прилагают политики, общественные деятели, представители культуры западных государств, при активной помощи их единоплеменников в нашей стране. В Москву направляют стопы лидеры Всемирного еврейского конгресса, сионистских организаций «Бнай Брит» и «Джойнт». Их усилия не пропадают даром. Достигнуты договоренности о создании крупного еврейского центра в районе Московской хоральной синагоги, находящейся в самом центре Москвы, с кошерным рестораном, гостиницей для иностранных гостей и еврейским музеем.

Конечно, культура любого народа, в том числе еврейского, нуждается в развитии. Но возникает недоумение: почему в столице государства, в котором евреи составляют 0,69 процента населения, уделяется такое несоизмеримое внимание именно их культуре, а, скажем, не украинской, татарской, русской?

Председатель АКСО Д. А. Драгунский в интервью еженедельнику «Аргументы и факты» (№ 6 за 1989 г.) признал, что есть попытки еврейских общин, в том числе связанных с сионистскими кругами США и Израиля, использовать развитие культурных и религиозных связей для реализации своих политических целей. Каких? — об этом красноречиво говорили участники митинга в Лужниках, не скрывающие своей просионистской ориентации. И не правдоподобны ли в таком случае зловещие слухи, что достигнута договоренность о проведении в ближайшее время в Москве очередного Всемирного еврейского конгресса? С кем достигнута в таком случае?

В. МИХАЙЛОВ,
Москва

ИССЯКАЕТ КРЕДИТ ДОВЕРИЯ

Несмотря на самопохвалы, похоже, что «Огонек» не оправдал надежды многих своих новых подписчиков. Хотя его редактор по-прежнему настроен радужно. В четырнадцатом номере он заполнил колонку редактора жалобами на трудности, которые, разумеется, преодолеваются. Во-первых, досаждают «враги», которые не дремлют, а печатают «доносы в стихах», устраивают «обстрелы» и «кампании наветов». Причем все они названы — это журналы «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Москва». Во-вторых, мешают силы, конечно, консервативные и некие «опасные» обстоятельства. В. Коротич так и написал: «Мы хорошо понимаем, насколько безопаснее делать журнал безликий, беспринципный, мы ни в коем случае не опустимся до такого журнала». Интересно, на какие же опасности намекает В. Коротич? По всей вероятности, это просто риторика. Что же касается утверждения, что «Огонек» никогда не опустится до беспринципности, то это не так.

Ведь принцип, как определяет Даль, это «научное или нравственное начало, правило, основа, от которой не отступают». Не отступают. А когда сверх всякой меры восхваляют, например, Брежнева, а после смены власти с великой поспешностью разоблачают того же Брежнева, то это уже не принцип, а весьма витиеватая линия поведения.

Принцип — это правило нравственное, это выражение борьбы за справедливость и истину. А «Огонек» очень часто берет под защиту безнравственных людей. Скажем, в пятнадцатом номере напечатано письмо сотрудников «мамаши» теории «бесперспективности малых деревень» Т. И. Заславской, восхищенных ее деятельностью. Никакого обоснования в письме нет, просто выражено мнение группы из восьми человек, шесть из которых даже не названы по фамилии. Мнений может быть тысяча и одно и даже больше, но они показывают лишь позицию того или иного человека. А для признания любой позиции необходим анализ, подлинные факты, а их в письме не приводится.

Еще один пример. В четырнадцатом номере появилось письмо читателя М. Салопа из Москвы, где он пишет: «Прошу вас, не оставляйте тему антисемитизма и не оставляйте в покое «Память»: в Мюнхене в 20-е годы тоже начиналось с такой «Памяти» за кружечкой пива». До какой же степени это надоело! Сколько же можно говорить, что «Память» — фашиствующая организация и при этом не давать ей самой провозгласить свои идеи и принципы.

Налицо нежелание серьезно разобраться в сущности дела. Давно пора объяснить и что же такое «антисемитизм». Точно определить. Если под этим словом (по законам русского словообразования «антисемит» означает «против семитов», а большинство семитов — арабы, следовательно, антисемиты живут в основном в Израиле) имеется в виду политика ущемления евреев в государстве, то это клевета, в СССР евреи ни в чем не ущемлены. Если же термин этот расширяют до понятия «нелюбви» к евреям, то насильно любить никого заставить нельзя. Чувству не прикажешь. Тут все зависит от конкретного человека.

Нужно соблюдать принцип бережного отношения, уважения к каждой национальной культуре, в том числе и к русской. А ведь немало фактов противоположного свойства. Как, например, должен воспринимать русский человек, скажем, сравнение интересного, но все же конъюнктурного романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» с «Войной и миром» Льва Толстого? Добро бы с «Живыми и мертвыми» К. Симонова. И Симонову и Гроссману до Льва Толстого как до звезды небесной.

В «Огоньке» появляется немало поверхностных материалов, кредит доверия читателей тает из месяца в месяц. Возникает такой вопрос: неужели нельзя организовать новый журнал по типу «Огонька», скажем, «Луч» или какой-нибудь другой, пусть даже и с небольшим тиражом?

Ю. БАРАНОВ,
член Союза журналистов СССР,
г. Калинин.

Главный редактор Анатолий **ИВАНОВ**

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 19.06.89. Подп. в печ. 31.07.89. А00970.
Формат 84 × 108 [illegible]. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 655 000 экз. Заказ 189. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.